

Станислав Сергеев

ПАМЯТИ НЕ ПРЕДАВ

Памяти не предав

И снова война

Время войны

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Станислав Сергеев

**Памяти не предав:
Памяти не предав. И
снова война. Время войны**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Сергеев С. С.

Памяти не предав: Памяти не предав. И снова война. Время войны
/ С. С. Сергеев — «Издательство АСТ», 2019 — (Коллекция.
Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-120600-0

Приключения майора Оргулова и его соратников продолжаются. Возможность путешествия во времени дает шанс на выживание обреченным людям, прошедшим гражданскую войну и глобальный ядерный конфликт. В прошлом, где идет Великая Отечественная война, они сталкиваются с героизмом советского народа и поневоле попадают в самую гущу событий: заговор в высших эшелонах власти Советского Союза, активные действия немецких спецслужб, трагедия Красной Армии 1941 года, оборона легендарного Севастополя. К тому же герои узнают, что они не единственные из выживших, кто умеет путешествовать сквозь время... Аляска, Аргентина, Антарктида – подполковнику Оргулову и его соратникам приходится по всему миру бороться с врагами, желающими поживиться знаниями и технологиями из будущего.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-120600-0

© Сергеев С. С., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Памяти не предав	6
Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	21
Глава 3	28
Глава 4	36
Глава 5	44
Глава 6	51
Глава 7	60
Глава 8	67
Глава 9	74
Глава 10	82
Глава 11	90
Глава 12	97
Глава 13	105
Глава 14	114
Глава 15	122
Глава 16	129
Глава 17	137
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Станислав Сергеевич Сергеев

Памяти не предав

© Станислав Сергеев, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Памяти не предав

Особая благодарность за помощь при написании книги и конструктивную критику:

Сергею «Мозгу» Павлову, если б не его нравоучения и потрясающая эрудиция, то, наверно, и первая книга не появилась бы на свет. Владу Савину за интересный подход к технике, его комментарии всегда заставляли задуматься. Игорю Борисовичу Харламову за толковый фанфик, который был использован при написании одной из глав. Администраторам и посетителям интернет-форума «Литературный островок» – благодаря их настойчивости, активности и убедительности удалось избавиться от многих ошибок, и, главное, всем, кто не оказался равнодушным.

Пролог

Бойцы зондеркоманды СС *Dämmerung* (Сумерки) под командованием гауптштурмфюрера Готтлиба Ренца, как тени, бесшумно передвигались по ночному лесу в поисках противника. Камуфляжная экипировка, покрашенные зеленым гримом лица, пучки травы и ветки кустов, искусно закрепленные на одежде и касках, делали бойцов элитного подразделения СС практически невидимыми на фоне растительности. О том, что в этом лесном массиве скрытно работает крупное германское военное подразделение, знало только высшее руководство имперской безопасности. Для оперативного прикрытия, а в случае необходимости и силовой поддержки, в десяти километрах от места действия проходило вроде как переформирование четырех батальонов моторизованной лейб-бригады СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», понесшей серьезные потери во время летне-осенней кампании на Украине.

Командованию лейб-бригады СС было дано жесткое распоряжение на полную и беспрекословную поддержку действий зондеркоманды гауптштурмфюрера Ренца. Никто из офицеров «Лейбштандарта СС» ничего не понимал, но личное распоряжение рейхсфюрера СС, подкрепленное указанием руководителя главного управления имперской безопасности Рейнхарда Гейдриха, говорило о серьезности ситуации. Уже несколько дней бойцы бригады ночевали в поле возле танков, бронетранспортеров и машин, чтоб по первому сигналу двинуться громить неведомого противника, которого в лесах Украины искало элитное подразделение СС. В качестве подтверждения серьезности ситуации в помощь такой странной образом сформированной войсковой группе были приданы несколько авиаподразделений люфтваффе, состоявших из воздушных разведчиков, штурмовиков-бомбардировщиков и истребителей. Для особой мобильности вчера перебросили специальную группу парашютистов и два военно-транспортных Ю-52, которые также ожидали команды для принятия участия в особо секретной операции. Кто противник, чем вооружен, как с ним бороться, никто из привлеченных офицеров и солдат войск СС не знал. А вот гауптштурмфюрер Ренц, как и четыре командира подкоманд его зондеркоманды, был в курсе. Две недели назад его и еще четырех офицеров вызвали в Берлин, где лично, в отдельном кабинете, обергруппенфюрер СС проводил инструктаж. То, что в условиях строжайшей секретности им было сообщено, повергло в шок одних из лучших бойцов Германии.

Сейчас, осторожно пробираясь по лесу, стараясь не шуршать опавшей листвой и не наступать на ветки, Готтлиб Ренц вспоминал рассказ обергруппенфюрера СС, начальника главного управления имперской безопасности. Расскажи такое кто другой, Ренц просто пристрелил бы наглеца, но тут был сам Рейнхард Гейдрих, легенда СС. Германия проиграет, трудно в такое

поверить, когда скоро начнется штурм русской столицы, но оснований не доверять руководству у гауптштурмфюрера не было.

Пришельцы из будущего, неизвестный портал, из которого появляются танки и уничтожают немецких солдат, бесшумное оружие, радиостанции у каждого солдата, приборы ночного видения, ручное противотанковое ракетное оружие и многое другое. Звучит фантастически, но и этих русских из будущего можно убивать, поэтому они, лучшие солдаты Германии, сейчас вышли на тропу войны, они найдут и уничтожат хоть черта, если это нужно будет для рейха. Оказалось, что пока абвер играет в свои шпионские игры и пытается договориться с пришельцами, немецкий гений под руководством партии и фюрера смог создать приборы и найти место, где находится выход из будущего и откуда должен появиться противник. Как сказал обергруппенфюрер, именно эти русские повинны в недавних неудачах вермахта на фронтах, в гибели командира моторизованной дивизии СС «Райх» Пауля Хауссера, подло убитого в небольшой русской деревне под Могилевом.

К сожалению, аппаратура не давала точных координат и часто ошибалась. То она показывала, что выход вроде как находится на контролируемой окруженными русскими территории под украинским городом Борисполь, то в этом лесу, севернее русских позиций километров на двадцать, где они сейчас находятся. Тут сигнал был сильнее и мощнее, правда, появлялся изредка, что говорило о непостоянном режиме работы портала из будущего. Но тем не менее зондеркоманда СС Ренца, в составе которой были три технических специалиста, старательно и осторожно прощупывала район, стараясь никак не выдать себя, прекрасно зная возможности пришельцев. Основные разработчики поисковой аппаратуры из научной группы СД находились под усиленной охраной в небольшой украинской деревеньке, где солдаты из «Лейбштандарта СС», в целях соблюдения секретности, быстро вычистили все местное население. Всем частям было строго-настрого запрещено выходить в радиоэфир – по мнению специалистов, именно так русским удалось под Могилевом отлавливать и уничтожать разведгруппы частей СС, проводивших поиски. Были разговоры об изобретении в будущем невидимых костюмов, но все, кто был причастен к тайне, старались в это не верить, прекрасно понимая, чем это будет чревато для будущего не только рейха, но и всего цивилизованного мира. Орды невидимых и безжалостных варваров, безнаказанно творящих зло на территории Германии, это будет ужасом, и никто не хотел допустить такого развития событий.

Ренц залег в кустах на краю небольшой полянки, положив перед собой МР-40, поглядывая, как осторожно крадутся вперед пять следопытов, изучающих любые следы пребывания противника. Услышав сзади тихий шорох, он чуть повернул голову, зафиксировав периферийным зрением характерный камуфляж своего бойца, который максимально незаметно подошел к нему и, наклонив голову, прошептал на самое ухо:

– Герр гауптштурмфюрер, есть сигнал. Впереди, чуть левее, расстояние не более двух километров.

По характерному дефекту речи Ренц узнал своего негласного ординарца роттенфюрера Венцеля, которому еще во время боев в Херсоне камнем выбило несколько зубов, и, из-за того что их группу постоянно кидали на разные участки фронта, он все не мог попасть к нормальному дантисту, исправившему бы этот дефект.

Гауптштурмфюрер поднял руку, и несколько кустов в радиусе пяти-шести метров чуть колыхнулись, показывая, что замаскировавшиеся бойцы зондеркоманды готовы к действию. Показав ладонью, он легко махнул рукой, и этого было достаточно, чтоб, как в немом кино, практически бесшумно, расплывчатые фигуры начали двигаться в указанном направлении. Все это сопровождалось только воем ветра в верхушках деревьев и артиллерийской канонадой, которая уже несколько дней непрерывно раздавалась со стороны Борисполя, где отчаянно оборонялись окруженные советские части.

Русские же, с которыми ему предстоит схлестнуться, хорошие воины, умные, обученные, имеющие боевой опыт, и единственная возможность их победить – это ударить врасплох и задавить количеством, ведь они, как правило, действуют небольшими группами по шесть-восемь человек, а тут как раз и важно, кто кого первый услышит, подготовится и ударит. И главное – они не знают, что их ждут.

Напряжение передалось всему отряду, но тут собрались не сопливые новобранцы и не восторженные мальчишки из гитлерюгенда, это был действительно отборный отряд. Движения бойцов стали более плавными, нигде не треснет сломанная ветка, лишь изредка где-то тихо-тихо зашелестит опавшая листва и все...

По цепи с помощью знаков передали, что противник обнаружен, и зондеркоманда, как громадный удав, стала опутывать находку кольцами своих бойцов. Все это продолжалось не один десяток минут, когда узел стал потихоньку затягиваться. Ренц выдвинулся вперед, с верным Венцелем, который неотрывно двигался чуть позади, и залег возле покрытого мхом ствола поваленного дерева. Вот они, воины будущего. Враг, который смеет становиться на победном пути немецкой военной машины.

До противника было метров тридцать, но Ренц не смог себя пересилить и, подняв бинокль, стал в предрассветных сумерках рассматривать в деталях врага. Одетые в необычный камуфляж в виде маленьких квадратиков разного цвета, высокие ботинки на рифленой подошве, несмотря на свою грубость, ступали мягко и тихо, камуфлированная система из многочисленных кармашков и клапанов удобно распределяла вес магазинов и снаряжения, так необходимого в рейде, по всему телу, при этом не стесняя движений, раскрашенные зеленым и коричневым цветом лица, необычные, по виду легкие и прочные шлемы, черные перчатки, явно военного назначения, предусмотренные не только для защиты рук от перегретого оружия, но и для рукопашного боя, когда ладонью можно остановить лезвие ножа, и, главное, оружие – с длинными толстыми стволами и с оптическими прицелами. За спинами у всех висели странные трубы, это, скорее всего, были ручные ракетные установки, про которые так много рассказывали специалисты. Но главным были движения и глаза: у него в подчинении великолепные солдаты, но сейчас перед ним среди деревьев двигались опасные, очень опасные твари, которых нужно только уничтожать.

Бойцы противника грамотно контролировали пространство вокруг себя, перемещаясь как бы от прикрытия к прикрытию, при этом не сбавляя темпа движения.

Видимо, ненависть, злоба и зависть создают что-то такое, что другой человек может почувствовать – один из пришельцев чуть приостановился, внимательно рассматривая дерево, под которым лежал Ренц, как бы ощущая идущую с этой стороны волну чувств, и, больше на инстинкте, чем разглядев эсэсовцев, шепнул в небольшой проводок, закрепленный на шлеме. Произошло что-то необычное – вот они были перед ним, десять человек, и вот они, как тени, исчезли. Нет, это не было чудом, просто лучше продуманная расцветка камуфляжей и подготовка личного состава сделали свое дело. Кто-то из солдат отряда Ренца не выдержал и выстрелил, и тут же по русским ударили пулеметы и автоматы всего отряда. Лес сразу наполнился грохотом и запахом сожженного пороха. У людей Ренца оказалось минимум пятикратное преимущество, и, судя по тому, как бойцам зондеркоманды удалось задавить огнем пришельцев, у них были неплохие шансы на успех.

В это же время в эфир пошли кодированные сигналы, и в десяти километрах сотни солдат бригады «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» грузились в машины, бронетранспортеры, в сопровождении танков двигались в этот район. С аэродромов взлетали самолеты с парашютистами и под охраной истребителей люфтваффе направлялись к месту боя.

В сторону противника полетели гранаты, но и в ответ они получили неожиданный отпор.

Перед позициями эсэсовцев грохнули громкие взрывы, сопровождающиеся ярчайшими вспышками. На время ослепшие солдаты прекращали стрелять, этим и воспользовались рус-

ские: из-за деревьев что-то хлопнуло, и в сторону позиций пулеметчиков потянулись огненные стрелы. Оглушительные взрывы, похожие на обстрел 120 мм миномета, и огненное пламя буквально слизнуло семь человек. Русские стреляли, конечно, в ответ, но на фоне звука стрельбы немцев это почти не ощущалось, но вот замолчал один пулемет, потом еще один, рядом захрипел Венцель, и гауптштурмфюрер Ренц, повернув голову, с удивлением увидел, как его ординарец катается по земле, зажимая брызжущую из простреленного горла кровь. Ни о какой попытке взять пленных не может быть и речи, только уничтожать. Снова полетели гранаты, и вокруг деревьев, где залегли русские, захлопали разрывы. Не выдержав такого напора, прищельцы стали отходить, но под огнем превосходящего противника это было нелегко: пара человек остались прикрывать отход – это дало всего лишь несколько дополнительных секунд отступающим.

Один из прищельцев пытался вытащить своего раненого товарища, но обозленные потерями эсэсовцы безжалостно расстреляли обоих. Еще несколько раз в сторону наступающих немцев летели огненные стрелы, раз за разом сжигая людей, но это уже была агония русских. Благодаря выдержке и подготовке все же удалось вырваться четверым, которые, мастерски прикрывая друг друга, стали отходить, отстреливая всех неосторожных и особенно энергичных преследователей, но тем не менее на изрытой взрывами земле замерло шесть окровавленных тел в непривычной форме и с необычным оружием. Отправив за отступившими русскими подкоманду унтерштурмфюрера Шульдта, к которому впоследствии должны были присоединиться солдаты второго батальона «Лейбштандарта СС», Ренц, с основными силами, бегом двинулся в сторону портала, где шел бой, оставив на месте боя более двадцати погибших и раненых бойцов зондеркоманды.

Там дела обстояли лучше – заслон русских, который прикрывал портал, был уничтожен. Но и это далось с большим трудом. Несколько пулеметов, прикрывающих портал, собрали и тут свою кровавую добычу: пространство вокруг импровизированной линии обороны русских было завалено телами солдат СС. Но, несмотря на потери, бойцам Ренца удалось проникнуть на ту сторону и, по словам посыльного, захватить пульт управления с учеными, пресечь аварийное отключение и с трудом, но отбиваться от подходящей охраны русских. Не задерживаясь, он вместе со своими бойцами последовал в портал по спущенным металлическим сходням, как бы висящим в воздухе.

Огромный зал с необыкновенной установкой в виде большого кольца, к которому подходило множество толстых проводов, был завален трупами в немецком камуфляже, людьми в белых халатах и русскими охранниками, хотя их форма и снаряжение сильно отличались от тех, с кем они воевали в лесу и перед порталом. Эти были экипированы в тяжелые шлемы с забралами, защитные пуленепробиваемые жилеты, и все поголовно оказались вооружены автоматическим оружием.

Сейчас стояла задача продержаться до подхода основных сил и не дать противнику отключить установку.

Взрывы гранат в закрытом пространстве оглушили почти всех. Команд уже никто не слышал и не слушал. Все попытки прорваться внутрь коридоров пресекались русскими, к которым подошло еще подкрепление, более многочисленное и соответственно экипированное, и уже они теперь начали выдавливать немцев в зал из аппаратной и прилегающих коридоров. Бой принимал затяжной характер, и у бойцов зондеркоманды стали заканчиваться боеприпасы, собираемые у убитых товарищей. Как временное спасение оказалось прибытие отряда парашютистов, которые, ориентируясь на световые и дымовые сигналы, сумели быстро высадиться и с ходу вступить в бой. Но это помогло мало – сказывалось лучшее вооружение противника и то, что в коридорах русские автоматические карабины были буквально смертоносны, в отличие от немецких MP-40, с которыми воевали в основном бойцы зондеркоманды и парашютной

группы. Пистолетные патроны, используемые в МР-40, не пробивали бронежилеты противника, и, получив в грудь такую пулю, тот через некоторое время снова вступал в перестрелку.

Бой уже продолжался пятнадцать минут, когда через портал в зал стали врываться солдаты третьего батальона «Лейбштандарта СС Адольф Гитлер», в максимально быстром темпе приехавшие к лесу и бегом преодолевшие расстояние в четыре километра, там, где не могла пройти техника.

«Вот теперь повоюем...» – зло ощерился Ренц. Оказалось, что винтовки, которыми в большей массе были вооружены солдаты, с близких дистанций неплохо пробивают бронежилеты противника, и ценой огромных потерь удалось оттеснить русских снова в коридоры.

В это же время пинками остатки зондеркоманды выводили из портала русских ученых, которых удалось захватить. Один из них, толстоватый, потный, с мокрыми штанами, что-то кричал, показывая на часы, но, получив удар прикладом винтовки по спине, скривился и упал как подкошенный. Тем не менее двое солдат его подхватили и, скривив физиономии от воняющих штанов, вынесли ученого, или кто он там был, в свой мир.

Бойцы «Лейбштандарта» все прибывали и колонной уже поднимались внутрь портала, с ходу вступая в бой, захватывая коридоры.

Гауптштурмфюрер Готлиб Ренц стоял в коридоре, посреди трупов, держа русский штурмовой карабин в руках, и победно осматривал захваченное помещение.

«Какое все же удобное и неплохое оружие придумали коммунисты. Скоро таким будут вооружены все солдаты рейха, и мы всем покажем, кто хозяин, и в нашем времени, и в будущем».

В этот момент в аппаратной что-то заревело, и под потолком замигали несколько уцелевших после двадцатиминутного боя лампочек. Это было так неожиданно и так зловеще, что многие немецкие солдаты остановились, пытаясь понять, что происходит.

Взгляд уперся в установку, которая завибрировала и начала плавиться. В этот момент как раз через нее проходили несколько солдат, и в зал ввалились две половинки людей в полевой форме СС, чисто и аккуратно разрезанные, будто скальпелем. Это было так невероятно, и все замерли, понимая, что происходит что-то невероятное, а потом была мгновенная вспышка. Выброс энергии оказался настолько сильным, что сжег весь зал и все, что в нем находилось, прилегающие коридоры с прорвавшимися эсэсовцами, аппаратную, разнес вычислительный центр, добрался до переходного тамбура, специально оборудованного тяжелейшими дверями для противодействия такому взрыву, расплавил их, но не смог прорваться дальше. Огненный смерч стал метаться по научному комплексу, круша и испепеляя все на своем пути, ища выход своей мощи. В итоге, пробив огромную дыру в системе вентиляции, прорвав несколько контуров защиты, пройдя вертикально вверх более пятидесяти метров по воздухозаборному колодцу, вырвался наружу, в мертвый и холодный мир, озарив его вспышкой огненного пламени, поднявшейся над поверхностью более чем на несколько сотен метров.

Более мощный и более смертоносный выброс энергии произошел в прошлом. Огромное пламя, невероятное по тем временам, в мгновение сожгло все части СС, срочно стягиваемые к месту портала, всех пленных, захваченных в будущем, тела защитников и спецназовцев, погибших в лесу, снаряжение и экипировку, которые уже вызвали большой интерес у специалистов. Ударная волна от такого выброса через несколько секунд сбила все самолеты люфтваффе, кружащие в этом районе, дошла до деревни, где находился стационарный пост наблюдения за порталами из будущего, раскидала и раздавила машины, как пушинки, взорвала бензовоз, обеспечивающий бесперебойную работу генераторов. Удар, как огромный молот, стер с лица земли домик и в комплекте с ним всех немецких специалистов, так неосмотрительно доставленных в эту глушь руководством Германии.

Всем, кто выжил, впоследствии казалось, что это больше походило на месть богов, рассердившихся на вмешательство людей в высшие материи...

Пережив ударную волну, догадываясь, что могло быть результатом, остатки группы спецназа в составе четырех человек стали отходить подальше от места возможного ядерного взрыва, в сторону канонады, пытаясь прорваться к позициям советских войск. Несмотря на светопрествление, подкоманда СС во главе с унтерштурмфюрером Шульдтом продолжала преследование пришельцев.

Во время очередной стычки, когда русские снова показали зубы, подстрелив еще двух бойцов из преследующего отряда, Шульдту удалось окружить беглецов, и немцы методично и грамотно стали их отжимать к оврагу. Вопрос уничтожения и пленения был уже вопросом времени, когда в тыл немцам ударила другая группа русских, вооруженная обычным для Красной Армии оружием. Закидав противника гранатами, красноармейцы пошли врукопашную и сумели на время изменить ход боя. Фактор внезапности сыграл свое дело, и окруженным беглецам удалось вырваться, но пришедшие на помощь были наказаны за свое вмешательство. Два неподвижных тела в маскхалатах советской армейской разведки остались лежать под деревьями.

Не сговариваясь, люди в пилотках с красными звездами и бойцы в цифровом камуфляже, разгрузках и оружием двадцать первого века, подхватив раненных, бросились бежать в сторону далекой канонады.

Отряд СС, понеся значительные потери, на время отстал, но уже через десять минут бега стало ясно, что преследование продолжается, а преследователей стало больше, и они пополнили свои ряды свежими силами.

Когда командир красноармейцев, тяжело дыша, дал команду на короткую передышку, все без сил попадали на землю, но все это было сделано быстро, тихо, без грохота и лязга бросяемого оружия, и, скорее подсознательно, лежащие на земле люди заняли круговую оборону.

Командир пришельцев, отдышавшись, оглядел своих спасителей, остановился взглядом на немецких МР-40, советском ППД с дисковым магазином, карабинах Мосина и пулемете Дегтярева в руках красноармейцев, протянул руку командиру и коротко сказал:

– Спасибо, мужики, выручили.

Командир разведгруппы, посланной руководством окруженной группировки, с интересом оглядел экипировку новых знакомых, пожал протянутую руку, но, тем не менее, не выказал такого удивления, как ожидал командир пришельцев.

– Да ничего. Меня, кстати, Игорь зовут.

– Максим.

– Ну, тогда надо бежать дальше, Максим, загоняют нас они, а там ваши уже заждались.

Тот, кто представился Максимом, чуть опешил.

– Какие такие наши?

– Ну, ваши, из специального батальона НКВД, они нас и послали вас встретить и проводить в расположение.

Максим никак не мог понять, что тут происходит. То, что их раздолбали и потом гнали эсэсовцы, то, что портал накрылся медным тазом, и, видимо, на базе рванули ядерный заряд, тоже было понятно, но вот то, что их ждали и послали помощь, ну это вообще ни в какие ворота. А точнее – кто?

– А с чего ты взял, что они наши?

Этот молодой, но уже побитый жизнью армейский разведчик ухмыльнулся.

– Так и форма похожая, и оружие, и радиостанции у каждого...

Надежда, что не все потеряно, забрезжила у пришельца.

– А кто там старший, у наших?

Это они уже говорили на бегу, пытаясь хоть как-то после многокилометрового бега держать темп, потому что сзади уже начали опять хлопать выстрелы преследователей. Разведчик прохрипел:

– Майор госбезопасности Кречетов...

– Да, дела... – прохрипел тот, кто представился Максимом, при этом абсолютно ничего не понимая.

Их нагнали через полчаса и прижали к речушке с обрывистым песчаным берегом. Переправиться с ранеными не было никакой возможности – на фланге уже засел немецкий пулеметчик, который грамотно простреливал всю гладь воды. Бой принимал затяжной характер, нападавших они проредили, но все равно соотношение сил было однозначно в пользу немцев, под плотным огнем противника и советские разведчики, и спецназовцы откатывались к берегу. Игорь несколько раз пускал вверх ракеты, подавая отчаянные сигналы, прося помощь, но время шло, раненые товарищи истекали кровью, патроны заканчивались раньше, чем живые эсэсовцы, а ничего не изменялось.

Когда в автомате закончились патроны, пришлось достать «Грача» и уже отстреливаться из него. В руке оставалась последняя граната, когда натренированное ухо уловило звук боя, причем Игорь готов был поклясться, что явственно слышал характерное неторопливое тарахтение КПВТ и хлопки автоматических пушек, которые обычно ставили на БМП-2. И как балласт на душу был грохот танковой пушки. Интуиция и жизненный опыт подсказывали, что это звуки спасения.

Еще через пару минут из-за пригорка вылетели такие знакомые приземистые силуэты современных танков – Т-64, Т-72 и двух БМП-2, на броне которых красочно расположились бойцы в камуфляже и в форме НКВД с васильковыми фуражками и винтовками Мосина в руках. Немцы без паники встретили нового противника остервенелым огнем, прекрасно понимая, что из загонщика они превратились в жертву. Бой длился еще несколько минут, но массированное использование АГСов, спаренных пулеметов танков и боевых машин пехоты позволило задавить огнем остатки эсэсовского отряда, и, закидав их гранатами, бойцы прибывшего отряда в короткой и яростной рукопашной схватке добились ошалевшего противника.

Максим неуверенно встал, засунув разряженный «Грач» в кобуру, подхватил с земли автомат, закинув на плечо, двинулся к своим бойцам. Двое были ранены, а третий, оглушенный взрывом немецкой гранаты, сняв шлем, сидел на земле и ошалело смотрел на стоящие невдалеке танки. А посмотреть было на что: ясно видно, что техника не новая, не раз участвовала в боях, подбивалась и восстанавливалась. Динамической защиты практически не осталось, но тем не менее, она была любовно отремонтирована и даже покрашена в камуфляж, и уже включившийся в работу острый ум спецназовца стал анализировать ситуацию, прекрасно помня, что у них на базе не было таких танков.

Сборная солянка из бойцов, одетых в современные камуфляжи, вооруженных автоматами Калашникова, и солдат в форме НКВД начала войны, с петлицами в виде знаков различия, вызвала легкую улыбку своей абсурдностью. Но те, кажется, не замечали ничего необычного, обыскивали тела немцев, деловито собирали трофейное оружие, выставляли боевое охранение, оказывали раненым первую помощь.

Еще необычнее было то, как Игорь подскочил к командиру, который явно был из будущего, и, приложив руку к пилотке, делал доклад. У Максима отпечаталось в памяти обращение: «Товарищ майор государственной безопасности...»

«Хм, майор, да еще и госбезопасности, да вроде и не из наших, да и снаряга армейская, что ж, пойдём знакомиться...»

Уже подойдя ближе к человеку явно из своего времени и командиру отряда, он с удивлением увидел у него на камуфляже шеврон с надписью «НКВД СССР».

Глава 1

Солнце уже скрылось за горизонтом, но с высоты холма еще просматривалась полоска моря. Несмотря на осень, еще было тепло, и большинство отряда щеголяло в армейских камуфляжах и бронежилетах из будущего, что сильно контрастировало с формой сопровождающих бойцов НКВД. Командир и Санька Артемьев стояли в сторонке и о чем-то тихо переговаривались, при этом старательно рассматривая открывшийся пейзаж. Судя по неторопливости разговора – они действительно наслаждались открывшимся видом, чистым воздухом и самим моментом спокойствия. Создавалось впечатление, что они не могли просто надышаться и старались запомнить каждое мгновение необычной передышки в их непрерывающемся марафоне по мирам. Стоящий сзади Лебедев, буквально излучающий всем своим видом невозможность и уверенность в своих силах, терпеливо дожидался, когда гости закончат любоваться морем и спустятся с небес к земным проблемам. Как того требовал протокол, бойцы полка НКВД, которые в качестве охраны сопровождали небольшую колонну пришельцев из будущего, получив команду, выпрыгивали из кузова «полупортки», резво разбегались вокруг места импровизированной стоянки и выставляли посты, прощупывая близлежащие кусты на предмет ненужных наблюдателей.

Егор Карев стоял, облокотившись о горячий капот джипа, внимательно наблюдал за суетой охраны и командиром, который находился в благодушном настроении, что бывало весьма редко за последнее время. Помотавшись с Оргуловым по разным мирам, воюя с бандитами в будущем и громя германцев в свое время, Карев начал лучше понимать этих людей, даже проникся не то чтобы восхищением, но вот уважение они у него вызывали. Да, они были другими: думали по-другому, знали больше, но оставались такими же людьми – со своими проблемами, страхами, надеждами. Война в обоих мирах, как острый нож, срезала все наносное, наигранное и обнажала подлость, грязь, трусость, которые было трудно разглядеть в мирной жизни. Но так же проявлялись и смелость, твердость, уверенность в своих силах, от которых так часто зависит успех правого дела. Как ни странно, но его новые знакомые стали ему большими друзьями, нежели его сослуживцы из НКВД. Все получилось вне зависимости от его желаний и указаний руководства: череда событий буквально закрутила на одном дыхании. Кажется, только вчера их группу во главе с капитаном Строговым выбрасывали в окрестностях уже захваченного врагом Могилева – и вот он уже под Севастополем в составе особой группы. Как кадры в цветных и красочных фильмах из будущего, к которым он пристрастился в бункере, перед его взором пролетал калейдоскоп картинок из недавнего боевого прошлого. Вот деревня, где Оргулов в немецкой форме вышел к озверевшим эсэсовцам, захватившим детей в качестве заложников, вот горящая баржа на реке и Артемьев в резиновой лодке с гранатометом на плече, вот концлагерь для советских военнопленных и танки из будущего, расстреливающие станцию под Фастовом, вот спецназовцы в шлемах и бронежилетах, дерущиеся врукопашную с наступающими фашистами, и несущиеся по полю три тяжелые боевые машины с неестественно длинными пушками, оставляющими за собой горящую немецкую бронетехнику. Все это было буквально недавно, а кажется – в другой жизни. Скинув оцепенение, Егор уже привычным жестом поправил на плече ремень с автоматом Калашникова, с которым уже вроде как и сроднился, всем своим чутьем потомственного военного ощущая силу, надежность и элегантность этого оружия потомков. Но в этом деле у него был и своя, тайная и несбыточная мечта...

Согласно анкетным данным, неоднократно проверенным кадровиками, Егор Карев был самого подходящего происхождения – из крестьян. Его отец, который фигурировал во всех документах, родился и вырос в небольшом селе в Тамбовской губернии и во время эпидемии тифа в годы Гражданской войны сорвался с места со всем семейством и осел в окрестностях Новгорода. Там Егор вырос и впоследствии перебрался в город, пошел учиться, стал продви-

гаться по комсомольской линии, где попал в поле зрения органов государственной безопасности и после соответствующей проверки и стажировки был направлен в ОСНАЗ НКВД.

Егор гордился своей службой, командирскими кубарями в петлицах и тем, что принадлежал к военной элите страны, хотя в глубине души таилась еще одна, особенно важная причина, о которой знали всего три человека в этом мире: он, мать и отец. После совершеннолетия мать рассказала ему правду: когда семья Каревых покинула Тамбовскую губернию, они не успели уйти из зараженного района, и заболели почти все, четверо детей и жена умерли, оставив на руках у отца чудом выжившую годовалую дочку. Чуть не сошедший с ума от горя Трифон Карев случайно встретил молодую женщину с маленьким сыном, умирающих от голода, уцепившись за них как за соломинку, не давшую скатиться за грань безумия, стал выхаживать, как родных. Вот так снова и появилась семья Каревых. Егор не помнил тот период, но иногда сам удивлялся, как отец, по-крестьянски грубоватый, смог сойтись с такой милой и образованной женщиной, как его мать. Именно в то время на просторах России пропали Мария Павловна Азарова и ее сын Егор, а появились Мария Петровна и Егор Каревы, благо документы умершей жены Трифона остались в целости и сохранности.

Тогда мать ему много рассказала и про настоящего отца, Федора Алексеевича Азарова, капитана русской армии, погибшего в 1916 году на германском фронте, и про родственников по материнской линии, где встречались и ученые, и сановники, и про деда, профессора Петербургского университета. Особенно его увлек рассказ про отца, потомственного военного, род которого уходил к предкам, которые еще с Потемкиным и Долгоруким освобождали Крым, с Суворовым пройдя через Альпы, воевали с французами в Италии. Тогда перед ним открылась как бы новая страница его жизни. Попав в некоторой степени под действие советской пропаганды в юношеском возрасте, будучи комсомольцем, он не знал, что делать дальше, но мудрая и повидавшая жизнь мать сказала просто: «Честно служи России, сынок, несмотря на правил и на то, как она называется... Это делал твой отец, это делали и твои деды и прадеды. Главное, будь честен перед своей совестью и не опозорь память своих предков».

После того памятного вечера он не мог долго заснуть, ворочаясь и принимая для себя нелегкое решение, но то, что советовала совесть комсомольца – пойти честно признаться, он этого не сделал, а, оставив все как есть, пошел служить. Служил честно, учился на пределе возможностей, не участвуя в сварах. Только благодаря его усердию, успехам в боевой подготовке и молодости он не попал под каток репрессий, когда произошла смена руководства НКВД. Благодаря доставшейся от матери великолепной памяти он на партийных собраниях мог легко цитировать труды Маркса, Ленина, Сталина, что часто помогало избавиться от навязчивого внимания ничтожеств, старающихся пролезть наверх по партийной линии.

И вот теперь он, благодаря невероятному стечению обстоятельств, путешествовал во времени, видел такое, что не каждому дано увидеть и за несколько жизней. Но была еще тайная мечта, мысли о реальности которой посещали его не раз. В тот момент, когда мать показала единственную оставшуюся и нежно хранимую карточку его настоящего отца в военной форме, которую тот прислал незадолго до своей гибели, он понял, что сделает все и будет достоин своего родителя. Путешествия во времени открывали множество возможностей, и одной из них для Егора Карева была возможность увидеть своего отца, показать, каким вырос и стал его сын. Изучая ход истории России, беседуя с потомками, которые достаточно откровенно и цинично об этом частенько высказывались, Егор осознал, как веками Россию вели к гибели, отгрызая куски территории, убивая вождей и лидеров, спаивая и отравляя народ. Новые друзья притягивали своими знаниями и мировоззрением, очень изменившимся после глобального конфликта. Потомки не считали русских офицеров врагами, наоборот, очень хорошо о них отзывались и старались хранить добрую память, с высоты веков сумев оценить всю трагедию своей Родины. Поэтому, когда получилась возможность поговорить по душам, он открылся Артемьеву, ставшему настоящим другом и соратником. С затаенной радостью он увидел, как тот нормально

отреагировал на истинное происхождение Карева и на вроде как глупую надежду побывать в прошлом и увидеть своего отца. Санька, только чуть усмехнувшись, в своей обычной манере выдал:

– Да не заморачивайся. Если из этой бодяги выпутаемся, поговорим с Командиром. Он, несмотря на всю его осторожность, авантюрист и мечтатель еще тот. Будет такая возможность, сможем в твой девятьсот шестнадцатый и спасем отца...

Потом, после небольшой паузы, уже другим голосом, продолжил:

– Главное, когда тебя попытаются заставить предать нас, а это будет, ни Командир, ни я в этом не сомневаемся, реши, что тебе важнее. Ты вроде парень нормальный, не дурак, сам все поймешь...

Естественно, после такого разговора более преданного бойца у Оргулова и его друзей не было. Они делали общее дело, и пока не было никаких причин не доверять своим новым друзьям, а вот действия руководства НКВД начинали настораживать...

Вернувшись из мира грез, Егор с удивлением и подозрением стал рассматривать примчавшуюся машину и новое действующее лицо – майора Ивакяна. Что там говорилось, он не слышал, но вот то, как Командир успел скривить лицо в недовольной гримасе, заметил, и, видимо, это было знаком, говорящим о возникающих проблемах и неприятностях. Показательно невозмутимое выражение на лице Артемьева это подтвердило, и, уже полностью подбравшись и незаметно сняв автомат с предохранителя, Егор стал ожидать развития событий.

Лебедев куда-то уехал в сопровождении немногочисленной охраны, а общее руководство попытался взять на себя Ивакян, но тут Командир проявил упорство и, сославшись на какие-то личные договоренности с Берией, поставил зарвавшегося майора на место. Тому ничего не оставалось делать, как просто вернуться к роли сопровождающего. Карев ожидал увидеть в глазах Ивакяна бешенство, что вполне логично было от человека его положения и предположительной национальности, но он увидел только сосредоточенность и непонятную снисходительность, что никак не соответствовало ситуации.

Колонна двигалась еще минут двадцать, до того момента, пока их не сопроводили до входа в большие, вырезанные прямо в скале штольни, принадлежащие до войны инкерманскому заводу марочных вин. И тут их разделили. Командир, в сопровождении Ивакяна и двух его охранников, отправился куда-то по коридору внутрь длинных гулких коридоров, освещенных слабыми лампочками, а бронетранспортер и джип загнали вовнутрь, но тут же дали команду никуда не расходиться и не покидать транспортные средства. Все это, как сказал тут же Артемьев, «сильно напрягает», и Карев уже озабоченно смотрел на десяток бойцов НКВД, которые, выставив посты вдоль по коридору, заблокировали двумя машинами выезд из импровизированного убежища. Сидящий на броне БТРа Марков, увидев едва заметный кивок Артемьева, прыгнул на неровный каменный пол, громко топнув тяжелыми ботинками, чуть потянувшись, как бы разминаясь, и спокойно пошел к охранникам. Те сразу насторожились, и один из них, как бы незаметно, снял автомат с предохранителя. Все это с точностью вычислительной машины фиксировалось бойцами маневренной группы, которые уже были давно не новичками и тут же делали неприятные выводы.

Пока Марков препирался с бойцами охраны по поводу свободного прохода к отхожему месту, Артемьев залез в БТР, некоторое время там копался, эпизодически выглядывая и вслушиваясь в трехэтажный мат, в который перерос невинный разговор. Через некоторое время он вернулся к джипу и как бы между прочим спросил:

– Егор, ты там в кобуре что таскаешь? Не ПМ ли, случаем?

Карев, ожидающий от Саньки чего-нибудь экстравагантного, так же просто ответил, не подавая вида, что удивлен:

– Да. Хорошая машинка.

– Ну сгоняй в БТР, поменяй патроны, а то твои, видимо, испортились...

Удивившись, он тем не менее через боковой люк залез внутрь, где трое бойцов снаряжали магазины ПМов странными боеприпасами. Приглядевшись, он с удивлением стал рассматривать необычные патроны. В качестве пули у них были черные пластиковые шарики, хотя по размеру и калибру полностью совпадали со штатными боеприпасами для пистолета. Один из спецов, деловито потрошащий пачки, коротко бросил:

– Травматические. Судя по всему, этих идиотов придется положить, вот только убивать не хочется...

Карев кивнул, достал свой пистолет, вытащил магазин, но ему уже протягивали другой, снаряженный травматическими патронами. Зарядив оружие, загнав патрон в патронник и поставив оружие на предохранитель, он вышел из машины и спокойно подошел к Артемьеву, уже примостившемуся возле джипа и начавшему устраивать показательное выступление на тему: «На хрен Маркову нужно было дразнить вертухаев». Тот не обиделся и после нескольких особенно забористых перлов и фразы «Свалил в БТР, чтоб глаза не мозолил» спокойно кивнул и скрылся в бронетранспортере, наверно, по той же причине, что и минуту до этого Карев.

После этого вроде как досадного инцидента все словно замерло, ожидая развития ситуации. Вдалеке, в штольнях, на пределе слышимости ощущалось тарахтенье дизель-генератора, и из самих штолен тянуло холодом, отчего со временем люди начали поеживаться. Охранники тоже себя чувствовали не очень уютно, ощущая на себе взгляды бойцов в столь необычной экипировке, прекрасно понимая, что при попытке их разоружить сразу получают по голове без всяких вариантов. Артемьев демонстративно сидел на капоте джипа, жевал плитку шоколада и запивал из пластиковой прозрачной бутылки охлажденным чаем, но его чуть насмешливый прищуренный взгляд не пропускал ни одного движения охраны. Так же себя вели и остальные бойцы небольшого отряда. Как сигнал к действию прозвучал писк радиоприемника. Никто из отряда ничего не понял, а Артемьев кривовато ухмыльнулся. Практически тут же бутылка глухо упала на пол, расплескав по земле жидкость, в его руке появился пистолет и оглушительно для замкнутого помещения грохнул, а стены туннеля, как мощные резонаторы, многократно усилили звук. Один из охранников отлетел к стене и захрипел. Тут же все помещение буквально взорвалось: со всех сторон захлопали пистолеты, отправляя в охранников пластиковые пули, которые ломали ребра, выбивая дух, оставляя серьезные раны, но при этом не убивая солдат, которых намеренно попытались подставить под огонь путешественников во времени.

Подчиняясь на ходу разработанному плану, отряд быстро разделился на несколько групп. В сторону загороженного выхода полетели несколько светошумовых гранат. После грохота и ярких вспышек БТР взревел двигателем и стал сдавать назад, снося с дороги любые препятствия. Вторая группа рванулась по проходу, куда увели Командира. При этом один из бойцов весьма резво выкрутил лампочку и закоротил контакты, что вызвало несколько вспышек, после чего коридор погрузился в темноту. Группа, оснащенная приборами ночного видения, резво бежала по коридорам, в которых уже слышались испуганные крики, сбивая с ног всех, кто попадался на дороге, громко крича при этом: «Всем лежать, работает ОСНАЗ НКВД!» В штольне, где часть места была до сих пор отведена для стеллажей с бутылками, топот ног, лязг оружия и дикие, слаженные крики штурмовой группы создавали непередаваемую картину надвигающейся силы, с которой лучше не враждовать. На любую попытку поднять оружие или оказать сопротивление неизменно сразу раздавался выстрел из пистолета, и, получив пластиковую пулю, смельчак падал на пол, хрипя от боли, либо его просто сшибали с ног уверенным ударом ноги, обутой в тяжелый рифленый ботинок. Видимо, и противник в некоторой степени был готов к такому развитию ситуации, и когда несущийся в голове колонны Артемьев выскочил за угол, то сразу получил почти в упор очередь из ППД, которыми были вооружены охранники Ивакяна. Тяжелые пистолетные пули ударили в грудь и плечо, пробивая и корежа магазины к автомату, застревая в бронежилете, отдавая всю свою кинетическую энергию. Артемьева откинуло назад, сбив с ног бегущего за ним Карева. В замкнутом пространстве

выстрелы оглушили и нападающих и обороняющихся. Охранник, находясь в темноте, в истерике разряжал достаточно вместительный дисковый магазин своего автомата. Вспышки огня ослепляли бойцов, освещая коридор мерцающим красным светом, не давая прицелиться, пули щелкали по стенам, рикошетили с неприятным визгом, разлетаясь по коридору. Два человека из группы застонали, получив такие гостинцы, и один из них стал сползать по стене. Когда автомат замолчал, раздался крик «Глаза!» и в сторону автоматчика полетела световая граната. После оглушающего взрыва и ярчайшей вспышки озверевший Марков с неизменным ПКМ на ремне выскочил из-за угла и ударил по коридору и охранникам длинной очередью. Тяжелые винтовочные пули искромсали тела двух охранников, изрешетили стол, за которым они прятались, дверь и каменную кладку. Убедившись, что никто уже не сопротивляется, он с диким ревом бросился вперед к двери, перегораживающей коридор, снес ее с петель ударом ноги...

В комнате, освещенной сиротливо оставленным на столе фонариком, лежали вперемешку тела в советской форме. Майор Ивакян, получив в грудь две пули, сидел у стены, широко расставив ноги в начищенных до блеска сапогах. Голова свесилась набок и по подбородку стекала тоненькая струйка крови. На его лице так и осталось выражение безразличия и удивления. Один из его охранников выл, катаясь по полу и зажимая руками ногу – пулеметная пуля перебила ему колено. Откинув тело еще одного охранника, которому пуля, попавшая в затылок, вынесла половину черепа, нашли Командира. Даже при таком освещении было видно, что его сильно и качественно отделали и уже лежащего на полу били ногами. Приводить в чувство не было времени, поэтому Егор просто закинул Орзулова на спину и побежал по коридору в сторону БТРа, где вовсю разгорался бой. Идущий следом боец деловито сгреб со стола радиостанцию и оружие и бросился вдогонку. За ним ковыляли двое раненых и Марков, который с еще одним бойцом группы несли раненого Артемьева, потерявшего сознание от болевого шока. Чуть задержавшись, чтоб вколоть обезболивающее, они бросились догонять спешащих к выходу товарищей.

Катакомбы, активно используемые в качестве складов и штаба стрелковой дивизии, которая по замыслу командования должна была держать инкерманский сектор обороны, наполнились криками, топотом ног и лязганьем оружия. Только сейчас стало понятно, насколько виртуозно и изобретательно их подставили. Артемьев быстро пришел в себя и, несмотря на боль в груди, стал отдавать команды. К этому времени группа без особых приключений прорвалась к выходу, где БТР снес импровизированную баррикаду и короткими очередями из башенного пулемета Калашникова, спаренного с крупнокалиберным КПВТ, отгонял бойцов НКВД, которые уже на полном серьезе записали гостей в немецких диверсантов и со всей прилежностью и изобретательностью пытались прорваться к врагу.

Когда группа с раненым командиром вернулась, отряд был готов к прорыву. Взревев двигателем, БТР рванул вперед, периодически постреливая поверх голов небольшого заслона из красноармейцев из башенного пулемета Калашникова, экономя боеприпасы к КПВТ для более серьезного случая. Снеся шлагбаум, бронированная машина прервала хлипкие попытки заблокировать дорогу и отъехала от ворот штолен метров на семьдесят. Джип с бойцами и двумя пленными – старшими, кто руководил блокировкой группы, неся следом.

Наступившая вечерняя темнота только добавила колорита и неразберихи в сложившуюся картину. Со всех сторон раздавались жидкие хлопки «мосинок». В общей какофонии боя слышался перестук полуавтоматических винтовок и несколько раз затрещали ППД бойцов НКВД. БТР практически уже прорвался, когда с холма ударил луч прожектора, чуть пометался и случайно высветил несущуюся по дороге бронированную пятнистую машину неизвестной конструкции. Замаскированная на горе батарея малокалиберных зенитных автоматов открыла огонь по обнаруженному противнику. К счастью, зенитки не смогли опустить так низко стволы орудий, и трассеры снарядов прошли далеко над головами беглецов, взрываясь где-то на дру-

гом конце долины в зарослях небольшого подлеска. Это было серьезным предупреждением. Башня бронетранспортера, который резко остановился, быстро повернулась на возникшую угрозу и уже без стеснения и жалости ударила по прожектору из КПВТ. После второй очереди прожектор погас, но, видимо, зенитчики нашли способ опустить ствол хотя бы одного орудия, и следующая серия снарядов уже прошла в пятидесяти метрах впереди по пути прорыва колонны. На горе заработали еще два прожектора, которые уже целенаправленно пытались высветить пятнистого нарушителя спокойствия, и в сторону беглецов затарахтело еще одно зенитное орудие, перекрыв дорогу серией взрывов в опасной близости от бронетранспортера. А вот это уже было серьезно – для бронетранспортера даже этого будет достаточно: тонкая противопулевая броня вряд ли сможет противостоять зенитному снаряду. Уже пришедший в себя Артемьев дал команду отходить обратно к штольням и занимать оборону. Опять в сторону неумевших бойцов НКВД и присоединившихся к ним караульным штаба стрелковой дивизии полетели светошумовые гранаты. На подходе к воротам штолен сдающий задом БТР окутался взрывами гранат. Джип остановился чуть раньше и уже вовсю горел, ярко освещая место боя. Несколько человек спринтерами ворвались обратно в штольни, где им попытались оказать сопротивление. В каменных коридорах возникла рукопашная схватка. Тут в ход шло все: дрались прикладами, ногами, кулаками, помещение сразу заполнилось криками и матом, но опыт спецназа, экипировка и навыки, привитые в войне будущего, давали свои результаты. Через пару минут все красноармейцы и бойцы НКВД, кто пытался оказать сопротивление, лежали на полу, но пара человек в необычной форме тоже не поднимались. БТР подъехал почти к самым воротам, когда сильным взрывом его чуть подбросило и ударило об каменную стену, после чего он замер. Из бокового люка стали вытаскивать оглушенных людей. Марков, который до этого дрался врукопашную, залез внутрь, снял с кресла оглушенного пулеметчика, сам примостился в башне и открыл огонь из КПВТ. Несколько коротких очередей оказалось достаточно, чтобы остудить пыл и пресечь попытку атаковать окруженных. Из-за камней до БТРа попытались докинуть еще пару гранат, но расстояние было большое, и по броне пару раз щелкнули осколки, и на этом все закончилось. К нашему удивлению, перестрелка стала смолкать, видимо, с той стороны заканчивались боеприпасы, а люди были просто не готовы к затяжному бою.

Попытки восстановить освещение в катакомбах сразу наталкивались на изобретательность людей из будущего, которые великолепно разбирались в том, как устроить короткое замыкание и вывести из строя слабосильную энергоустановку комплекса. Некоторое количество светошумовых гранат и имеющиеся в наличии приборы ночного видения позволяли держать обитателей подземного укрытия на расстоянии. Используя стеллажи с бутылками, удалось заблокировать несколько проходов, создав при этом некое подобие линии обороны. Снаружи же обстановка менялась в худшую сторону. Находящийся недалеко ремонтный завод имел свою охрану, которая быстро сориентировалась и отправила несколько вооруженных отрядов на звук стрельбы в районе инкерманских штолен. Стоящие прямо на горе несколько автоматических зениток, входящие в систему прикрытия импровизированного штаба дивизии, контролировали дорогу к центральным воротам хранилища, и любая попытка вырваться с боем была бы обречена на полное уничтожение отряда майора Оргулова. Тем более в данной ситуации время играло против обороняющихся. Артемьев осмотрел командира, который был без сознания, и глубоко вздохнул, поняв, что помощи от начальства не предвидится, попытался представить, что бы на его месте сделал майор. В первую очередь, конечно, связь.

Не обращая внимания на грохот пулемета БТРа и стук пуль по броне, он залез внутрь и попытался связаться с базой, но ответа так и не получил. На этих частотах эфир был пуст – никаких сигналов, кроме местных радиопередатчиков. Мысль о том, что если тут таким наглым образом их попытались захватить, то могли попытаться организовать штурм бункера, буквально ударила в сердце, которое неприятно заныло. Такое с ним бывало, когда ожидалось

крупные неприятности, и, по-видимому, они ожидались. Приняв решение, Артемьев переключил радиостанцию на резервный цифровой канал и коротко доложил о сложившейся ситуации. Мало кто в отряде знал, что при выходе групп недалеко от портала устанавливается небольшой прибор, гибрид цифрового диктофона и радиостанции. Эта система используется для сохранения сообщений, если нет связи с бункером. Он включает запись, когда начинается передача на определенной частоте и с определенным кодом, и записывает все на диктофон, потом, когда будет такая необходимость, по сигналу с базы, все это передается в эфир. Артемьев молился, чтобы радиопередатчик смог достучаться до этого устройства...

Егор Карев лежал недалеко от входа, прикрытый корпусом бронетранспортера, и периодически одиночными выстрелами постреливал из автомата в сторону уж слишком ретивых стрелков.

Бой уже принимал затяжной характер, и в такой ситуации, как правило, побеждала более многочисленная и лучше обеспеченная боеприпасами сторона. В темноте ночи периодически ярко вспыхивали огоньки выстрелов, и по броне или в стены шелкали пули. По плотности огня можно было судить, что по души путешественников во времени собралось уже не меньше двух взводов. На некоторое время стрельба прекратилась, и из темноты сильный и властный голос потребовал сдаться, на что ему в ответ с морскими трехэтажными загибами ответил капитан-лейтенант Дунаев, который уже оправился после ранения и сумел уговорить Оргулова взять его с собой в Севастополь. Ну как же, настоящий моряк и пропустит такую возможность, тем более он неплохо знал город, в котором часто бывал, служа в ЭПРОНе.

К всеобщему удивлению, никто стрелять не стал, а в ответ ему в такой же форме ответил кто-то со стороны, причем не менее замысловато и виртуозно. Как ни странно, никто и не думал стрелять, все наслаждались вывертами единого и могучего языка, который мог так образно выразить полноту картины и палитру красок. Но, к сожалению, тот же властный голос оборвал намечающееся взаимопонимание моряков и в более грубой и бескомпромиссной форме потребовал сдаться.

Егор рассматривал через прицел ночного видения человека, отдающего приказы, и при необходимости легко мог бы его подстрелить, но не делал этого по той же причине, по которой они стреляли в штольнях травматическими патронами. Трудно убивать людей, еще труднее убивать своих, зная, что они ошибаются.

Тут в наушниках прошелестел голос Маркова, который с пулеметом охранял Оргулова.

– Бычок, на связь.

– На связи.

– Феникс зовет.

– Понял.

И в этом коротком ответе Егор услышал некоторую радость и энтузиазм Артемьева, обрадованного, что в трудную минуту Командир пришел в себя и сумеет надоумить Саньку на очередную пакость, которая вытащит всех из этой ловушки.

Он о чем-то шептался с Оргуловым, потом, приободренный, поднялся, подозвал к себе Маркова. Недолго ему что-то говорил, после чего проковылял к бронетранспортеру и прокричал:

– Эй, кто там что-то о сдаче кричал? Ты, мил человек, назовись сначала... А то вдруг ты нам не подходишь.

Егор осторожно поднялся и подошел к Артемьеву.

– Саша, ты чего?

– Да надо договариваться. Кажется, это простые армейцы, а те, кто нас пытался утрамбовать, вообще не местные и делали все на скорую руку и спонтанно. Это хорошо, но вот эти сильно разозлились и будут теперь валить нас по-серьезному. Сейчас в атаку, конечно, не пойдут, зато утром подгонят танк или пару пушек, раскатают, и тогда неизвестно – будут

они вообще брать пленных или нет. БТР только от пуль и защитит, а если что серьезнее, то тут и останется только в штольни отступать, а там, как крыс, будут отлавливать и закидывать гранатами.

– Что делаем? Командир что-то придумал?

– Да что тут делать. Дунаев вон морячка зацепил, пусть дальше перекрикиваются, может, что и получится. А я попытаюсь поговорить с этим перцем, кто на нас наезжает, а вы на всякий случай готовьтесь, будем ночью прорываться к порталу. Собери все светошумовухи и подготовь бойцов для зачистки туннелей. Придется заложников брать...

Егор коротко кивнул и отошел в туннель, где стал готовить штурмовую группу, при этом в душе не появилось ни капли сомнения в правильности своих действий.

Глава 2

В бункере после ухода контактной группы во главе с Оргуловым жизнь шла своим чередом. В госпитале лечили раненых и боролись за жизнь полковника Черненко, от которого зависели дальнейшие отношения с украинскими властями. То, что в ближайшее время с этой стороны могут появиться серьезные проблемы – никто не сомневался. Работа в ангарах кипела – восстанавливали танки после прогулок по 41-му году, пытались отремонтировать БТРы и рыскали по окрестностям в поисках подбитой техники, где можно было бы демонтировать работоспособные узлы. Вокруг самих баз разворачивали и модернизировали систему безопасности. К выжившей профессуре отправили небольшую группу для проведения переписи и организации постоянного поста охраны, учитывая наличие там огромной библиотеки, которую перед самым конфликтом вывезли из высших учебных заведений Симферополя. Но самым важным и ценным были, конечно, люди науки, а сохранением их жизней руководство новой военной группировки Симферополя во главе с майором Оргуловым озаботилось в первую очередь. Уже на следующий день к ним отправились врачи в сопровождении грузовика, забитого горючим, продуктами и чистой питьевой водой, давая понять таким образом, что они входят в зону жизненных интересов военных со всеми возможными привилегиями. Это сразу сказалось на ситуации с питанием, врачебным уходом и, главное, безопасностью. Но тут же до них было доведено, что в этой жизни ничего просто так не делается, а серьезные привилегии и помощь предполагают не меньшие обязанности. Поворчав для приличия, понимая, что у них нет другого выхода, люди науки согласились и внимательно выслушали требования военных. Представителей физического факультета привлекли к работам в области ремонта и адаптации имеющегося в наличии радиооборудования под конкретные задачи. Медиков нагрузили проработкой и адаптацией производства антибиотиков для технологического уровня 40-х годов прошлого века. Всех остальных убедительно попросили заняться обработкой научной исторической литературы о Великой Отечественной войне: воспоминаний, мемуаров, архивов, производить обязательное сканирование и распознавание книг и перевод их на электронные носители. Для обеспечения работы компьютеров, сканеров новое руководство выделило даже горючее, что говорило об особой важности задания.

Все малые и крупные группировки, анклавы и банды были извещены, что с нынешнего момента «яйцеголовых», как их называли на Базаре, трогать не рекомендуется, так как они находятся под непосредственной защитой новой группировки. После демонстративного разгрома сводной татарской банды с применением тяжелого вооружения: танков, гаубиц и минометов, с демонстративной зачисткой поселка, где базировалась одна из банд, всем стало ясно, во что может вылиться конфликт с новой группировкой. Тем более до многих стало доходить, что тут не все так просто, и совершаемые поступки новых хозяев города – всего лишь вершина айсберга. Нетрудно было составить простую логическую цепочку: чистые продукты, снабжение, новые люди, сбор технологической информации, поиски специалистов и их эвакуация в защищенные бункеры, взятие под охрану «яйцеголовых» с их библиотекой (а то, что там организовали пост охраны, быстро стало всем известно) – это часть некоего большого плана по сохранению и возрождению человеческой цивилизации. И вывод сделали сразу – выполняется определенное задание, которое никак не ставит грабеж как самоцель, тут что-то другое, и они жестко карают тех, кто становится у них на пути. Уже через пару дней множество мелких групп попытались через своих знакомых на Базаре прощупать возможные пути по сближению и узнать условия вхождения в эту группировку, а самые дальновидные в первую очередь стали интересоваться – чем они могут быть полезными майору Оргулову и его отряду.

В такой благоприятной обстановке капитан Васильев, временно отвечающий за военные вопросы, пока Командир был по ту сторону портала, активно создавал обширную сеть инфор-

маторов. В их задачу входило сообщать о новых людях, выявлять возможных наблюдателей со стороны украинских властей и их контакты, поиск остатков татарских бандформирований и турок, присутствие которых тоже не исключается. Сбор полной информации о всех группировках Крыма, местах базирования, вооружении, численном составе. То же касалось Херсонской, Николаевской, Одесской областей.

Перед уходом Оргулова на ту сторону было проведено совещание на эту тему и выработан перечень мер для усиления режима безопасности. Строго запрещены одиночные перемещения, малочисленные команды, которые могут расцениваться как потенциальные «языки» для противника, в обязательном порядке снабжаются личными радиомаяками и обязательно отслеживаются при перемещениях между бункерами. Во всех трех убежищах дежурят маневренные группы на бронетранспортерах для немедленного реагирования при возникновении опасности. По городу на вероятных маршрутах движения расставляются сейсмоакустические датчики, по которым можно контролировать проход транспорта. Для усиления защиты основного бункера с порталами разворачивается разведывательно-сигнальная система «Реалия», к большому удивлению, найденная среди груза в машине, на которой в Крым прибыла специальная группа спецназа ВМС Украины во главе с Олегом Дегтяревым. Такие системы ни отечественного, ни зарубежного производства в руки Оргулова раньше не попадали, иначе можно было бы организовать систему безопасности более серьезно. Но поисковики, которых курировал Борисыч, натаскали демонтированных в частных домах видеокамер, инфракрасных барьеров, уличных пассивных и активных датчиков движения. Все это перебиралось, проверялось и интегрировалось в существующий комплекс охраны. Для проверки, перед самым отъездом, майор Дегтярев со своими бойцами попытался незаметно проникнуть на охраняемую территорию, но все три попытки были обнаружены, местоположение «нарушителей» определено и «накрыто» минометным огнем.

После ухода на ту сторону контактной группы портал периодически включался и прослушивался эфир и короткие доклады, которые фиксировало небольшое устройство, плод фантазии Борисыча и парочки его знакомых радиолюбителей. Но благодаря устройству удалось, не сжигая драгоценное топливо, узнать о стычке с немецкими диверсантами, встрече с советскими войсками и прибытии старшего офицера НКВД, ответственного за контакты с потомками. Это обнадеживало и вселяло надежду на более спокойное общение, без экстремальных ситуаций и ненужных боестолкновений с немцами. Исторической романтики хватило всем, особенно если посмотреть на количество погибших и раненых, побитую технику и огромный расход боеприпасов к современному оружию, которые и до этого были в большом дефиците.

Дежурство на центральном пульте проходило в штатном режиме: раз в час включался портал, и автоматика выдвигала штангу с антенной, с помощью которой происходил контакт с группой и снималась информация с записывающего устройства. Через камеры видеонаблюдения, установленные в помещениях, можно было контролировать пропускной режим и вовремя среагировать на появление незваных гостей. Для дублирования в зале с установкой установили несколько инфракрасных датчиков движения и подключили их к обычной охранной сигнализации, постановка в дежурный режим и снятие осуществлялись с центрального пульта. Поэтому когда предполагался просто запуск портала для контроля радиоэфира на той стороне, сигнализация, контролирующая зал с установкой, просто не отключалась.

Ситуация с возможностью захвата портала с той стороны рассматривалась, ожидалась, но не принималась всерьез – все прекрасно понимали, что залогом нормального сосуществования будет взаимовыгодное сотрудничество со Сталиным и его окружением, что и было достигнуто во время последнего посещения Оргуловым Москвы. Поэтому мониторы контролировались, но так, больше для порядка, нежели в первое время, когда от органов госбезопасности СССР ожидали необдуманных действий.

Светлана Оргулова, развалившись в органическом офисном кресле, которое муж купил домой еще в довоенное время, взглянула на электронные часы, висящие над пультом управления. До запуска системы оставалось пятнадцать минут, поэтому, включив систему звукового оповещения, коротко проговорила в стоящий на подставочке микрофон:

– Всем. Запуск «Установки-Два». Повторяю. Запуск «Установки-Два». Пятнадцатиминутная готовность. Группе силового обеспечения прибыть по штатному расписанию.

Активировав на ноутбуке программу видеонаблюдения, увидев, как трое вооруженных бойцов в шлемах с забралами, бронежилетах проследовали в коридорчик, примыкающий к комнате с установкой, она снова включила микрофон.

– Всем. Пятиминутная готовность. Блокировка дверей первого контура защиты...

Дальше одним кликом «мышки» запускалась программа, которая все остальное делала сама. От оператора требовалось только вставить два USBшных ключа, ввести три пароля.

Когда на той стороне уже должен был быть вечер, установка включилась буквально на несколько минут, но, к удивлению Светланы, которая была оператором, видеокамера, установленная на штанге, проработала буквально несколько секунд и сразу вышла из строя. В это же время система автоматически скачивала с внешнего записывающего устройства информацию, ее было немного, тут же автоматом запущенная программа-анализатор выдала звуковой сигнал и красным шрифтом выдала сообщение: «Получен сигнал бедствия первого уровня! Личный код м-р Оргулов».

Вчитавшись в надпись, она вскрикнула.

– Сережа!

Буквально через несколько секунд мерзко заверещала сирена сигнализации, показывая срабатывание шлейфа в зале со второй установкой перемещения во времени, настроенной как раз на окрестности Севастополя октября 1941 года.

Но она успела совладать с собой, все-таки тоже была офицером. Кинув взгляд на монитор, увидела, что в помещении второй установки находятся пять человек в маскировочных костюмах РККА, вооруженные автоматами. Помимо ее воли, руки сами стали выполнять заученные движения: правая ударила по кнопке аварийного выключения установки, левая тут же нажала соседнюю кнопку, включающую сирену по всему бункеру, и автоматом запускается система, сообщающая в другие бункера о попытке захвата.

Она на мгновение представила, что сейчас происходит в прошлом. Огромный заряд энергии, удерживающий волновую линзу, при аварийном отключении сбрасывался в прошлое, используя инертность временного канала. По предварительным подсчетам, на месте портала в 41-м году в случае экстренного отключения происходил выброс, по энергетике сопоставимый с взрывом нескольких сотен килограмм тротила.

Бункер немного трянуло, будто от легкого землетрясения. В коридорах ревели сирены, и все способные держать оружие, похватав пистолеты, бежали к шкафам, где хранились автоматы и пулеметы на случай захвата. Обычно эти шкафы были закрыты электронными замками, но при угрозе нападения все открывалось.

Камеры показывали, как люди в зале с установкой заматались, пытаясь найти выход, – там тоже выла сирена, она сейчас визжала не умолкая, показывая пришельцам, что они обнаружены.

Снова активировав систему оповещения, Светлана спокойно и внятно сообщила:

– Вниманию всех. Несанкционированное проникновение в зал с «Установкой-Два». Вниманию всех. Несанкционированное проникновение в зал с «Установкой-Два». Пять человек. Вооружены автоматическим оружием. Одеты в камуфляж Красной Армии. Повторяю. Пять человек. Вооружены автоматическим оружием. Одеты в камуфляж Красной Армии. Всем надеть опознавательные знаки.

По определенной команде все надевали специальные нашивки, хранящиеся в шкафах вместе с оружием, на которые были нанесены флюоресцентной краской опознавательные символы. В бункере зажигались специальные лампы, и в их свете всегда можно было определить кто свой, а кто чужой. Символы на этих знаках, так же как и коды доступа к установке, были секретными и после каждого учения по обеспечению безопасности в бункере менялись. Группа силового обеспечения получала такие нашивки при заступлении на дежурство. Сейчас это был крест, вписанный в круг.

Посматривая на экраны мониторов, Светлана с удовлетворением наблюдала, как коридоры заполняются вооруженными людьми, деловито перекрывающими коридоры, прочесывающими помещения идвигающимися в сторону прохода ко второй установке. Штурмовая группа приготовилась к бою, откинув специальные сварные металлические конструкции в виде щитов с бойницами, которые немедленно перекрыли неширокий коридор, превратив его в непроходимый рубеж для наступающих.

Светлана снова активировала систему оповещения, переключив вещание на зал с проникшими диверсантами.

– Вниманию проникших неустановленных лиц. Приказываю вам опустить оружие, стать на колени и положить руки на затылок, в противном случае вы будете уничтожены. Повторяю. Вниманию проникших неустановленных лиц. Приказываю вам опустить оружие, стать на колени и положить руки на затылок, в противном случае вы будете уничтожены.

Те, успев рассредоточиться по помещению, вертели головами, а услышав обращение, один из них дал несколько очередей из автомата по динамике под потолком.

Светлана, оценив уровень боевой подготовки, спокойно сказала:

– Ну что, сами напросились.

Тут на связь вышел командир штурмовой группы, к которой уже присоединились четыре человека. Сегодня дежурил Валера Бойко.

– База, что там гости?

– Огрызаются. Готовьтесь. По вашей команде я их светошумовыми накрою. Вроде как спецы из прошлого.

– Вас понял.

Пауза десять секунд. Потом снова в радиии зашуршал голос Бойко:

– База, мы готовы.

– На счет пять.

– Вас понял.

– Пять. Четыре. Три. Два. Один. Контакт.

На ноутбуке уже была активирована оружейная программа, и, введя код, дождавшись подтверждения, она кликнула «мышкой». Из специальных ниш под ноги застывшим в углах комнаты боевикам из прошлого упали несколько светошумовых гранат. Но захватчики и тут не сплеховали: заученно попадали на пол, и некоторые из них попытались накрыть своими телами гранаты, защищая своих товарищей от возможных осколков. Грохот взрывов докатился даже до этой небольшой комнатки. Буквально через несколько секунд, откинув защитные металлические конструкции, в помещение зала ворвались штурмовики. Оглушенных и контуженых боевиков тут же скрутили и потащили в помещение, которое заменяло собой гауптвахту. Там их по одному раздели до нижнего белья, забрав всю одежду, после чего спешно прибежавшая Ольга бегло их осмотрела. У двоих были сильные ожоги груди, остальные получили контузии.

Стоящий тут же Коротков взгляделся в одного из них, рыжего, и удивленно сказал:

– А ведь я его знаю, это Яшка, он со мной учился. Да, точно Яшка Старцев. Что же это творится-то?

Он стоял и удивленно смотрел на стоящих людей. Бойко отжал тангенту радиостанции:

– База, тут одного Коротков опознал. Ну, в общем, ОСНАЗ НКВД это.

Тут же последовал ответ.

– Валера, вариант «Троянский конь». Ответственность беру на себя.

Бойко чуть сморщился и глубоко вздохнул.

– Вас понял, База.

Потом повернулся к Короткову:

– Сема, сдай оружие, пожалуйста.

Тот удивленно посмотрел на прапорщика, потом потерянно посмотрел на остальных.

– Ребята, вы чего?

– Перед самым нападением на базу был получен сигнал бедствия от Командира. Сам пойми. На базу нападают ваши же. Скажи, что нам делать? Стрелять вас никто не будет, вы свои, но временно изолировать – придется. Не обижайся, так надо. Вас проверят на детекторе лжи, потом отпустят. Ты, командир, понимать должен, во что все может вылиться, если мы сейчас ошибемся.

Коротков кивнул головой, соглашаясь со всем сказанным, позволил снять с себя разгрузку, отдал автомат и в сопровождении одного из бойцов Бойко молча поплелся в сторону отдельного крыла, где по плану «Троянский конь» должны были находиться изолированные люди из прошлого до окончания общей проверки. Когда он туда пришел, там уже находился военврач Гришин, капитан Строгов и еще пара человек из прошлого, оказавшиеся на данный момент в бункере.

Судя по вопросительным взглядам, они сами пока ничего не понимали. Строгов, увидев Короткова, дождался, когда закроется дверь, и вполголоса спросил:

– Сема, что случилось?

– Оргулов поехал на встречу. От него пришел сигнал бедствия. Что-то там пошло не так. После этого с той стороны сюда ворвались пять человек...

И кратко рассказал своему командиру обстоятельства попытки захвата бункера.

– ...Ну вот один из них и оказался Яшка Старцев.

– Ты уверен?

– Да. Мы с ним полгода в одной казарме. Из наших он, точно из наших.

Строгов выругался и яростно потер лицо руками.

– Что ж они так, зачем? Они что, не понимают?

Коротков по-своему понял фразу.

– Да они сказали, что проверят, потом отпустят.

– Да я не про них. Что-то тут не так. Уж поверь мне.

– И что будем делать?

– Ждать. Расстреливать они нас не будут, не те люди, максимум просто отправят обратно и все...

А сам задумался о том, что не хочет возвращаться, и причина этого кроется в докторе Оле, которая его долго лечила и выхаживала.

В это же самое время к бункеру подъехали два танка и бронетранспортер с маневренной группой во главе с капитаном Васильевым. Он ворвался в бункер, через несколько постов прошел центр управления, где Светлана готовилась открывать портал в прошлое и для этого собирала силы. Несмотря на жесткие рамки процедуры «Троянский конь», которая предполагала возможность наличия в бункере людей из прошлого, имеющих возможное отношение к попытке захвата бункера, некоторые соратники майора Оргулова не подверглись аресту. Это были Вяткин, Воропаев, Малой и Миронов, воюющие с Командиром с самого Могилева и не раз уже подтверждавшие свою надежность. Ознакомившись с ситуацией, все мрачно сидели, ожидая принятия решения, но готовились к худшему. Вяткин, который в некоторой степени подружился с Борисычем, коротко сказал:

– Надо известить Панкова и посмотреть, что он ответит.

Васильев коротко прокомментировал:

– Тоже вариант.

– А если это не Сталин, и руководство НКВД вообще не при делах, ну не настолько они тупые, чтоб так рисковать?

– Возможно, что-то попытка захвата какая-то слабенькая, не впечатляет. Больше похоже на инициативу какого-нибудь высокопоставленного придурка, который не совсем в курсе дела.

В помещении находился и старший лейтенант Ковальчук, еще не отошедший от ранения, но уже вполне передвигающийся по бункеру, и, чтоб не лежать без дела, он буквально приполз на это совещание и тут подал голос:

– А если это попытка дискредитировать советское руководство, и в ближайшее время нам будет сделано интересное предложение со стороны, допустим, англичан или американцев, а может, даже и немцев?

– Тоже интересная теория, это значит, кто-то в курсе всего и смог организовать такую многоходовку. Плохо верится. Но как рабочую гипотезу можно принять.

– Что тогда делаем?

– В первую очередь переключаемся на другую точку выхода и пытаемся связаться с Борисычем. Если он не отвечает – ультиматум Москве, а там что-нибудь придумаем. Ну, допустим, попытаемся связаться с тем же Канарисом.

– Фу. Нет, только не с немцами. Пока их на Курской дуге не раскатали, разговаривать с ними бессмысленно.

– Ну тогда давайте пока с Борисычем свяжемся, потом будем принимать решение и заодно пообщаемся с пленными, интересно, что они нам расскажут.

Пока Васильев занялся пленными, Светлана стала перенастраивать установку на другую точку, но это ей не удавалось. После экстренного сброса энергии волновая линза не фокусировалась, и система, не войдя в резонанс, перегревалась и отключалась. Эта новость никого не радовала, поэтому пришлось активировать первую установку и попытаться с помощью нее связаться с Москвой.

Только через час это удалось, и, выйдя все в той же точке под Борисполем, на ту сторону осторожно вытащили штангу с антенной и видеокамерой. Многочисленная охрана уже была наготове и в случае любой неприятности могла быстро устранить угрозу.

К всеобщему удивлению, включив радиомodem, подключенный к радиопередатчику, практически без проблем связались с Кристиной, которая сегодня дежурила за компьютером.

База: Кристина, привет. Где отец?

Кристина: Он в Москве. Повез компьютер, принтер.

База: У вас все тихо?

Кристина: Да, вроде все нормально.

Стоящие за спиной Светланы люди читали с экрана диалог и советовали, что еще спросить. Тут подал голос снова Ковальчук:

– А если это не Кристина? А кто-то еще?

– Ну, давайте спросим у нее что-то такое, что могла знать только она.

База: Кристина, напomini, на какой машине ездил твой отец?

Кристина: Хм... Это когда? У нас вроде «шишига» была.

База: Нет, до войны. Кажется, черный «Амулет».

Кристина: Да нет, у него был белый «Фольксваген Кедди». А вам зачем?

Потом была пауза.

Кристина: Вы меня проверяете?

База: Да. Есть основания. Сегодня на базу напал ОСНАЗ НКВД с той стороны. Командир с группой попали в засаду. Что с ними, не знаем. Одна установка выведена из строя. Попробуй

связаться с Берией. Только сейчас, иначе мы отключаем портал. Логи сотри, это очень важно для нас всех.

Кристина: Ахренеть!!!!!!!

База: Жду информации через час. Если не получится, работай по плану «Наутилус».

Кристина: Поняла. Работаю.

Светлана отключила модем и дала команду на выключение установки.

Стоящий рядом Ковальчук задумчиво сказал:

– То, что наших в Москве не тронули, это или резервный вариант типа «это не мы», либо они действительно не при делах, но тогда их славное НКВД набито шпионами под завязку.

В разговор вмешалась Светлана.

– Может быть еще вариант. Это дело рук третьей силы, допустим, недобитые троцкисты, ну что-то типа скрытой оппозиции Сталину, у них остались свои люди в НКВД, и через них они получили информацию о Страннике и просто испугались того, что мы можем сообщить. И таким способом решили дискредитировать и нас перед Сталиным, и Сталина перед нами, тогда резко упадет доверие к достоверности передаваемой нами информации.

– Хорошо, что нам тогда остается?

– Ждем результатов, потом начинаем действовать. А пока надо срочно сюда пригнать кого-то из электронщиков, пусть попытаются восстановить установку, иначе как мы попадем в Севастополь?

– Не стоит. Пока не стоит. Пусть Командир возвращается и сам все восстанавливает.

Светлана с благодарностью смотрела на бледного и исхудавшего Ковальчука, который только недавно с ними, но даже в такой ситуации готов поверить, что с ее мужем все в порядке. Но старший лейтенант задумался и почти невпопад сказал:

– Кстати, в этом есть еще один плюс.

– В чем? – удивилась Светлана, не понимая, о чем он говорит.

– Если это не акция НКВД, отдельных ее людей, и Сталин в этом не замешан, после всех последних залетов с пришельцами из будущего Берия может лишиться головы. А если напрямую с ним связаться и по-тихому все разрулить, то он будет у нас на крючке, на таком крючке, что он станет нашим самым лучшим другом...

– Давай сначала все решим и спасем наших ребят...

Глава 3

Кристина сидела, уставившись в монитор компьютера. Одно из первых самостоятельных дежурств вылилось в большую проблему. Неужели там снова началась война, и они с отцом стали заложниками, и за ней в любую минуту могут прийти. Лихорадочно перечитав последние строки, она закрыла чат, запустив TotalCommander, покопавшись на диске, нашла файл, куда скидываются логи переговоров, и быстренько, пока не пришли Стрельникова или тот же Трофимов, удалила текстовку последнего разговора. Она не знала, что делать, и в волнении стала ходить по кабинету.

«База приказала срочно связаться с Берией, а как я это сделаю, ну не к Трофимову же идти».

Тут зашла Ира Стрельникова, как всегда приветливо улыбаясь, но, увидев взведенную до предела девушку, остановилась, и улыбка сползла с ее лица. То, что кобура с личным оружием, которое носили пришьельцы, была открыта, ее насторожило. А взгляд Кристины ее напугал, так смотрят на врага, но она пересилила себя и вполне доброжелательно спросила:

– Кристина, что случилось?

У той сузились глаза, и она, как бы прицеливаясь, стала рассматривать гостью. От этого взгляда стало страшно. Стрельникова знала, что девочка многое перенесла, воевала с бандитами, и сейчас она с уверенностью на сто процентов могла сказать, что Кристина в состоянии убить человека, и она это уже не раз делала, но и Ирина была не робкого десятка. Взяв себя в руки, она еще раз доброжелательно улыбнулась.

– Кристина, что случилось? Пойми, мы работаем вместе, занимаемся одним делом, и мне важно знать.

Но та ее удивила странным вопросом.

– Ира, скажи, тебе нравится мой папа?

Она немного смутилась. О таких вещах как-то не очень принято вот так открыто спрашивать.

– Ну, он хороший человек, прекрасный отец...

– Ладно, зададим вопрос по-другому: ты ведь не хочешь, чтоб он погиб?

Еще одна пауза. Сама тема и постановка вопросов поставили Стрельникову в тупик, но она была математиком, поэтому вывернулась из ситуации.

– Что нужно сделать?

– В течение часа нужно срочно связаться с Берией по телефону, иначе потом будет все кончено.

– Давай доложим по команде, у Трофимова есть такая возможность.

– Нет, сейчас и напрямую, минуя всяких посредников.

Кристина подошла к столу, на котором стоял большой черный телефон без наборного диска, взяла трубку и протянула Стрельниковой.

– Сейчас.

Ирина все еще надеялась, что это шутка, но теперь выбора у нее не было.

В трубке женский голос телефонистки, которые сидели на внутреннем коммутаторе, повторил:

– Коммутатор.... Коммутатор, ну же говорите, коммутатор.

– Девушка, это лейтенант Стрельникова.

– Да, слушаю.

– Нужно срочно связаться с Москвой.

– Вы знаете, что это запрещено. У вас есть начальник.

– Девушка, это очень важно. Нужно срочно связаться с народным комиссаром товарищем Берией, это вопрос жизни и смерти, а Трофимов сейчас в отъезде. Ну пожалуйста. Только никому не говорите. Это очень важно.

В трубке повисла пауза, и слышалось только легкое шипенье. Потом тот же голос, уже с неуверенными нотками, ответил:

– Я попробую.

– Спасибо большое, это очень важно, очень.

Опять в трубке зашуршало, и телефонистка, глубоко вздохнув, ответила:

– Ой, надеюсь...

Она отключилась, а в кабинете повисло тягостное молчание. Стрельникова села на стул, опустила голову и чуть слышно сказала:

– Это все, что я могла сделать.

Кристина села рядом, так же тихо ответила:

– Ира, спасибо, у меня просто нет другого выхода, там люди погибают.

...Сержант НКВД Муровкина сидела на рабочем месте и смотрела на панель коммутатора – перед ней стоял вопрос: «Что делать?» Либо идти к своему руководству, либо выполнять просьбу этой лейтенантши из особой группы. Она знала, что там сидят очень секретные сотрудники, и любые вопросы, намеки, сплетни относительно них пресекались самым жестким образом. По идее, она должна идти к своему начальнику смены доложить, попросить санкции для связи с центральным коммутатором, но тон, которым просили связь, заставил ее не торопиться и действовать по инструкции.

Ее размышления прервал звонок абонента восемнадцать. Это был неприметный пожилой лейтенант, хозяйственник, который занимался снабжением продуктами, завозил дрова и практически ничем не интересовался, просиживая у себя в каморке и попивая чай с двумя своими помощниками, такими же пожилыми дядьками. Максимыч, как его звали за глаза. Звонок от него в это время был несколько удивителен. Муровкина по привычке вставила в гнездо коммутатора разъем и на автомате ответила:

– Коммутатор.

Голос Максимыча был необычно сух и напряжен:

– Муровкина, ты только что разговаривала со Стрельниковой?

– Да.

– Выполняй просьбу лейтенанта.

Тут даже не просьба, а приказ в довольно жесткой форме.

– Так по инструкции...

– Тебе сказано – выполняй. Старшему смены ни слова. Если возникнут вопросы, отправляй ко мне. Понятно?

– Так точно.

– Умница. Главное постарайся побыстрее, у людей проблемы, им нужно помочь.

Отключившись от абонента восемнадцать, Муровкина поразилась самой ситуации и вдруг удивилась: откуда Максимыч мог знать, с кем она разговаривала? Разве только... Она сама испугалась этой мысли. Вот, значит, какие чаи они там гоняют, вот жучары, всех провели. А интересно, а какой настоящий чин у Максимыча, в таком возрасте, должно быть, не ниже полковника? Она в органах служит не первый год, поэтому быстро подавила любопытство и уже смело и без колебаний воткнула разъем в гнездо внешней линии. Ей ответили:

– Финалист-центральный.

– Финалист, это Оксамит, мне нужна Плотина и очень срочно...

Через пятнадцать минут ожидания в кабинете, где стоял компьютер, зазвонил телефон. Стрельникова порывисто вскочила и подняла трубку:

– Слушаю.

– Приемная народного комиссара товарища Берия. Мне передали, что вы по срочному вопросу.

– Да. Это лейтенант Стрельникова с «Усадьбы», мне нужен срочно товарищ народный комиссар.

Ноги у Стрельниковой дрожали от смелости ее поступка, но она старалась не допустить, чтобы дрожь в голосе ее выдала.

– Что это за дело? Оно не может подождать? У товарища народного комиссара идет совещание.

– Это очень важно. Это касается определенных важных гостей.

На том конце провода наступила пауза, и секретарь грозного наркома раздумывал, стоит ли беспокоить начальство.

– Минутку, подождите на линии.

Он отключил на телефоне микрофон, поднял трубку второго аппарата, соединился с внутренним коммутатором и быстро навел справки, откуда действительно идет звонок. Этому ему было достаточно, для того чтобы побеспокоить своего начальника. Берия ответил на звонок сразу.

– Ну, что там у тебя?

– Странный звонок с «Объекта Д».

Берия не думал, сразу сказал коротко: «Давай...»

В трубке зашуршало, и Стрельникова услышала властный голос.

– Слушаю вас.

– Товарищ народный комиссар, это лейтенант Стрельникова, помните, мы недавно встречались?

– Да, помню, что там случилось?

В голосе наркома появились раздраженные нотки.

– С вами хотел пообщаться напрямую один из гостей.

– Хорошо, давайте.

Трубку взяла Кристина и смело спросила:

– Товарищ народный комиссар, мы вам показывали микроволновку, что мы с ней делали? Пауза.

– Вы что там, с ума посходили? Это и есть ваше дело?

– Это просто вопрос, чтоб проверить, что вы у нас недавно были, или это я разговариваю с другим человеком, это важно.

Берия задумался. Хм. А девочка права.

– Ваш кофе разогревали.

– Правильно.

Берия уже чуть спокойнее спросил:

– Ну, что у вас случилось?

– На нашу базу напали ваши люди. Одна установка уничтожена. На группу майора Кречетова тоже напали ваши люди, пришел сигнал бедствия, и связи больше нет. Хотите об этом поговорить?

Кристина опустила глаза и посмотрела на часы.

– Через двадцать минут у меня последний сеанс связи, если ситуация не разрешится, База прекратит все контакты.

Берия выругался.

– Нет, это не мои люди, я что, идиот?

– Что мне передать?

– То, что я сказал. Сейчас выезжаю.

И тут Кристина выпалила фразу, просто исходя из своей природной вредности.

– Надо побыстрее, но будьте осторожны, возможно, вы не доедете, если эта подстава, конечно, не ваших рук дело. Может быть, как раз ради этого все и задумывалось.

Берия рывком положил трубку и задумался. А ведь девчонка могла и правду сказать. Но времени было мало, если из сказанного хоть часть окажется правдой. Складывалась критическая ситуация, и если он, Лаврентий Павлович Берия, народный комиссар внутренних дел СССР, ее выпустит из-под контроля, Хозяин ему этого не простит.

Подняв трубку, он дал команду на срочный выезд в Подмоскowie, при этом распорядился об обязательном выделении усиленной охраны: двух броневых автомобилей и взвода из расквартированного недалеко от «Объекта Д» специального полка НКВД. Пока готовился конвой, он снова поднял трубку и дал команду связать его с абонентом двадцать три – восемьдесят пять. Через пару минут его соединили, и в трубке раздался спокойный голос старого знакомого еще по службе в НКВД Грузии.

– Слушаю.

– Павел Максимович, добрый вечер, как там у нас дела?

– Уже ночь, и, видимо, недобрая.

– Вот я и хотел узнать, насколько недобрая.

– Судя по всему, очень. Гости уж очень сильно и целенаправленно давила на Стрельникову. Как раз время сеанса связи совпадает с началом ее действий.

– Еще что-то?

– Гости выходили на связь из старой точки, под Борисполем, что косвенно подтверждает, что в Севастополе действительно возникли проблемы. Это не все.

– Говори.

– Служба радиоконтроля зафиксировала в районе Севастополя мощный всплеск в радиоэфире, после чего с большинством радиостанций Черноморского флота нет связи. Удалось связаться только по кабельным линиям и установить, что в районе Инкермана идет бой с немецкими диверсантами.

– Значит, вот кто напал, хорошо, я сейчас распоряжусь...

На что абонент, чуть замешкавшись, сказал:

– Лаврентий, не все так просто.

Нарком насторожился. Его давний знакомый и доверенный человек очень редко переходил эту грань и называл его просто по имени, что говорило о крайней степени опасности.

– Что?

– По описаниям моряков, диверсанты одеты в пятнистую форму, пуленепробиваемые кирасы, каски, вооружены все необычными автоматами и пулеметами и прибыли в Инкерман в сопровождении представителей НКВД на многоколесной пятнистой боевой машине и легкой машине необычной конструкции, после чего напали на штаб стрелковой дивизии, расположенный в штольнях.

Берия затаил дыхание, точнее, спазм сжал горло, и он не мог дышать. Рука потянулась к вороту кителя и стала его судорожно расстегивать. Он понимал, что это значит. Крах всего проекта «Оракул».

– Они живы?

– В большинстве своем – да. Автомобиль и бронемашину подбили, но они сумели проваться, забаррикадировались в штольнях и отстреливаются.

Нарком волевым усилием взял себя в руки:

– Спасибо, Паша.

Его собеседник перешел на деловой тон:

– Ничего, Лаврентий Павлович, мы – старые коммунисты...

Положив трубку, он поднял ее снова и скомандовал:

– Срочно связь с горотделом НКВД Севастополя и штабом Черноморского флота...

Но не сдержался и закричал:

– Срочно!

Первым, с кем его связали, оказался штаб Черноморского флота, где его переключили сразу на дежурного.

– Оперативный дежурный капитан третьего ранга Портной.

Берия спокойным, чуть ласковым голосом заговорил, четко контролируя интонации:

– Народный комиссар внутренних дел СССР Берия Лаврентий Павлович. Скажите-ка, товарищ капитан третьего ранга, что у вас там за стрельба в Инкермане?

В душе надеясь, что моряки еще не в курсе.

– Диверсанты прорвались к заводу, но их зажали, туда на помощь выслана рота краснофлотцев.

– Значит, так, времени нет. Быстро даешь команду, чтоб их не трогали. Просто никуда не выпускать и никого к ним не подпускать. Понятно?

– Но как же, товарищ народный комиссар?

– Ты меня понял? Ни одного выстрела в их сторону.

– Ну, я так не могу.

– Запомни, капитан... третьего ранга, я очень ценю дружбу, а еще больше я ценю уважение и долго его помню. Запомни. Я пока только прошу...

– Там погибли люди, наших убивают.

– Да никого они не убивают, а только обороняются. Если они б хотели, то уже завалили трупами город. Уж поверь мне, не простые это ребята, элита. Произошла ошибка. Все, разговор закончен.

Берия рывком бросил трубку. Зазвонил соседний телефон.

– Слушаю.

– Начальник Севастопольского горотдела НКВД Нефедов, – доложил секретарь.

– Давай.

В трубке снова зашуршало, и усталый голос стал докладывать, но Берия его грубо прервал:

– Что там у вас за стрельба в Инкермане?

– К штабу дивизии прорвались немецкие диверсанты.

Берия не выдержал и выматерился.

– Кто вам это сказал?

– Представитель главного управления – майор госбезопасности Ивакян, действующий по вашему прямому приказу.

– Диверсанты на многоколесной бронемашине в пятнистой форме с неизвестным оружием?

– Да, мне так докладывали.

Нарком не выдержал и закричал:

– Да вы что там, совсем охренели, что ли? Никакие это не диверсанты. Специальное подразделение ГУ НКВД во главе с майором Кречетовым. Козлы!

Он прервался, давая себе возможность успокоиться, не слушая жалобное бление Нефедова.

– Значит, так, за тобой вины не вижу, сделаешь так, как скажу, забуду, понял?

– Да... понял.

– Где Лебедев?

– Нет связи с ним.

– Ивакян?

– В Инкермане.

– Ивакяна, Лебедева арестовать, стрельбу прекратить. И запомни, майор Кречетов, командир этого отряда должен остаться в живых, иначе... Ты меня понял?

– Есть, все сделаем, товарищ народный комиссар.

– Что у вас там за взрыв в горах был?

– Да сами не понимаем. Там работала особая группа ОСНАЗ НКВД, и мне, ссылаясь на вас, настоятельно рекомендовали не выяснять обстоятельства.

– Кто рекомендовал?

– Майор Ивакян.

– Понятно. Делай, как я сказал. И запомни, от того, сколько пятнистых выживет, будет зависеть твоя судьба, понял?

– Так точно.

Бросив трубку, Берия рывком поднялся и резво пошел к выходу – секретарь сообщил, что на улице его ждет машина и сопровождение. Проходя через приемную, он коротко кинул:

– Судоплатова ко мне, срочно.

Проехав пару кварталов, машины остановились. Открылась дверь, и к удивленному наркому обратился начальник охраны, просто и буднично сказал:

– Товарищ народный комиссар, пересядьте, пожалуйста, в другую машину. Эта поедет впереди.

Берия коротко кивнул, как бы соглашаясь, и молча пересел в неприметную «эмку».

Кортеж снова сорвался с места и рванул к выезду из города.

Опять ночные улицы, патрули и мелькание света фар на темных громадах домов. Берия, сидя на заднем сиденье, не мог унять нервную дрожь. Положение на фронтах тяжелейшее, а тут с пришельцами постоянно что-то происходит, и как назло, они постоянно притягивают к себе какие-то неприятности. Но изворотливый ум наркома, поднаторевшего в интригах и многоходовых комбинациях, подсказывал только одно: его хотят убрать, подставить перед потомками и Хозяином, и в данной ситуации договориться с пришельцами, которые реально его уважают и, возможно, не станут раздувать историю, если удастся в ближайшее время все решить с минимальными потерями.

Кортеж, передвигаясь по городу, постоянно менял направление, и когда они выехали на окраины, к ним присоединились два грузовика, набитые бойцами, и два броневедомости с пушечным вооружением. С такой силой Берия почувствовал себя более уверенно и с нетерпением ожидал приезда на «Объект Д».

Его мысли перетекли на Пашу, точнее Павла Максимовича, а если еще точнее – майора государственной безопасности Макашова Павла Максимовича, старого знакомого еще по дореволюционной партийной деятельности в Баку. Именно сейчас, когда вокруг операции «Оракул» началось непонятное шевеление, ему понадобился доверенный человек со стороны, на которого он может положиться. Павел его не подвел. Будучи посвященным во все, он мастерски оставался незаметным, контролируя всю ситуацию. Пользуясь своими связями, он в самый критический момент смог добыть важнейшую информацию и донести ее до руководства, не засветившись при этом. Не зря его извилистыми путями, через Ташкент и Баку, откомандировали из постоянного места службы в Тбилиси, столицу Грузии.

Ехать было слишком долго, поэтому Берия нервничал, ожидая за каждым поворотом засады, но, к счастью, ничего этого не произошло, и колонна достигла специального укрепленного района, где располагались пришельцы, и, пройдя несколько постов охраны, оказался перед командой, где в данный момент находилась девушка, оператор связи.

Постучав в дверь, он, не дожидаясь ответа, рывком ее открыл, оказавшись в кабинетике, где его ждали две измученные неизвестностью девушки. Увидев, что не ему одному невесело, Берия чуть взбодрился, каким-то шестым, звериным чутьем понимая, что шанс вывернуться есть, и он им воспользуется, не упустит.

Он доброжелательно поздоровался, зыркнув на Стрельникову, которая, поняв все без слов, буквально испарилась из комнаты.

– Кристина, вы общались со своим руководством?

– Да.

– Когда следующий сеанс связи?

– Через пять минут.

– Хорошо, подождем.

– Ну почему же, мне есть что вам показать.

Берия удивленно поднял голову.

– Вот, пожалуйста.

Рука девушки легла на «мышку», и после нескольких плавных движений и кликов на экране открылся документ, где были цветные фотографии людей и краткое описание результатов допроса. В другой ситуации нарком поразился бы оперативности потомков, но сейчас он думал совсем о другом. В данную минуту на него с экрана вычислительной машины будущего смотрел приговор в предательстве и расстрел. Да, потомки были правы, действовали его люди, но он об этом даже не знал. Кто-то, кто его великолепно знал, был в курсе всего и так хитро подставил.

– Ты можешь это вывести на бумагу?

– Конечно.

Опять пара ловких движений, стоящее тут же печатающее устройство заурчало и через несколько мгновений выдало несколько листов теплой белой бумаги, которые нарком свернул и спрятал в карман.

Пока было время, они перебрасывались ничего не значащими фразами, прекрасно понимая нервозность ситуации, до момента, когда записал динамик компьютера, давая понять, что произошло подключение через радиомодем. Тут же был запущен чат, и в окне на белом фоне появилась первая надпись:

База: Кристина, привет, что там?

Кристина: Берия рядом.

База: Хорошо. Что в Севастополе?

Кристина: Это провокация, кто-то выставил Кречетова как немецкого диверсанта из-за формы, и на них напали военные. Приказы о прекращении огня направлены в Севастополь. В ближайшее время будут результаты.

База: А что за хрены тогда к нам в гости полезли?

Кристина: Будут проверяться. Сто процентов, что все делалось без ведома руководства СССР. Вероятнее всего, попытка дискредитации. Обещают разобраться, и очень сурово.

База: Это не наши проблемы. За безопасность командира и его людей на территории СССР отвечало НКВД, это их косяк. В течение часа нужна информация о судьбе отряда. Связь через час.

Кристина: Понятно. Связь через час.

Берия еще раз пробежался глазами по тексту переписки, потом поднял трубку телефона.

– Коммутатор.

– Это Берия. Срочно соединить меня с моей приемной.

– Есть. Выполняю.

Пока он пил предложенный девушкой кофе, приготовленный в кофеварке будущего, при этом абсолютно не чувствуя вкуса, мозг старательно перебирал возможные варианты развития событий и кандидатуры иуд, способных на такую операцию.

Зазвонил телефон.

– Берия, слушаю.

– Товарищ народный комиссар, ваша приемная.

– Соединяйте.

В трубке послышались щелчки, после чего ответил его секретарь:

– Что с Судоплатовым?

– Он уже давно выехал к вам, как только узнал, что вы на пути к «Объекту Д».

– Хорошо. Дайте команду, чтоб срочно подготовили самолет к вылету в Севастополь.

– Есть.

Положив трубку, нарком поблагодарил Кристину за кофе и вышел из комнаты, прошелся по коридору и остановился на крыльце дома, вдыхая прохладный осенний воздух Подмосковья.

Судоплатов приехал минут через пятнадцать, подойдя к наркому, вытянулся по стойке «смирно». Берия устало и чуть насмешливо проговорил:

– Ну что, Павел Анатольевич, потомки опять влетели в историю.

– В Севастополе?

– Вы уже знаете?

– Предположил. Я в последнее время отслеживаю деятельность немецкого «Бранденбурга», и их появление ожидается в Крыму, соответственно, когда пришла информация о диверсантах, мне доложили.

– Ага, и что?

Судоплатов усмехнулся.

– Пятнистые, закованные в броню, с необычным оружием?

– То-то и оно. Там все было нормально, встретили, поговорили, договорились... А потом человек Лебедева, некий майор Ивакян, объявил их диверсантами и натравил моряков и пехоту, а в это время ОСНАЗ попытался штурмом овладеть их базой, проникнув через портал. Павел Анатольевич, вы понимаете, что это значит?

Судоплатов сузил глаза и поджал губы.

– Хреново. Что потомки?

– Да нападавших как кроликов похватали, скрутили и устроили какую-то большую каверзу...

– Это тот большой взрыв?

– Да.

– Нечто подобное я предполагал...

Берия чуть помолчал, потом продолжил:

– Они волнуются за судьбу своих людей и настроены очень решительно, так что, Павел Анатольевич придется вам лететь в Крым и на месте во всем разобраться, жестко разобраться, чтоб другим неповадно было. Самолет уже готов.

– Есть, товарищ народный комиссар.

Четко, по-уставному отдав честь, Судоплатов резко повернулся и побежал к машине.

Глава 4

Связи с Базой не было, и неприятные мысли посещали не только меня и Артемьева. Вся эта поездка, изначально планировавшаяся как развлекательно-отдыхательная, вылилась в жуткое побоище. Ранены были практически все, троих потеряли убитыми. Двое были из вновь присоединившихся бойцов полка внутренних войск из будущего, а третьим – лейтенант-разведчик из сводной группы майора Фролова, которая присоединилась к нам для силовой поддержки во время недавнего конфликта с татарскими бандитами в Симферополе будущего. Да и наше положение было практически безвыходным: шестеро тяжелораненых бойцов и пятеро тех, кто еще оставался на ногах и мог оказать сопротивление. Себя я относил к относительно годным к боевым действиям, поэтому, несмотря на сильную боль в ребрах, надел бронежилет и, вооружившись автоматом, сидел возле стены и пытался собраться с мыслями. Буквально полчаса назад ночное небо осветилось целым фейерверком разноцветных вспышек и до нас донесся сильнейший удар, что говорило о подрыве минимум пары тонн тротила. Вся эта свистопляска сопровождалась дикими помехами в радиоприемниках, и парочка из них просто прекратила принимать радиосигналы.

После укола обезболивающего состояние немного улучшилось, шум в голове после явного сотрясения мозга немного отошел на второй план. Стоящий рядом Санька удивленно спросил:

– Командир, а что это было?

– А тебе что напоминает?

– Да похоже на маленький атомный взрыв. Ударная волна, свет и мощный радиоэлектронный импульс.

– Да, похоже, только это больше напоминает выброс энергии при аварийном отключении портала. При какой процедуре это делается? А?

– Попытка захвата... – ошарашенно проговорил Артемьев.

– Вот и я про то. Короче, обыграли нас, Саня, по всем статьям. Одна надежда, что в бункере народ нормально сработал и дал нападавшим по зубам, а дальше пойдут переговоры.

– Нам-то что делать?

– Ждать. Местные армейцы не полезут. БТР подбит, но пулеметы у него действуют. Кстати, вы там пленных захватили, что они говорят, кто давал команду нас прессовать?

– Ссылаются на своих командиров. Двоих мы взяли, но они в джипе были. Когда возвращались, одного прямо в голову шальной пулей, а второго осколком гранаты.

– Да уж, весело. Сколько вообще народа полегло?

– Ну, с нашей стороны ты знаешь, а с их человек десять, не больше, старались щадить, стреляли по ногам.

– Да уж, удружили нам предки. Кстати, что там в штольнях?

– Ребята вроде прошерстили, выловили человек двадцать, половину пинками выгнали, а часть сидят в соседнем коридоре, связанные стяжками.

Тут из темноты галереи показался Егор Карев, толкающий перед собой двух девушек в красноармейской форме. Они были явно напуганы и постоянно спотыкались о разбросанные по полу деревянные ящики и бутылки с шампанским.

– Товарищ майор, вот еще нашел, прятались в закутке, говорят, телефонистки.

– Ну, давай веди их сюда, интересно будет пообщаться.

Девушки настороженно подошли к сидящему на деревянном ящике человеку в форме майора НКВД, необычной экипировке и с разбитым лицом.

– Представьтесь.

Помещение освещалось небольшим фонарем на светодиодах, заливая все вокруг бледным голубоватым светом, создавая при этом на стенах гротескные картины из движущихся теней.

Одна из них, высокая, широкоплечая, в мужских штанах, со злобой зыркнула и отвернулась, а вторая, невысокая пышечка с растрепанными густыми волосами, помялась, видимо, желая что-то спросить, но смолчала.

– Девушки, значит, так, объясняю ситуацию. Я – майор Кречетов, Главное управление государственной безопасности НКВД СССР.

Высокая только чуть хмыкнула, и на лице на мгновение появилась презрительная гримаса.

– Егор, эту, – кивнул в сторону высокой, – к остальным, вторую оставь.

– Есть, сделаю.

Она попробовала упираться, но Егор с силой так сжал ей руку, что она охнула от боли и не стала противиться.

Девушка, оставшаяся одна, смотрела себе под ноги, боясь встречаться со мной взглядом.

– Как тебя зовут?

Она что-то пробурчала.

– Повтори, не слышу.

– Ирина.

– Вот и хорошо, Ира.

Мой мозг лихорадочно работал, ища выход из сложившейся ситуации. Сейчас мы считались террористами, которые захватили заложников, но противная сторона была еще не в курсе правил диалога, которые выработались к концу века. Еще не было показательных захватов людей, перед камерами, еще бородатые абреки не прикрывались беременными женщинами и не дарили их приговоренным детям просроченные «Сникерсы».

– Значит, так, Ира, слушай меня внимательно.

Она молчала.

– Посмотри мне в глаза.

Никакой реакции. Ладно, уже строже:

– Посмотри мне в глаза.

Она несмело подняла глаза и уставилась на меня. «Ну совсем дите, ну кто таких на войну берет, вон вся дрожит от страха».

– Ира, запомни, никто здесь ничего плохого тебе не сделает. Запомни. Поняла?

Она еле заметно кивнула головой.

– Повторяй: «Со мной никто ничего здесь не сделает. Все будет хорошо». Ну, повтори.

Девушка на автомате проговорила фразу. Потом еще раз, и еще, по мере повторения она немного успокоилась.

– Ну вот и хорошо. Значит, так, Ира. Тут есть много раненых, им нужно срочно оказать помощь, но у нас нет такой возможности. Мы сейчас известим людей на улице, что ты выходишь. Ты передашь им следующие требования, запоминай. Первое. Два человека с носилками без ремней, без оружия, без гимнастеров – забирают раненых. Второе. Немедленный приезд начальника Севастопольского горотдела НКВД старшего лейтенанта госбезопасности Нефедова. Все, Ира, иди.

Она удивленно смотрела на меня, как бы не веря. Я чуть повысил голос:

– Игорь! Игорь Дунаев!

– Я, товарищ майор.

– Ты там вроде знакомого нашел?

– Да нет, моряк просто. Так, покричали, и все.

– Ну вот покричи, что выпускаем девчонку-телефонистку, чтоб не стреляли.

– Хорошо, сделаем.

Я на спину откинулся и прислонился затылком к прохладной стене, опять навалилась тошнота, и хотелось лечь на пол и свернуться калачиком. За углом в темноту что-то кричал Дунаев, но сквозь шум в голове я плохо воспринимал все происходящее и постепенно скатывался в дрему. Тут меня кто-то бесцеремонно начал трясти.

– Товарищ майор, санитары пришли за ранеными.

– Обыскали?

– Конечно, все нормально.

– Давай их сюда.

То, что это никакие не санитары, было видно невооруженным глазом. Молодые сильные парни, скорее всего, либо армейская разведка, либо моряки переоделись. Они осторожно, но с явным интересом пялились на нашу амуницию, особенно на приборы ночного видения, которые носили на головах бойцы, но пытались казаться простоватыми увальнями.

– Ладно, «санитары».

Я специально выделил это слово.

– Значит, так, расклад такой. Первое. То, что вы не те, за кого себя выдаете, это и ежу понятно, наверно, из разведбата, но это не важно. Важно другое: мы не враги. Мы специальная группа Главного управления госбезопасности НКВД СССР, которая подчиняется непосредственно народному комиссару товарищу Берии. То, что здесь произошло, это элементарная провокация.

Один из них угрюмо прокомментировал:

– А убитые?

– Мы оборонялись и стреляли поверх голов, если вы не обратили внимание, а когда ваши идиоты поперли в атаку, били только по ногам – у нас тут практически все снайпера. Так что не советую снова лезть, в следующий раз всех положим уже без всякой жалости. Это первое. Второе. Мне нужна связь с Москвой. Наш канал связи погиб вместе с радиостанцией на бронетранспортере. Связь буду держать через начальника горотдела НКВД Севастополя. Понятно? Забирайте раненых, только без шуток, терпение у нас закончилось.

Они забрали одного человека и ушли в темноту, но вскоре вернулись. Потом еще одного, и все это делалось под пристальным контролем наших бойцов. После того как унесли пятого раненого, они попросили привлечь еще санитаров, но получили отказ:

– Только вы. Носилки можете передавать другой паре, которые будут находиться не ближе сорока метров от выхода. Все, это без вариантов.

Я опять начал проваливаться в дрему, и показалось, что прошло не более сорока минут, когда меня осторожно потряс Дунаев и доложил, что один из «санитаров» хочет пообщаться:

– Ну, води его.

Тот не стал терять время и коротко доложил:

– Был звонок из штаба, получили приказ прекратить огонь и что вроде как вы свои.

Я тут же встrepенулcя и сказал:

– И что? Я должен вас теперь сюда пустить толпой? Условие вы слышали: минимум Нефедов, максимум – прямая связь с Москвой с Главным управлением НКВД. Тяните «полевку», подключайте к вашим коммутаторам, но обеспечьте связь. Нас тут слишком «ласково» приняли, чтоб всем доверять. И главное, без фокусов.

Тот немного смутился, пожал плечами и коротко ответил:

– Я передам.

Через минут двадцать все тот же «санитар» сообщил, что приехал Нефедов.

– Давай его сюда.

Нефедов оказался крупным коренастым мужчиной с обритой налысо, круглой головой. Он сильно волновался, от этого потел даже на таком холоде, поэтому, помимо своей воли, часто протирал голову носовым платком.

– Товарищ майор, старший лейтенант госбезопасности Нефедов. Вы майор Кречетов?

– Да.

– Это очень хорошо. Только что звонил товарищ народный комиссар и дал жесткие указания на ваш счет.

Я ухмыльнулся. Ситуацию давно уже прокачал и прекрасно понимал, что сейчас Берия ни при чем. Скорее всего, это частная инициатива какого-то урода, имеющего доступ к информации по пришельцам во времени и сумевшего протолкнуть в новое управление своего человека – провокатора Ивакяна. Поэтому реакция Берии говорила о том, что с Базы, скорее всего, высказали свое «фи» Москве, и, зная Светлану, во вполне своеобразной форме, о чем говорит оперативность и подчеркнутое дружелюбие в действиях Нефедова.

– Хорошо. Обеспечьте мне прямой канал с Москвой, после подтверждения лично наркомом мы отпустим заложников и... Ну в общем, вы понимаете.

– Конечно. Сейчас прибежит телефонист и подключит вас к морякам, а через них соединят с Москвой.

– Ну, вот и хорошо.

Я всегда считал, знал и часто надеялся на то, что в нашей стране нашим народом, если дать нужную зарядку и придать необходимое направление, все будет делаться быстро и качественно, правда, к сожалению, заряд сохраняется недолго. Но в данной ситуации телефонист прибежал спустя десять минут и, предоставив нам для пользования старый, допотопный вариант известного по службе в нашем времени полевого телефона «тапика», быстро настроил связь, сообщил скороговоркой, что позвонят, и быстренько удрал в темноту, опасливо поглядывая на догорающий джип, громаду бронетранспортера и бойцов в необычной экипировке.

Я ждал звонка, но все равно телефон задребезжал неожиданно и весьма мерзко. Чертыхнувшись про себя, что лучше бы они настроили какую-нибудь мелодию, поднял трубку и коротко сказал:

– Слушаю.

Знакомый голос бодренько меня приветствовал.

– Доброй ночи, Сергей Иванович.

Это был не Берия, а Судоплатов, но тем не менее этого человека я был очень рад слышать.

– Доброй ночи, Павел Анатольевич.

– Я бы хотел извиниться за сложившуюся ситуацию, но, как понимаю, простые извинения сейчас не нужны.

– Да. У меня погибли три человека, на контролируемой вами территории. По сути дела, нас заманили в ловушку ваши люди. Извините, Павел Анатольевич, но это уже очень не смешно. У вас где-то течет, и очень сильно.

– Я вас прекрасно понимаю. Все получили строгие указания относительно вашего статуса и никаких неожиданностей быть не должно. Что с Ивакяном?

– Убит в перестрелке, когда со своими костоломами мне ребра ломали.

– Даже так? Это очень прискорбно, у нас к нему накопилась масса вопросов.

– Я так тоже подумал, когда пришел в себя. Видимо, мои товарищи вышли с вами на связь. У меня сейчас нет возможности с ними пообщаться, но очень хочется узнать, чем закончилась попытка проникновения?

– По словам вашей супруги, всех взяли без единого выстрела, все остальное давайте обсудим на месте. Я срочно вылетаю в Крым.

– Хорошо, буду ждать.

Рядом стоял Егор и внимательно прислушивался к разговору.

– Ну что, товарищ майор?

– Вроде как нормалек. На Базе всех повязали. Теперь в нашу сторону никто не пикнет. Все, зови этого Колобка-Нефедова, пора заканчивать Инкерманскую эпопею и возвращаться домой.

Егор ухмыльнулся.

– А почему Колобка?

– А этот урод во время последнего штурма города летом сорок второго оставит целой и невредимой всю картотеку горотдела НКВД и загса немцам, и те в течение нескольких суток уничтожат всю подпольную сеть, которая будет оставлена в городе.

– О как. Да уж. И что будем с ним делать?

– А ничего, пусть Берия разбирается со своими кадрами сам. Это его дерьмо, и он его должен вычищать, нам своих проблем хватает, наше дело доложить.

По прошествии получаса мы наконец-то смогли, не опасаясь выстрелов, выйти из катакомб. Светлеющее на востоке небо явно давало понять о начале нового непростого дня. При свете прожектора и фар приехавших машин в срочном порядке увозились раненые и наводился порядок. Красноармейцы и краснофлотцы, которые буквально несколько часов назад так азартно пытались нас подстрелить, деловито расхаживали невдалеке, бросая недобрые взгляды. Их можно было понять – постреляли их знатно, человек двадцать раненых из их подразделений уже увезли в город. Но даже в такой сложной обстановке мы старались их щадить и били по конечностям, но ночной бой – штука серьезная, и все предусмотреть просто нереально, и как доказательство этому было шесть тел убитых красноармейцев, которых отдельной машиной вывезли куда-то за город люди Нефедова, развившего бурную деятельность.

Мы расположились в стороне, на обломках полуторки, искореженной при прорыве бронетранспортера. Санька и еще пара человек что-то там копались под присмотром нескольких бойцов НКВД, которые после конкретной вздрючки и истерических криков начальника горотдела НКВД Севастополя не то чтобы подобрели, но старались вести себя подчеркнуто вежливо, прекрасно осознавая, на кого они наехали этой ночью. К сожалению, БТР был не на ходу. Восстановить при желании его можно было бы, учитывая наличие в Севастополе мощной промышленной базы, ориентированной на ремонт кораблей Черноморского флота, но вот светить «экспериментальную» технику людям, которые в принципе могли попасть в руки к противнику, как-то не хотелось. Поэтому с помощью пригнанного гусеничного артиллерийского тягача БТР снова загнали в пещеру, накрыли брезентом, опечатали и выставили охрану. Неумные Санька и Егор Карев демонтировали радиостанцию и заминировали бронетранспортер на случай непредвиденных обстоятельств. Нечто подобное было проделано с остатками сгоревшего джипа, который удалось потушить только к утру...

Отдельно в стороне уложили тела «пришлых», как их называл Нефедов, Ивакяна и четверых его охранников. К сожалению, никого живьем взять не удалось: в суматохе боя в замкнутом пространстве, особенно когда в качестве последнего довода используется пулемет, трудно ожидать иных результатов...

Оставаться в Инкермане уже не было смысла, поэтому всех уцелевших бойцов из нашего подразделения в специально пригнанном автобусе должны были отвезти в Севастополь и разместить в здании школы, находившейся недалеко от горотдела НКВД.

Пользуясь особым уважением Нефедова, я ехал вместе с ним в легковом автомобиле, марку которого я так и не вспомнил, и сквозь дикую головную боль и тошноту выслушивал его краткий доклад о судьбе наших раненых бойцов, размещаемых в отдельных палатах флотского госпиталя, и то, что им была оказана немедленная медицинская помощь.

Утро уже было в самом разгаре, но низкие тучи и пасмурная погода создавали гнетущую обстановку, особенно на фоне прошедших событий. Когда машина стала спускаться с холма, впереди снова раскинулось море, и где-то вдалеке через окно в облаках прямо в воду били лучи

солнца, как бы выделяя ярко освещенный кусок водной глади. Посматривая по сторонам, я про себя усмехнулся, узнав знакомый рельеф, поняв, что в будущем тут будет проспект Победы. Как-то символично все это выглядело.

Машину резко подбросило на кочке, мне сразу стало хуже. Тошнота, головокружение навалились с новой силой, и, не сумев удержать равновесие, я завалился на Нефедова, который что-то увлеченно рассказывал. Он удивленно попытался оттолкнуть, но, быстро разобравшись в ситуации, стал сначала меня трясти, что добавило к тошноте еще и боль в поломанных ребрах:

– Товарищ майор! Товарищ майор, что с вами?

Но, добившись только стога, крикнул:

– Тормози...

Выскочив из машины, Нефедов подбежал к идущей следом полуторке, в кабине которой вольготно расположился Артемьев, считавшийся вторым человеком в отряде и по документом носящий такое же звание в аппарате НКВД, как и испуганный начальник горотдела. Санька сразу выскочил из машины:

– Что случилось?

– Майор сознание потерял.

Артемьев тем не менее взял автомат на изготовку, окинув взглядом окрестности, тихо шепнул в микрофон гарнитуры: «Внимание», после чего в кузове, где расположились несколько бойцов в необычной пятнистой форме, защелкали автоматы и пулеметы, снимаемые с предохранителей. Он заглянул в машину, пощупал пульс и коротко выдал:

– Блин, хреново. Эти уроды его хорошо приложили... Давай в госпиталь.

Нефедов согласно кивнул. Переговорил со своим заместителем, который должен был сопровождать остальную часть отряда в школу, быстро сел в машину, где уже на переднем сиденье по-хозяйски разместился Артемьев, и коротко бросил:

– Быстро в госпиталь...

* * *

Когда я очнулся, то сначала не понял, где нахожусь. Мягкая подушка, одеяло, чистая, выглаженная простыня и дневной свет, льющийся из большого окна. После привычных пластиковых стеклопакетов тяжелые деревянные окна, окрашенные толстым слоем белой краски, выглядели совсем необычно. Мысли снова вернулись к кровати, на которой я лежал: рука, укрытая одеялом, ощущала жесткость свежего льняного постельного белья. В бункере чистая постель была не то чтобы редкостью, но в условиях ограниченного количества воды и энергоресурсов часто стирать и гладить как-то не получалось, разве что только для поддержания гигиены, а тут натурально чистые и выглаженные простыни. Давно забытое чувство умиротворения на мгновение захватило меня, но запахи больницы, а точнее хлорки и антисептиков, сразу дали понять, где нахожусь. Повернув голову и ощутив новый приступ тошноты, с некоторым удовлетворением увидел все того же Саньку Артемьева, который сидел развалившись на стуле, положив автомат на колени, и самым наглым образом спал. Рядом на стуле были разложены моя форма и снаряжение. Тут же стоял прислоненный к стене АКС-74 с подствольником, бывший у меня в момент, когда потерял сознание. Ощувив мой взгляд, Санька открыл глаза, увидел пришедшего в себя командира, сладко зевнул и бодрым голосом выдал:

– Здорово, Командир. Как спалось?

– Да нормально. Какого... я тут лежу?

– Да тебе в машине хреново стало, сознание потерял, вот в срочном порядке и отволокли сюда. Кстати, генеральская палата, и есть даже симпатичные медсестры. Видел бы ты, как они на наши «камки» пялились.

– Хм. Как мне казалось, да и документально подтверждено, что вы, товарищ прапорщик, пилитесь исключительно законно на девушек-снайперов и только в рамках семейного законодательства.

– Ну так кто спорит. Я, может, аппетит нагуливаю, а есть-то все равно дома буду! Во как... Но потом сразу стал серьезен и деловым тоном спросил:

– Ты вообще как, командир?

– Да не очень. Пинали эти уроды со знанием дела.

– За что и наказаны.

– Это меня не радует, надо было их выпотрошить, узнать, кто у них там такой Хозяин. Давай докладывать, что у нас тут по обстановке и где мы сейчас?

– Это госпиталь черноморцев. Отдельная палата, в соседних лежат наши ребята. Местная братва из контрразведки тут всех зашугала, и охрана размещена по всему зданию. В общем, как я понял, тут Берия всех в позу ротного пулемета поставил так, что уже никто не пикнет.

– Остальные ребята?

– В школе разместились. Я с ними периодически по рации связываюсь – там все нормально. Покормили, обогрели. Ну, в общем, жить можно.

– А Лебедев?

– Ничего не известно, вроде как ведут поиски, результаты даже если есть, нам пока не сообщают. Все ждем прилета человека Берии с особыми полномочиями, чтоб разругать ситуацию.

– Ага, Судоплатова. Опять его отправили. Это, может, и к лучшему, а то не контакт с предками, а какой-то шпионский боевик с элементами мистики и квеста. Что-то мне уже это надоело.

Санька фыркнул.

– А как по мне, так прикольно. Это все лучше, нежели лазать по развалинам и искать нефонящие консервы и отлавливать бандюков-отморозков.

– Что прав, то прав. Кстати, а тут кормят?

– Да, Командир, ты точно на поправку идешь. Сейчас что-нибудь соображу, да и сам не против перекусить.

Он быстро исчез за дверью, не прошло и минуты, как он довольный вернулся:

– Все нормально. Сейчас организуют.

– Кстати, а сколько времени-то по местному?

– Да уже обед прошел.

Но вместо обеда появилась женщина-врач, которая с деловым видом опросила, прошу-пала, послушала, задала несколько вопросов о самочувствии. Все это делалось подчеркнуто нейтрально-профессионально, без всяких эмоций. Я, сидя в кровати, с интересом рассматривал этот необычный персонаж. Это была женщина, даже не женщина, а девушка лет двадцати пяти – тридцати, невысокая ростом, фигуристая, с черными волосами, спрятанными под докторскую шапочку. Несмотря на сильный запах мыла и резины, который она распространяла вокруг себя (видимо, она была хирургом), стойко ощущался аромат фиалок, что придавало особый шарм и пикантность этой девушке.

Сидящий в сторонке Санька заметил мой заинтересованный взгляд, понимающе улыбнулся и подмигнул, мол, все мы такие, любители нагуливать аппетит.

Я не выдержал, улыбнулся, чувствуя, как болят разбитые губы, и спросил:

– Товарищ военврач, а как вас зовут?

Она подняла глаза, и я почувствовал холод ее взгляда.

– Это не важно, товарищ майор.

– Ну все же?

– Военврач Воронова. Достаточно?

Тон, каким это было сказано, сразу дал понять, что дальше общаться девушка не хочет.

Провозившись со мной еще минут пять, она дала рекомендации о покое, что-то там прописала и покинула палату. Санька озабоченно выдал:

– Серьезная девушка. Видимо, у нее есть претензии к нашей «крыше»: кого-то в ее жизни задела «кровавая гебня».

– Возможно. Кстати, а когда обед-то будет?

Как бы в ответ на мое возмущение открылась дверь, и в палату вошла пожилая женщина в белом халате и косынке и внесла несколько тарелок, к которым сразу обратились взгляды двух изголодавшихся по нормальной пище пришельцев из будущего.

Глава 5

Двигатель бронетранспортера равномерно урчал, наполняя корпус боевой машины вибрацией и теплом, благодаря которым БТР воспринимался как друг и товарищ. Покачиваясь на ямах, он быстро двигался по трассе, оставляя за собой просторы степного Крыма, где чахлые остатки снегоудерживающих лесопосадок еще отмеряли границы бывших колхозных полей. Теперь этот мир был мертв, и только бетонная конструкция с изображенным солнцем, реклама какого-то совхоза-винодела, напоминала о том, что здесь когда-то было тепло и светло. Именно в такие минуты Олег Дегтярев с грустью понимал, что возврата к прошлому миру уже не будет.

Они старались продвигаться по ночам, пользуясь приборами ночного видения, а днем затаивались где-нибудь в развалинах, внимательно осматривая окрестности и сканируя радиоэфир. К общему удивлению, где-то еще теплилась жизнь: пару раз перехватывали радиопередачи тактической связи, видели машины и даже один раз чуть не столкнулись с группой поисковиков, что никак не входило в их планы. Спецназовцы, рассредоточившись, через разбитые окна полуразваленного дома сопровождали прицелами гранатометов пару уродливых машин, приспособленных для передвижения в этом сошедшем с ума мире, но все обошлось, их не заметили, и не пришлось тратить драгоценные боеприпасы и гасить человеческие жизни, которых осталось не так уж и много...

Реально, если ехать без остановок, до Одессы можно добраться в течение дня, но Дегтярев разбил маршрут на три этапа и, достигая очередного рубежа, затаивался, пережидая дневное время суток.

Оставшиеся люди его команды прекрасно понимали командира, не роптали и спокойно относились к такому режиму движения, всецело доверяя майору. А вот у Дегтярева на душе скребли кошки, и он, оттягивая приезд на базу, пытался найти выход из сложившейся ситуации. Серега Оргулов был его другом, с которым связывали давнишние, еще довоенные отношения, тем более дружили семьями, а тут по сути дела приходится работать против него...

В Главном разведуправлении ГШ МО Украины служили тоже не новички и дилетанты, поэтому приближение войны ожидалось, к нему готовились и нисколько не страдали иллюзиями. Так же, как и у Службы безопасности Украины, у военных разведчиков были свои подставные фирмы, банки, через которые прокачивались ресурсы, необходимые для материального обеспечения работы, содержания агентуры и многих других статей расходов, как правило, не фигурирующих в бюджете Министерства обороны. Учитывая отношение Верховной Рады к военным, что выражалось в издевательски-лицемерном финансировании, такое положение вещей считалось само собой разумеющимся, и любые попытки временщиков, дорвавшихся до руля управления страной, как-то подмять под себя эти денежные потоки, карались очень жестко, как со стороны военной разведки, так и со стороны «смежников». Несколько показательных «случайных» смертей, убойных утечек компрометирующей информации, на основании которых даже продажные суды немилосердно закрывали нарушителей закулисного спокойствия, быстро установили статус-кво. Поэтому когда в Крыму, на Западной Украине и в других регионах страны раздались первые выстрелы, многочисленные группы, укомплектованные личным составом и снаряжением по штатам военного времени, уже были выведены из мест постоянной дислокации и начали немедленные действия. Наравне со спецподразделениями внутренних войск, СБУ, МВД по мере возможности гасили очаги вооруженных конфликтов. Во время таких поездок Олег пару раз пересекался с бывшими сослуживцами по морской пехоте ВМС Украины и слышал, что Серега Оргулов тоже надел форму и воюет на стороне россиян. И неплохо воюет. Перед началом глобальных ядерных бомбардировок Дегтярев со своей командой даже некоторое время пасли группу Оргулова, которая, по имеющейся информации, должна была вывезти из захваченного турками Новороссийска секретный груз, но в

самый последний момент они получили категорический приказ на прекращение операции и срочную эвакуацию по плану «Тьма».

Потом были долгие месяцы в катакомбах среди вони, голода и антисанитарии. После того как спала радиация, их группа стала выходить на поверхность, зачищая район ответственности от банд отмороженных мародеров. Многочисленные бункеры, без особого афиширования подготовленные через подставные фирмы на случай ядерной войны, спасли тысячи жизней офицеров, членов их семей, гражданских специалистов, к подбору которых отнеслись очень серьезно. Еще в процессе подготовки оказалось, что аналогичные мероприятия проводятся и в СБУ. Что-то, в меньших объемах, наблюдалось в МВД, хотя там больше заботились о сохранности руководящего состава, точнее об их комфорте, поэтому подземные убежища больше напоминали дворцы для генералов и их челяди.

Связь между бункерами продолжала работать и после начала ядерной зимы, хотя и в очень урезанном виде, но это не касалось мест, по которым прокатилась гражданская война, поэтому существовал некоторый обмен информацией, и данные об интересных событиях на полуострове достигли и ушей военных. Дегтярев был даже удивлен, что в Крыму кто-то сумел уберечься, после того как там рванули несколько зарядов, уничтожив Севастополь, Керчь, Феодосию, пройдясь по южному побережью, где до последнего момента оставались на боевом дежурстве береговые ракетные комплексы и в горах размещались командные центры. К своему удивлению, он потом узнал о наличии в Крыму одного из сегментов всеукраинского информатория, хранящего огромные массивы важной государственной информации. А тогда их в составе усиленного батальона десантировали с нескольких собранных по всем гарнизонам военно-транспортных самолетов в горах недалеко от Алушты и дали команду отбить объект, не уточняя о его ведомственной принадлежности. Там уже хозяйничали татары, которые целенаправленно, захватив боевую технику расквартированной в Крыму дивизии береговой обороны ВМСУ, атаковали информаторий и при поддержке турецкого спецназа взяли его штурмом. Корвет «Луцк», высланный для огневой поддержки десанта, получив противокорабельную ракету «Гарпун», выпущенную турецкой подводной лодкой, с развороченной кормой выбросился на берег, не дойдя до Алушты двадцати миль.

Тот бой Олег не любил вспоминать. Вместо разрозненной и рыхлой толпы им противостояли хорошо подготовленные и экипированные отряды, имеющие на вооружении бронетехнику и другие средства усиления. После десятичасового боя информаторий был отбит, и то только когда на помощь пришли части морской пехоты Черноморского флота. Несколько палубных вертолетов Ка-27 отловили подлодку, поразившую «Луцк», и буквально раскатали ее по дну Черного моря противолодочными бомбами. Тогда он увидел Оргулова среди русских морпехов, но так получилось, что окликнуть его не получилось, а потом дела замотали, и снова потерял след друга. Самое обидное, что когда они ворвались на нижние этажи, оказалось, что сервера и хранилища были целенаправленно уничтожены...

Сейчас он снова встретил Сергея, но вот при каких обстоятельствах...

И на этот раз его подразделение не случайно попало в Крым. У них тоже были свои информаторы, и военная разведка даже в таких условиях занималась сбором и систематизацией информации, которая имела хоть какую-то важность в этом мире. Данные о появлении в Крыму новой группировки не сильно их взволновали – одной бандой больше, одной меньше. Но дальнейшее развитие событий заставило обратить более пристальный взгляд на полуостров. После прошедших боев и тотального разграбления там мало что осталось, и по получаемой информации наличных ресурсов не хватало даже для выживания людей. А тут новая группа, обеспеченная продуктами, топливом, боеприпасами, причем позиционирующая себя как некое подразделение влияния неизвестной ведомственной и государственной принадлежности, производящая выборку специалистов, что не могло не заинтересовать. По всем параметрам тут работали не временщики, а серьезные люди, выполняющие некий план и, главное,

обеспеченные для этого соответствующими ресурсами, поэтому нахождение точек соприкосновения стало одной из целей разрабатываемой операции.

Информация приходила с запозданием, и когда руководство военной разведки приняло решение вмешаться, механизм уничтожения будущих возможных союзников был запущен, и сама группа Дегтярева, отправленная в Крым вместо подразделения ВВ из Херсонской области благодаря закулисным интригам, попала под раздачу и была бы практически полностью уничтожена, не вмешайся случай в лице Сереги Оргулова и его бойцов.

Да, он выполнил задание. Все теперь ясно, но вот что с этим делать и чью сторону принять? После того как он дрался с фашистами под Киевом 41-го года, Дегтярев стал другим человеком, что-то надломилось в нем, что-то изменилось, и теперь он уже не мог так уж беспрекословно выполнять приказы руководства.

Душой он понимал Серегу и его дело, а вот разум и холодный расчет профессионала говорили о том, что друг давно ходит по лезвию бритвы, и скоро его раздавят. Слишком уж большим богатством он обладал. За такое уничтожили бы и в мирное время, а уж когда все воюют со всеми и не ограничены рамками законодательства, ради такого куша способны объединиться даже самые непримиримые враги.

Тут он вспомнил о письме, которое Серега дал ему перед отъездом и попросил прочитать перед приездом на базу. Когда они затаились в небольшом покинутом селении, Олег включил светодиодный фонарик, достал сложенный, опечатанный лист бумаги и углубился в чтение, с первых же строк хмыкнув, вызвав тем самым пару удивленных взглядов у подчиненных.

«Здорово, Олежек. Давно хотел написать нечто подобное, в стиле детективных романов, но как-то не складывалось, а тут такой случай. Ты сейчас подъезжаешь к своей базе, и я на сто процентов уверен, что она не там, где ты мне говорил. Я не обижаюсь, прекрасно понимая сложившуюся ситуацию и то, что не было сказано или специально недоговаривалось. Мы с тобой не мальчики, да и ситуация такова, что не оставляет времени для рефлексии и распускания соплей. Ты неплохой актер, но вот натурально сыграть удивление от нашей встречи не смог, а это говорит о многом, во всяком случае, для меня. Строить умозрительные заключения в этом письме как-то не хочется, поэтому скажу сразу – моя группа находится в разработке военной разведки Украины, и это непреложный факт, поэтому и прислали тебя. Значит, скоро и „гебешники“ подтянутся, и менты. Олег... Мы с тобой видели Союз и то, как целый народ просто продали, как продали наше будущее, заставив служить местечковым царькам-феодалам. Я не предлагаю тебе предавать, потому что той страны, которой мы с тобой давали присягу в военном училище, уже давно нет. И она не погибла в огне ядерной войны, и не была отравлена химическим оружием. Она умерла намного раньше. Я, как друг, как осколок того прошлого, которое нам приятно вспоминать, прошу просто прислушаться к своей совести, совести русского офицера. Не важно, что на пуговицах у тебя трезубцы. Важно то, что когда праздновали девятое мая, тост поднимали „За нашу Победу“, несмотря на все старания наших современных геббельсов. Я заметил, что все, кто побывал на той стороне – меняются. Сильно меняются. Это происходит незаметно для нас, но со стороны это видно, поэтому скоро начнется охота. Не хочу уходить в философские дебри, просто прошу поступить по совести. Сейчас у нас есть шанс. Точнее, ШАНС спасти много жизней и попытаться исправить наши ошибки. Не ошибки наших предков, а именно наши ошибки. Потому что смолчал, когда приезжая тварь заставляла отказаться от родного языка, ничего не сделал, когда уверенные в своей безнаказанности звери на улицах устанавливают свои бандитские порядки. Поступи по совести...»

С уважением твой друг, Сергей Оргулов.

P.S. Надеюсь, ты меня не упрекнешь в излишнем пафосе, но, если честно, наболело».

Дегтярев сложил листок белой бумаги с опечатанным на лазерном принтере текстом и задумался.

«Да, Серега всегда умел зацепить, да так зацепить, чтоб потом всю ночь не спалось. Он, конечно, молодец, все грамотно расписал. Да тут и ежу понятно, что со временем всех нас, кто хоть как-то был в курсе о машине времени, спишут в утиль вместе с семьями. Никому не нужны такие свидетели. Поэтому фактически Серега просто дал понять, что другого пути у нас нет, кроме как переходить на его сторону, прихватив побольше спецов, в той или иной степени лояльных к нашему советскому прошлому. Причем предпочтение отдается семейным, которые с радостью пойдут на то, чтобы отправить своих родных и близких подальше из этой радио-активной помойки. И самое интересное, мои ребята для себя уже приняли решение, только вот ждут, когда я озвучу план операции. Вот ведь Серега, жучара. А я все думал, как он так неосторожно всех нас, новичков, потащил в прошлое на разборки с немцами. Оказывается, нам просто не оставили выхода. Наверно, так же он и с бойцами отряда полковника Черненко обошелся. Ну что тут скажешь – Оргулов молодец, все просчитал правильно и выполнил безукоризненно. Чистый воздух для детей, продукты и возможность повоевать за правое дело – мощные причины, по которым у него не будет перебежчиков, а многоуровневая система безопасности, основанная на обязательном тестировании, проверке на детекторе лжи и постоянном, ненавязчивом контроле над личным составом с обязательным разграничением уровней доступа, делает идею предательства неприемлемой. Все-таки Серега – молоток, все классно обставил и по ходу дела уже и мне местечко возле себя приготовил...»

Дегтярев с подвыванием зевнул, обратив на себя внимание всех находящихся в бронетранспортере, и, как котяра, потянулся, расправляя тренированное тело. Чутье ему уже не раз подсказывало, что бойцы вопросительно на него поглядывают: все ждут финального инструктажа. Но тут не тот случай. Именно сейчас будет приниматься судьбоносное решение о дальнейшей судьбе всех бойцов его подразделения и их семей, а возможно, и большего числа людей, которые в той или иной степени будут вовлечены в будущие события.

Приняв решение, дал команду Чеботаеву, который после разгрома группы исполнял обязанности его заместителя.

– Рома, буди людей, разговор есть.

– А что будить, все и так не спят, ждут, когда говорить будем.

– Ну и ладушки. Раз все не спят, буду говорить открыто. Да и не тот случай, чтоб играть в секреты...

Выждав паузу, дождавшись согласных кивков, он продолжил:

– Все вы поняли, во что мы вляпались. Майор Оргулов нас всех классно сделал, практически не оставив выбора. Или мы с ним пользуемся открывающимися возможностями путешествий во времени, либо с нашим нынешним руководством, реакция которого на информацию о реальном положении вещей трудно предугадать. Во всяком случае, могу сказать, что бойня будет неслабая, и мы в ней поляжем в первую очередь. А так как у нас все давно «течет», то и гебешники подтянутся, потом менты, а чуть позже могут и турки и россияне нарисоваться, и нет гарантии, что и амеры с остальной европейской шелупонью не выбросят десант. В итоге – еще один виток мировой войны, и в конце концов, чтоб портал не достался никому, жажнут по Симферополю целенаправленно еще парочкой спецзарядов, а может, и с орбиты чем-то, что оставили на черный день. Поэтому вопрос стоит ребром, с кем мы, а исходя из этого будем уже рассчитывать наши дальнейшие шаги.

– Ты сам-то, командир, что решил? Неужели сомневаешься?

– Да, сомневаюсь, хотя и вижу, что времени до начала всеобщей свалки осталось мало, и те, кто успеет максимально быстро воспользоваться возможностями установки путешествия во времени, получит больше всего призов. А что это, объяснять не надо. Для меня лично это возможность переправить семью в мир, где нет радиации и где можно нормально дышать без противогаза.

Голос подал Чеботаев:

– Так в чем проблема, товарищ майор? Мы-то уже не мальчишки, тут все повоевать успели. Я, конечно, понимаю, присяга и все такое, но кто мне объяснит, ради чего мой ребенок должен гнить в вонючих галереях, когда есть возможность спасти его? Как по мне, так ваш друг Оргулов вполне по совести поступает: без всякого сюсюканья зачистил всех отморозков, наладил систему управления и снабжения. Я лично для себя уже все решил, если вас интересует мое мнение. Свой долг перед страной и народом мы выполнили. Только ведь уже ни страны, ни народа не осталось...

Олег его перебил, прекрасно понимая, куда могут завести такие философские диспуты.

– Да, долг мы свой выполнили, но у нас осталось командование, боевые товарищи. Только благодаря дисциплине мы остались силой... А тут, если начнутся разборки, наших же спецов против нас и бросят.

– И что? Сколько нам в таком режиме осталось жить? Рано или поздно загнемся от радиации или погибнем, как ребята в очередной разборке за фонящие развалины. Командир, может хватит юлить, ты же ждешь нашего одобрения, считай, его получил. Что будем дальше-то делать?

Олег вполуха слушал, внимательно наблюдая за остальными бойцами, которые пока не вмешивались в разговор, как бы делегировав право говорить от их лица прапорщику Чеботаеву. Со стороны Дегтярева это была игра в неуверенность, в которой он пытался выявить колеблющихся и вовремя подобрать нужные аргументы, и если таковые не будут до конца убедительными, то принять самые жесткие меры, вплоть до ликвидации. У этой игры были свои правила, и для себя майор Дегтярев уже решение принял, и давно, когда прокачал всю ситуацию с путешествиями во времени и всю расстановку сил. Главный посыл Оргулова он понял – наладить контакт с украинскими военными через его связи в военной разведке, при этом не раскрывая основную суть, подсунув басню про Антарктиду. Теперь вопрос стоял о целостности и надежности его команды. Тут он не хотел ошибиться, поэтому на протяжении трех дней путешествия продумывал план этого разговора. Еще одной из серьезных проблем являлось психокодирование среди спецподразделений, которое было нередким явлением. Обычно делали установки на беспрекословное подчинение командиру и руководству, безусловное принятие государственной доктрины, на психическую устойчивость во время боевых столкновений, когда многие простые «портяночники» слетали с катушек, окунувшись в кровавое море войны. Такие настройки, как зарядка аккумулятора, должны были постоянно обновляться и закрепляться в мозгах бойцов, но в условиях полного разгрома специалисты в этой области и методики были практически утеряны. Это не было основной проблемой, хотя и пренебрегать опасностью с этой стороны Дегтярев не собирался. В довоенное время жена Чеботаева работала администратором в одной из небольших оздоровительных фирм, где повсюду применялось психокодирование для лечения алкоголизма, наркомании, и благодаря природному таланту сумела освоить некоторые методики, а больше, из природного чувства протеста, осваивала всевозможные приемы противодействия. Во время вынужденного сидения в бункере она тщательно вылавливала «якоря» на подчинение у мужа, а впоследствии и у его командира – майора Дегтярева, хотя это и не афишировалось... Сейчас прошло много времени, и все установки, которыми до войны были напичканы спецназовцы, должны были уже потерять силу и выветриться, но гарантий никаких не было, а значит, необходимо ожидать опасности и с этой стороны. Олег был не из тех, кто полагался только на удачу, и предпочитал подстраховаться, даже ценой жизни кого-то из боевых товарищей. Такова уж специфика его службы.

Во время одной из отлучек из БТРа, вместе с Чеботаевым, которого он знал как облупленного и мог полностью на него полагаться, они обговорили, что, когда и кто будет говорить. Сейчас операция вошла в завершающую стадию...

Олег опустил голову, исподлобья изучая своих бойцов, стараясь разглядеть следы сомнения, злости, непонимания, несогласия. Чеботаев тоже занимался отслеживанием реакции личного состава, но пока все шло гладко и по плану...

Причины волноваться были. Еще до войны они с Серегой были неприятно поражены историей со своим бывшим сослуживцем, прапорщиком Ванькой Пельниковым, который, так же как и они, служил в Севастополе в полку морской пехоты, в разведроте. Перевод полка в Феодосию привел к тому, что большинство офицеров и прапорщиков оказались оторваны от семей, проживающих в городе-герое. Естественно, жильем на новом месте службы никто их обеспечивать и не собирался: людям приходилось жить в казармах вместе с личным составом, изредка позволяя себе наведываться в Севастополь к родным. Учитывая невысокие зарплаты, такие поездки были весьма накладными, и через три-четыре месяца на имя командира бригады морской пехоты посыпались рапорта об увольнении или переводе обратно в Севастополь от тех, кому удалось найти место и получить отношение.

Именно в то время Серега, доведенный до ручки, и дернул на «гражданку», а вот Ванька Пельников, будучи неплохим спортсменом, перевелся в штаб в управление физической подготовки. Потом там у него что-то не сложилось, и при очередном реформировании перевелся в спецназ внутренних войск, базирующихся в Севастополе. В 2004 году во время «оранжевого» переворота стоял на Майдане и охранял Верховную Раду. После его перевода в Киев связь с ним была потеряна, но буквально перед самым началом войны Дегтярев с Оргуловым случайно пересеклись с ним на железнодорожном вокзале Симферополя. Ванька изменился, и не в лучшую сторону: веселый и жизнерадостный боец превратился в угрюмого и раздражительного человека, хотя встрече со старыми знакомыми он обрадовался. Конечно, по этому случаю заскочили в одно из околотовзальных кафе, где, как положено боевым товарищам, решили это дело отметить. Там Ванька вкратце рассказал о своей службе в спецназе внутренних войск в Киеве, о политической возне и о том, как бойцы чуть ли не целыми взводами подают рапорта на увольнение. Оргулов к тому времени уже работал в банке и был вполне доволен жизнью, Дегтярев тоже неплохо пристроился в разведуправлении ВМСУ, поэтому слушать сослуживца было тяжело – не всем везло в этой жизни. И вот во время разговора Серега, всегда отличающийся особой нелюбовью к украинизации на юго-востоке Украины и особенно в Крыму, пошутил по поводу украинского языка, вместо которого всячески насаждался польский суржик, и вообще всего положения в армии и внутренних войсках. Реакция Пельникова поразила обоих: его глаза остекленели, и, не сказав ни слова, он, как бойцовая собака, бросился на Оргулова, пытаясь ударить его пепельницей в горло. Тогда только оставшиеся навыки Сереги да сноровка Дегтярева предотвратили несчастье, но пример был показательным. Ваньку удалось скрутить и успокоить, но потом он долго шипел и выкрикивал: «Я вас научу Украину любить!» Самое интересное, что такого за ним никогда не наблюдалось. Во время службы в морской пехоте он, как и все, потешался над замполитами, которые быстро перестроились и уже назывались воспитателями, и на корявом, ломаном украинском языке во время собраний в красном уголке, который уже назывался светлицей, рассказывали о НАТО, о курсе Украины на интеграцию и что американцы – наши лучшие друзья. На что офицеры и прапорщики обычно посмеивались и вполголоса предлагали, в случае вступления в НАТО, выделить каждому по персональной Левински, так сказать, для более глубокой интеграции... А тут такой кардинальный поворот в мировоззрении, особенно после службы в элитных частях внутренних войск. По своим каналам Олег попытался навести справки, но тут же был одернут и поставлен в стойло так, что всякое желание продолжать наводить справки у него пропало. Единственное, что удалось накопать, были слухи, домыслы, но не более того. Большинство, в основном исходящее из уст чиновников, сводилось к мнению о психокодировании молодежи на Майдане во время «оранжевого» переворота и тому, что бойцы попали под воздействие, результаты которого со временем пройдут, хотя у Дегтярева на этот счет было свое мнение. Потом началась война, и уже

не было места прошлым проблемам, и все оказалось брошено на выполнение заданий командования и элементарное выживание.

Сейчас, вспомнив эту историю, тот стеклянный взгляд Пельникова и его бессознательную реакцию, больше похожую на рывок кавказской овчарки при команде «фас», он старательно изучал своих бойцов, пытаясь выявить хоть какие-то признаки неудовольствия или несогласия. Но сейчас Дегтярев больше всего на свете боялся увидеть такой же остекленевший взгляд у кого-нибудь из своих боевых товарищей.

Убедившись в отсутствии хоть каких-то настораживающих признаков, Олег приступил к инструктажу.

– Значит, так, естественно, в открытую мы не попрем к нашим с криками «Мама, я вернулся!». Сразу контрики возьмут в оборот и всех выпотрошат, конечно, нам этого не хотелось бы. Пока немного затаимся возле одного из бункеров-спутников и установим канал связи с нашими ребятами, которые придут на дежурство.

– А если будут не те?

– График дежурств я на всякий случай уточнил перед выездом, через два дня на «Заозерный» как раз заступает группа капитана Карпова... Так что слушай мой приказ.

Все находящиеся в бронетранспортере внимательно уставились на своего командира.

– При наступлении темноты скрыто выдвигаемся к бункеру «Заозерный», базирируемся в трех километрах южнее, в развалинах фермерского хозяйства, и устанавливаем наблюдение за окрестностями. При смене гарнизона попытаемся установить контакт. Еще раз обращаю внимание всех на обязательный режим радиомолчания. Все, а теперь всем спать, завтра будет трудная ночь. Чеботаев дежурит первым, за ним – Перминов и Хрулев.

Бойцы молча кивнули и расползлись по своим лежанкам. Чеботаев, натянув противогаз, гулко хлопнув дверью, вылез на улицу, проверить окрестности. Средства наблюдения замаскированного в развалинах бронетранспортера не позволяли в полной мере контролировать обстановку, поэтому дежурному приходилось во время каждой остановки выходить, скрытно прокладывать кабеля и устанавливать по периметру видеокамеры, чем Чеботаев и пошел заниматься.

Олег закрыл глаза, как бы задремав, но накачанный адреналином организм от практически постоянного стресса пока отказывался засыпать, и майор прокручивал в голове воспоминания о последних событиях своей жизни.

Глава 6

Хороший обед, хотя больше по времени подходящий для раннего ужина, прибавил сил и бодрости. Чувство умиротворения как бы оттеснило на задворки памяти неприятные, трагические ночные события и позволяло смотреть в будущее с определенной долей оптимизма. Но война дала о себе знать. Через час после наступления темноты в городе завывали сирены, и мы с Санькой и еще двумя нашими бойцами, которых на носилках несли молчаливые здоровяки в общевоинской форме РККА, хотя их ведомственная принадлежность не вызвала сомнений, спустились в бомбоубежище, где уже собрался весь состав госпиталя. Это был подвал дома старой постройки с широкими стенами, чуть ли не больше метра толщиной, из инкерманского камня, поэтому в бомбоубежище стояла достаточно низкая температура, и многие раненые кутались в солдатские одеяла.

Мы с Санькой примостились в уголке, окруженные двумя охранниками, и с интересом рассматривали людей вокруг. Двух наших лежащих раненых положили рядом. Один из них, сержант из «внутряков», еще не пришел в себя после экстренно проведенной операции, а вот второй, из недавнего пополнения, был в сознании и с интересом вертел головой по сторонам. Он, когда увидел меня с Санькой, обрадовался и попытался заговорить: охранники тихо, но вежливо и достаточно настойчиво попросили не разговаривать. Несмотря на большое количество людей и явную перегруженность бомбоубежища, благодаря охранникам вокруг нас образовалось свободное пространство, в которое никто не пытался проникнуть: все в помещении демонстративно делали вид, что нас не существует. В пяти метрах, над носилками с тяжело раненым матросом склонилась недавняя знакомая военврач Воронова. Что-то там произошло, и на ее встревоженный окрик к ней подбежала медсестра, на ходу подтягивая тяжелую брезентовую сумку с красным крестом. Приглушенные крики, стоны и так заполняли бомбоубежище, но тут и мне стало понятно, что перед нами развернулась картина агонии.

Через пять минут военврач выпрямилась, опустив голову, осталась стоять возле носилок. В свете слабых лампочек и нескольких керосиновых фонарей, установленных в специальных подставках на стенах, был виден испачканный кровью халат. Она провела тыльной стороной кисти, испачканной в крови, по лбу, убирая выбившуюся из-под шапочки прядь темных волос, оставляя при этом на бледной коже темный красный след. На фоне воющих на улице сирен, грохота зенитных орудий и нескольких недалеких взрывов тяжелых авиабомб развернувшаяся перед нами картина смерти раненого матроса пробрала не меня одного. Санька отвернулся, опустил голову и как бы невзначай стал поглаживать цевье автомата.

Это было труднее всего, видеть смерть рядом. Я всегда с трудом понимал врачей, точнее хирургов, которые всю жизнь ходят рука об руку со смертью и умудряются оставаться людьми, хотя не все, многие просто черствеют и начинают смотреть на больных, как сборщик конвейера на типовую деталь. Да, мы были не мальчики, и воевали, и убивали, подрывали, расстреливали, резали, сжигали, теряли друзей и уничтожали врагов, добивали раненых и просто зачищали ненужных пленных, походя полоснув штык-ножом по горлу, но все это проходило либо в горячке боя, либо в рамках выполняемого задания. А тут просто так, рядом, когда ты остаешься немым свидетелем, смотришь, как в театре, наблюдаешь смерть чуть ли не в тепличных условиях. Мы еще настолько не очерствели, чтоб на такое спокойно реагировать, поэтому, когда уже под утро скомандовали отбой воздушной тревоги, молча поднялись в свою палату. Даже бойцы НКВД выглядели задумчивыми.

После ночных волнений мы с Санькой все равно не могли заснуть и встретили утренний рассвет в своей палате, тихо переговариваясь о возможном развитии ситуации.

– Ну что, командир, что думаешь делать?

– А тут и думать нечего. Пока НКВД будет устраивать разборки и раскручивать заговор, нам нужно снова нестись под Борисполь и переходить через действующее окно в бункер.

– А окно под Севастополем что, вообще нереально включить? Может, там народ сам справится?

– Сомневаюсь. Я, конечно, не знаю всех последствий экстренного отключения портала, как-то бог миловал, но вот то, что придется заново проводить юстировку волновой линзы, это к бабке не ходи. Иначе они давно с нами связались бы. Да и при отражении штурма могли там во время перестрелки что-то повредить. Поэтому придется лететь, времени вообще нет: группировке, окруженной под Борисполем, и так не хватает ресурсов, и им там как единому войсковому соединению существовать осталось буквально несколько дней, а тут реально от нас многое зависит. И вывоз раненых, и снабжение боеприпасами, и подвоз горючего и продуктов. Наверно, Судоплатов пришел к таким же выводам, и самолетик уже готовят.

– Да я тоже про это думал, но восемьдесят тысяч прогнать через порталы, из-под Киева в Крым... Тут кто угодно заинтересуется таким феноменом.

– Знаешь, Санька, устал я голову ломать еще над этими проблемами. Пусть руководство СССР и Ставка об этом думают, разрабатывают информационное прикрытие и легендирование. Мы им за определенное количество горючего и продуктов просто организуем транспортную поддержку, а дальше не будем заморачиваться. У нас там и так скоро война начнется, чувствую, все, что до этого было, только цветочки. Кстати, Санька, хотел тебя спросить...

– О чем?

– Да вот тогда, когда бункер «внутряков» бандюки захватили, как ты смог по-тихому просочиться к стеллажам, где они свои маски хранили?

– Да, если честно сказать, самому до сих пор не верится. Реально тогда сам не до конца понимал ситуацию, какой-то задор был. Правда, потом, помнишь, как меня отходняк бить начал после всего этого.

– Ага, помню, как Катька тебя немецким трофейным шнапсом отпаивала.

– Ладно, командир. Сам будешь прыгать под Борисполем? Ты и так весь помятый, может, повременим?

– Куда? И так времени много потеряли. Ждем Судоплатова и летим. Это без вариантов. Вариации могут быть только в составе или количестве сопровождающих.

– Ну, я так и думал. Кстати, командир, а есть тут у них самолеты, чтоб без прыжков можно было приземлиться? Кажется, партизан так из тыла забирали. Что-то типа того «кукурузника», которым тебя тогда из-под Могилева вывезли.

– Да, самый лучший вариант. Что-то мне тоже не особенно хочется ночью с парашютом прыгать. Опыт есть, и при этом не самый приятный. По идее, утром увидим Судоплатова, который нас будет по заданию Берии зацеловывать и одновременно всех вокруг строить и пинать. Кстати, а ты что, прыгать боишься?

Я на него подозрительно уставился и несколько театрально сузил глаза. Санька не понял моей игры и слегка заерзал, как бы оправдываясь.

– Да как-то не было практики, да и высоту я не очень люблю.

– Понятно. Санька, не заморачивайся, придумаем что-нибудь.

За таким разговором мы дождались завтрака. Когда мы, перекусив, попили горячий чай, к нам в палату без стука буквально влетел порученец Нефедова с новостью, что под утро Судоплатов прилетел на «спарке» прямо в Севастополь, приземлившись на аэродроме на Херсонесе, и через десять минут будет у нас. Это известие не могло не радовать. Мы с Санькой были не теми людьми, кто в такой обстановке мог спокойно сидеть без дела, поэтому известие о том, что ожидание заканчивается, вселило в нас дополнительную порцию оптимизма.

В действительности пришлось ждать чуть больше десяти минут, но все равно Судоплатов появился неожиданно, по-деловому влетев в палату, блестя начищенными сапогами и распро-

странья вокруг себя запах табака, одеколona и сапожной ваксы. Бегло оглядев две стандартные койки, выбеленный потолок и выкрашенные зеленой масляной краской стены, он кивнул головой и жизнерадостно поздоровался, со своей обычной доброжелательной улыбкой профессионального разведчика.

– Доброе утро, Сергей Иванович.

– Доброе оно-то доброе, Павел Анатольевич. Я смотрю, у нас уже входит в привычку встречаться в критических ситуациях. Вам не кажется, что это уже больше начинает походить на водевиль?

Но по усталому лицу Судоплатова было видно, что шутить у него нет желания, и он, не поддерживая тон разговора, сразу перешел к делу.

– Да, что-то не очень. Слишком много людей гибнет, и, к сожалению, тут вина лежит теперь только на нас. Со своей стороны вы все делаете безупречно, даже при угрозе щадили наших бойцов. Моему руководству это известно и соответственно оценено.

– Цену знаете?

– Да. Вы потеряли убитыми трех человек.

– Поверьте, для нас это очень много, с учетом того, что большинство остальных ранены.

Но давайте поговорим более конструктивно.

– Конечно, я для этого лично и прилетел, бросив все дела.

– О самолете вы уже побеспокоились?

Судоплатов ухмыльнулся.

– Да. Как я понял, вам нужно срочно попасть на вашу базу, а это возможно только через окно в районе Борисполя.

– Не совсем, можно попробовать и через окно в районе Нежина или Фастова. Но эти окна находятся на территории, уже захваченной противником, хотя вероятность словить шальную пулю под Борисполем намного выше. Тут зависит от обстановки на территории, окруженной группировки. Надеюсь, вы запросили сводку?

– Да, но связь работает с перебоями, поэтому информация будет ближе к вечеру.

– Хорошо. Но у вас, как у профессионала, какие идеи по поводу порядка доставки? Оди-ночная заброска или группой?

– Да, группа, конечно, предпочтительней, но лучше бы разыграть бориспольский вариант. И вам привычнее, и мне спокойнее.

– Ну, вам виднее. А теперь давайте вернемся к нашим баранам. Вы начали разбиратель-ства по поводу недавних инцидентов?

Судоплатов немного изменился в лице, прекрасно понимая всю серьезность ситуации.

– Павел Анатольевич, понимаете, каково оно нам? Открытая диверсия с нападением на нашу базу. Скажем так, с нашей стороны вы в последний раз находите понимание сложившейся ситуации. Я не буду обсуждать и странную утечку информации к немцам, и возможные дерга-нья английской и американской разведок, тут до конца не все понятно, хотя прослеживается одна очень неприятная закономерность. В общем, с моей стороны будет предложение...

– Я вас внимательно слушаю.

– В ваше время методики психокодирования и противодействия детектору лжи еще неиз-вестны, поэтому мы и выловили сразу несколько ваших агентов, которых вы завербовали среди бывших пленных. Думаю, ваши оппоненты тоже не в состоянии что-то противопоставить в этой области, поэтому наше условие таково: все, кто допускается до работы с нами, имеет доступ к реальной информации о нас, будут проверяться нашими специалистами на детекторе лжи по методикам нашего времени. Причем такая проверка будет проводиться несколько раз и без всякой определенной периодичности.

– Ну, в принципе, я не думаю, что это вызовет несогласие моего руководства, но есть пара вопросов.

– Задавайте.

– Где гарантии того, что ваши специалисты не загипнотизируют наших людей, и впоследствии они станут вашими марионетками? Это первое. Второе: почему проверки будут проводиться несколько раз и без всякой периодичности?

– Ну, на первый вопрос могу ответить прямо. Даже в наше время таких методик программирования людей еще не наработано. Что-то эпизодически мелькало, но так, на грани слухов. Если б мы это умели, то не заморачивались бы контактами с вами, а просто запрограммировали несколько человек из вашей организации и работали, не афишируя вообще свое присутствие. Или так же с германцами. Берем какого-нибудь оберлейтенанта Ганса, берем на контроль, дальше полковника, и к концу месяца в генштабе вермахта половина людей были бы нашими агентами, которые были бы уверены, что работают добровольно.

Судоплатов слушал меня очень внимательно, и на миг его взгляд затуманился. Видимо, главный специалист по спецоперациям представлял, как будет обставлять Гитлера и Черчилля своими людьми, и в нужный момент они просто придушат этих монстров политики. Но тут он прекратил мечтания и продолжил разговор:

– Да, жаль. А по второму вопросу?

– Ну, тут вы не хуже меня знаете, что такое профилактические проверки. Где гарантии того, что человек, прошедший сегодня проверку, не будет завтра завербован. А так будут бояться, тем более если напустить тумана про наши возможности, то трижды будут бояться.

– Да, в этом есть смысл.

– Конечно. Когда я был в Москве, вы проигнорировали мое предложение, и результат – утечка стратегической информации к противнику. Да и самого чуть не грохнули.

– Ну, Сергей Иванович, кто старое помянет...

– Это проходит на бытовом уровне, а у нас сейчас очень непростая ситуация. Кстати, когда мы выходили на вашу сторону, натолкнулись на разведгруппу противника, что там с ней, не успели ли они прокукарекать своим?

– Хм. Я об этом в первый раз слышу. Хорошо, что сказали. Видимо, местные товарищи меня еще не успели известить.

– Ага. А вы что, нашу подборку не читали относительно Нефедова?

– Да как-то не хватило времени.

– Зря.

– Он что, предаст?

– Фактически – да. Как только доберусь до базы, сделаю вам заново подборочку материалов.

– Да-а-а-а. Мне что, его прямо сейчас арестовать?

– Не спешите, время еще будет.

– Обрадовали. А вот насчет немецкой разведгруппы – это интересная информация. Я проверю.

– Вот и хорошо. Тогда ждем информацию из окруженной группировки и готовим вылет. Кстати, а что вы там подготовили?

– Знакомый вам Р-5.

– Так это только для меня любимого.

– Что-то посерьезнее, типа «Дугласа», физически не успеваем подготовить до вечера. Это не Москва, к сожалению.

– А особые полномочия?

– Сергей Иванович, вы действительно считаете НКВД таким уж всесильным?

– Грешен, подвержен стереотипному мышлению.

– Ну, тогда давайте лечитесь, а я ближе к вечеру к вам заеду.

– Будете искать Лебедева, заговор и прикрывать тыл своего начальника?

Судоплатову не понравились мои намеки, он немного скривился, но не потерял спокойствия и коротко ответил:

– Да.

– Ну, тогда до встречи. Кстати, вы могли бы организовать мне разговор с моими людьми, которые находятся в Подмосковье?

– Сейчас это трудно, сами понимаете, система связи нарушена, но я постараюсь.

– Хорошо, до вечера. Еще одна просьба.

– Да, Сергей Иванович.

– Было бы неплохо снабдить всех моих людей реальными документами и формой сотрудников органов государственной безопасности, с определенными полномочиями.

– Разумно. Организуем. Еще что-то?

– Павел Анатольевич, согласитесь, что местные ваши коллеги дискредитировали себя, может, заменить охрану краснофлотцами?

– Вы так думаете?

– Это просьба.

– Это решается. Я распоряжусь.

Я решил подбодрить и немного пригрузить важного гостя.

– Если удастся восстановить окно в окрестностях Севастополя, то здесь можно будет организовать перевалочную базу. Но для нормальной работы город нужно будет вычистить от немецкой агентуры. Тут как раз и понадобятся помещение, явочные квартиры, местный транспорт, оперативное сопровождение и так далее.

– Вас не пугает, что город должен пасть?

– Нисколько. Даже при самом неблагоприятном развитии ситуации, как в нашей истории, город продержался до середины лета сорок второго года и то из-за того, что противник сумел пресечь поставки боеприпасов в осажденную крепость, и то потому, что тут, в Крыму, Мехлис накрутил. А так и мы поможем, и поучаствуем, все-таки Севастополь и для нас родной город, так сказать, связь времен...

– Сергей Иванович, как говорят в вашем времени, меня такая ситуация немного напрягает. У вас есть возможность организовать точку выхода так, чтоб она была на достаточном удалении от линии фронта, и нам не приходилось бы постоянно что-то выдумывать?

– Пока это будет очень трудно сделать. Возможность есть, но не ранее чем через полгода.

– Н-да. Вы хотите использовать Севастополь в качестве точки воздействия и кардинального изменения хода войны?

– В некоторой степени – да. Не падет Севастополь, немцы не смогут начать планомерное наступление на Кавказ, соответственно Южный фронт забуксует. И кто будет начинать мощное наступление, имея под боком серьезную боееспособную группировку с аэродромами, флотом и крупными массами пехоты? Плюс наши технические возможности: связь, перехват и подавление немецкой связи, ночные корректировки артогня, в крайнем случае силовая танковая поддержка, но это уж на самый крайний случай, да и рельеф здесь не сильно подходящий для стремительных танковых прорывов.

Судоплатов молча меня слушал. Создавалось такое впечатление, что он скрупулезно фиксирует или даже стенографирует весь наш разговор в памяти, делая заметки на будущее.

– Вам так не терпится повоевать?

– Да нет, навоевались мы уже по самое не могу. А вот помочь – почему бы и нет.

– А что там насчет ночных корректировок?

– Да элементарно. Связь есть, приборы ночного видения есть. Поднимаем ночью самолет и с хорошей высоты светим немцев и корректируем артиллерийский огонь, давим все средства усиления. К этому есть еще тепловизоры, которые помогают в темноте по тепловому следу обнаруживать и технику, и людей. В нынешних условиях с таким оборудованием можно вполне

серьезно и эффективно бороться с противником в темное время суток. Ночных истребителей у немцев в начале войны практически не было, так что при определенной сноровке можно безнаказанно развлекаться. Но это так, к слову, вообще вариантов много. Главное, запустить процесс.

– Хорошо. Я доложу ваши соображения моему руководству.

Мы пожали друг другу руки, и Судоплатов быстрым шагом вышел из палаты. Через несколько секунд нарисовался Санька и коротко спросил:

– Ну что, командир?

– Да то, что и думал. В общем, вроде как поговорили, но ничего особо нового друг другу не сказали. Разведка, что с них возьмешь.

– Ага. Прямо как мы.

– Да нет, Саня, мы детишки по сравнению с ними. Привыкли полагаться на Интернет, ноутбуки, прослушку и спецпрепараты, а тут действительно люди, которые в первую очередь головой привыкли думать.

– Ну не скажи, командир, мы же тоже не дурачки, тоже кое-что можем.

– Ну, так за счет этого и держимся. Ладно, Санька, ты с нашими связывался, как они там?

– Нормально. Ночью отсиживались в подвале, сейчас расслабляются и ждут развития событий.

– Пусть готовятся, завтра всех переодеваем в форму НКВД. Судоплатов обещал. И охрану поменяют на моряков, так что готовь тельник, будешь братву очаровывать и соревноваться в рассказывании баек. Возьмешь в помощь себе Игоря Дунаева.

– Хм. Тоже дело. А как же оружие и снаряжение?

– Да придумаем что-нибудь. Кстати, Санька, а как тут с обедом?

Санька довольно ухмыльнулся.

Как будто это было повторение вчерашнего дня, вместо обеда в палате появилась военврач Воронова. А через полчаса в палате нарисовался деловитый капитан-лейтенант с отделением матросов, направленных в наше распоряжение.

* * *

Судоплатов спускался по широкой лестнице госпиталя в сопровождении порученца Нефедова, который был к нему прикреплен для выполнения мелких поручений. Тот сначала пробовал что-то лепетать и показывать щенячью преданность перед высоким московским начальством, но раздраженный до предела сложившейся ситуацией Судоплатов его резко оборвал, и тот, как собачонка, ходил рядом и помалкивал, лишь при ходьбе поскрипывая начищенными сапогами и новенькой португеей.

Общение с потомками не подняло настроения и вызвало слишком много вопросов. Конечно, вид избитого Зимина ему не понравился, но то, что тот абсолютно адекватен и занял вполне лояльную позицию по отношению к руководству НКВД – радовало. Судоплатов прекрасно понимал всю серьезность ситуации и что после такого провала вся верхушка госбезопасности может быть заменена, причем самым радикальным образом. Поэтому в его интересах было раскрутить всю эту ситуацию максимально быстро и высветить уже решенную проблему в нужном ракурсе перед руководством СССР. И тут без помощи потомков не обойтись – слишком уж много завязано на них, да и технические возможности будущего заслуживают уважения. Этот вопрос не оговаривался, но Павел Анатольевич не сомневался, что Зимин подразумевал и это при фразе об очистке Севастополя от агентуры противника. Но пока эту тему оба развивать не стали, прекрасно понимая, что на данный момент условия обсуждения не совсем подходящие, тем более под ногами мешаются местные, а то, что они не при делах, никто гарантировать не может.

Потратив час своего времени на визит в штаб флота, разговор с начальником контрразведки и согласование вопроса о выделении отделения вооруженных матросов для охраны Зимина и его людей, Судоплатов решил непосредственно посетить места событий.

Сев в личную машину Нефедова, которую тот выделил для московского руководства, он дал команду ехать в Инкерман, чтоб на месте осмотреться, хотя вряд ли он там может найти что-то особенное, но все равно делать что-то нужно. Вечером должна была специальным самолетом прибыть следственная группа центрального аппарата НКВД, наделенная особыми полномочиями, и до их прибытия, по горячим следам, Судоплатов должен был провести подготовительные мероприятия.

После осмотра подбитого бронетранспортера, такого же, на котором они путешествовали по развалинам в будущем, и сгоревшего джипа он, в сопровождении охраны из краснофлотцев, отправился к месту взрыва, где находилась точка выхода портала.

Походив по пепелищу и для приличия осмотрев груды камней, вывороченные из горы сильнейшим взрывом, и фрагментарные, оплавленные остатки двух грузовиков, на которых, видимо, прибыли нападавшие, Судоплатов дал команду возвращаться в город: в четыре часа дня у него был назначен разговор с Берией по защищенному каналу связи.

Прибыв в полчетвертого в горуправление НКВД, где Нефедов его ожидал с докладом по ходу поисков Лебедева, Судоплатов ворвался в кабинет начальника и, коротко махнув рукой, позволяя поднявшимся сотрудникам садиться, без предисловий приступил к совещанию.

– Ну что там с поисками Лебедева?

– Машина найдена в районе Максимовой дачи. На заднем сиденье – следы крови.

– Это все? А свидетели, а бойцы на контрольно-пропускных пунктах при въезде в город?

– Опрошены. Составлены словесные портреты, но дело было ночью, и сопровождающие Лебедева люди показали спецпропуска, поэтому их не стали задерживать и сразу пропустили.

– Что еще делаете для поиска?

– Ведутся масштабные поисковые мероприятия. Привлечены сотрудники горотдела НКВД, военной контрразведки штаба флота и уголовного розыска Севастополя. Первые доклады ожидаем в течение часа.

Судоплатов взял из лежащей на столе пачки папиросу, задумчиво ее размял и, чиркнув спичкой, прикурил, пустив густые клубы дыма.

– Каково количество крови в машине? Можно ли сказать, что человек был убит?

– По мнению врача, привлеченного для экспертизы, количество крови говорит, вероятнее всего, о рассеченной голове в результате удара. Это подтверждают и частицы волос, прилипшие к обивке сиденья вместе с пятнами крови.

– Оглушили ударом по голове?

– Вероятнее всего.

Судоплатов замолчал, обдумывая сложившуюся ситуацию.

– Значит, так. Жесткий контроль всех выездов из города. Особое внимание на контрабандистов и любые попытки покинуть город морским путем. Лебедев не должен попасть в руки противника живым. Кстати, что там насчет немецкой разведгруппы? Почему не доложили, что они имели огневой контакт с нашей группой?

– Высадка группы была зафиксирована, и предприняты все меры для ее поиска и уничтожения. То, что на них наткнулась группа майора Кречетова, было доложено Лебедеву, он приказал это все держать в секрете.

– Что с группой?

– Уничтожена.

– Что-то успели передать?

– Служба радиоперехвата флота сумела восстановить свое оборудование, после того как вышли из строя большинство радиопередатчиков, только недавно. Пока докладывают, что в эфир, после того как наладили работу радиопеленгаторов, никто не выходил.

– Хорошо... Хотя чего тут хорошего. За это время, как говорит один знакомый майор, германцы могли прокукарекать все что угодно. Будем надеяться, что они ничего не успели передать. Вот, кстати, вам и задание...

Нефедов снова подскочил, и его покрытая потом лысина блеснула в свете тусклой лампы, освещающей кабинет.

– Проверьте радиостанцию, захваченную у разгромленной разведгруппы. Рабочая она или нет, и успели они что-то передать...

Собравшиеся в кабинете руководители подразделений горотдела НКВД Севастополя уже давно прониклись моментом, поэтому со всем вниманием слушали московского гостя. В этот момент зазвонил телефон, и Судоплатов кивнул головой Нефедову, чтоб тот поднял трубку. Сказав несколько фраз, начальник горотдела передал трубку:

– Вас, Москва.

Судоплатов взял трубку, кивнул Нефедову и коротко сказал:

– Подождите в коридоре.

Когда дверь закрылась за последним человеком, он уже бодрым голосом проговорил:

– Слушаю.

Ему ответил знакомый баритон, в котором чуть-чуть проскальзывали кавказские нотки, что говорило о некотором волнении собеседника.

– Добрый вечер, Павел Анатольевич.

– Добрый вечер, товарищ народный комиссар.

– Ну что там, как погода на Юге?

– Вполне терпимо.

– Странник?

– Потерял троих людей, один из которых – наш человек, из группы майора Фролова. Большинство ранены, двое тяжело. Сам очень сильно избит, но держится неплохо.

– Кто посмел?

В голосе прорезался металл.

– Майор Ивакян со своими людьми. Во время боя в катакомбах все убиты.

– Как настроение Странника?

– Нормально. Он однозначно дал понять, что понимает ситуацию, но на будущее выдвинул определенные требования...

– Что за требования?

– Вполне приемлемые и разумные. Я дал согласие.

– Хорошо, потом лично все расскажете. Что еще?

– Странника нужно срочно перебросить под Борисполь. Там работающее окно. По его словам, здесь окно выведено из строя.

– Других вариантов нет?

– Нет.

– Хорошо. Действуйте. Нашли этих сук?

– Ищем. Жду следственную группу.

– Лебедева нашли?

– Пока нет. Видимо, его оглушили и где-то спрятали в городе. Местный начальник горотдела развил бурную деятельность.

– Еще бы. За шкуру свою боится. Это все?

– Пока да. Ближе к вечеру будет более полная информация.

Судя по тону голоса, Берия услышал не все, что хотел, поэтому он недовольно буркнул:

– Ладно, держите меня в курсе. – И бросил трубку.

Глава 7

Лаврентий Павлович Берия снова, в который раз, снял пенсне, тщательно протер платком стекла и посмотрел на часы. Он сидел в приемной Сталина уже второй час, ожидая, когда Хозяин его примет, но у того был на приеме Молотов, и приходилось терпеливо ждать, когда же его вызовут. Сомнений в том, что с него спросят по поводу фактического провала «Оракула», и очень жестко спросят, не было, поэтому он решил поспешить доложить, тем самым хоть как-то показать, что контролирует ситуацию. И хотя он сделал все что мог в нынешних непростых условиях игры в высших партийных эшелонах власти, у Берии возникали большие сомнения по поводу своей дальнейшей судьбы. Наконец двери кабинета Сталина открылись, и оттуда чуть ли не выбежал Молотов, нервно сжимая в руке кожаную папку для докладов. Резвой рысцой он, кивнув на прощание неизменному Поскребышеву, выскочил прочь из приемной. И тут же, дождавшись звонка, к Хозяину пригласили Берию. На дрожащих ногах, покрываясь липким холодным потом, всесильный нарком сделал несколько шагов, открыл заветные двери.

Сталин встретил его тяжелым взглядом, сидя за столом и держа в руке свою трубку:

– Лаврентий, что у нас такого нового по «Оракулу», что ты лично прибежал докладывать?

Берия, успокоившись, спокойным голосом, в котором волнение выдавалось только усилившимся кавказским акцентом, начал:

– Они смогли выйти на нашу территорию, – отрапортовал Берия, даже и не пытаясь присесть. – В районе Севастополя. Туда был направлен Лебедев...

– И что там за история со взрывами и стрельбой? – Сталин, не отрывая взгляда, смотрел на несколько стушевавшегося грозного наркома.

«Интересно, это кто успел доложить? Кто такой резвый, неужели Кузнецов, получив информацию по своим каналам, уже успел настучать, паскуда?»

– Незвестным пока образом был спровоцирован конфликт моряков и пехотинцев, задействованных в обороне Севастополя, с прибывшей группой, которой командовал Зимин. Бой длился несколько часов, но тут потомки повели себя вполне достойно – пытались не убивать нападавших, стреляя по ногам. Но тем не менее, при попытке прорыва они потеряли трех человек и были уничтожены все транспортные средства визитеров.

Докладывая о сложившейся ситуации, о которой буквально час назад ему сообщил из Севастополя Судоплатов, Берия внимательно наблюдал за выражением лица Хозяина. Сталин спокойно спросил:

– Что с Зиминим?

– Сильно избит и в настоящий момент находится в госпитале Черноморского флота, но его жизни ничего не угрожает. Но это не все. Подразделение неизвестной принадлежности попыталось атаковать из нашего времени портал.

– Что?!!!!

Такой злости Берия давно не видел у Хозяина. Но вспышка гнева была очень короткой, и Сталин быстро взял себя в руки и уже спокойным, деловым тоном спросил:

– И что потомки?

– Аварийно отключили портал в Севастополь. Обезоружили нападавших и связались через «Усадьбу» со мной напрямую.

Сталин снова раскурил трубку, выпустив клубы дыма, прокручивая в голове ситуацию.

– Лаврентий, несмотря на все это, потомки тебе все еще доверяют? Судя по их реакции, они явно считают, что МЫ в этом не замешаны. – Лицо Сталина стало чуть мягче.

– Да, после моего прибытия на объект у меня был с ними разговор через окно, которое все еще расположено под Борисполем. Они, используя свою систему, передали фотографии, протоколы допросов нападавших, но однозначно требуют возвращения своих людей к ним.

– Ну так отправьте Зимина к ним. – Сталин откинулся на спинку кресла. – У нас мало времени. Надо срочно усилить наши войска в Крыму и срочно выводить войска из-под Борисполя, которые уже исчерпали свой потенциал по отвлечению немецких войск с Южного фронта. И протоколы допросов у тебя с собой?

– Так точно.

С этими словами Берия трясущимися руками протянул Сталину листы белой бумаги, на которой виднелся почти типографский текст и черно-белые фотографии.

– Но у потомков возникла техническая проблема: в результате аварийного выключения установки они временно не могут наладить портал в Севастополь без присутствия Зимина, а он в данный момент лежит в госпитале.

Сталин пробежал глазами текст и посмотрел на Берию:

– Выяснили, кто такой Ивакян и почему Лебедев не пресек такие действия своего подчиненного?

– Лебедев пропал, его не получается найти. Надеюсь, что его арест прояснит многое. Ивакян, как и двое подчиненных, были убиты во время освобождения Зимина, но их возможные связи и причины такого поведения расследуются.

Берия немигающим взглядом смотрел на показательно спокойные глаза Хозяина и мысленно уже считал себя покойником – в деле были замешаны его кадры. Но он пересилил себя и твердым голосом, насколько он мог в такой ситуации, проговорил:

– Я виноват. Я виноват. Я найду и накажу.

Сталин смотрел на своего протеже и видел покрытый испариной лоб, пятна пота под мышками, нервное подергивание брови. Он с трудом сдержал довольную улыбку правителя, который так ловко манипулирует своими подданными. Этот сейчас все сделает, в лепешку расшибется, но найдет и закопает всех. Поэтому вождь спортсменов, пионеров и колхозников кивнул головой, давая понять, что дает Берии такой шанс, продолжил разговор.

– Потери большие? – Сталин достал свою трубку и открыл коробку сигарет.

– У потомков трое убито, почти все ранены, у тех, кто ввязался в перестрелку, шестеро убитых и почти три десятка раненых. Это из-за того, что огонь на поражение потомки практически не вели и в основном пользовались травматическими патронами – что-то типа резиновых пуль, сбивает с ног, но не убивает.

– Что предпринято?

– Для проведения расследования и контакта с Зиминим в Севастополе уже работает Судоплатов со следственной группой. Сейчас местными силами производятся поиск Лебедева и расследование обстоятельств дела. В дальнейшем планируем перебросить самолетом Зимина под Борисполь, чтоб он перебрался к своим и наладил работу установки.

– Лаврентий, ты понимаешь, чем грозит нам конфликт с потомками? По-моему, не понимаешь...

Берия еще больше задрожал. В голосе Хозяина было столько сарказма и угрозы.

– Да, товарищ Сталин. Очень хорошо понимаю. Мы можем лишиться преимущества и потерять то, что уже смогли сохранить благодаря потомкам.

– Благодаря потомков. Если б не их рассказы про твою роль в будущих событиях... – Он не стал продолжать, но Берия понял.

Сталин улыбнулся в усы, но это больше напоминало оскал волка: старого, седого, побитого жизнью, но все еще вожака стаи, который не один год стравливает молодняк и остается главным. Лаврентий все хотел узнать, что такое было в последнем разделе жесткого диска, информацию с которого Сталин изучал только сам. А там были обстоятельства смерти Иосифа Виссарионовича с очень интересными подробностями о том, как тот же Берия не допускал врачей к умирающему, и многое другое. Он не забудет, но пока их трогать не будет – впереди долгие и тяжелые годы войны. Поэтому Сталин спокойно продолжил:

– Да, если верить их истории, мы уже смогли сохранить в действующей армии больше миллиона человек и тысячи танков и самолетов.

Он выдержал паузу и продолжил:

– Что там с работами по переданной потомками информации?

– Согласно выработанным рекомендациям, все доступные орудия Ф-22 изъяты с фронта: около тысячи единиц возвращены на завод для переделки по проекту товарища Грабина. Думаю, что в течение месяца они снова начнут поступать в войска в качестве противотанковых орудий, под зенитный боеприпас.

Сталин усмехнулся:

– Организуйте показ переделанной пушки для меня. И пусть, как и в истории у потомков, это будет орудие, прибывшее с фронта. А то действительно надо увеличить высоту щита на несколько сантиметров. Что с авиацией?

– Удалось замечаниями сотрудников хозяйственно-экономического управления, побывавших как бы с инспекциями в конструкторских бюро, подтолкнуть Лавочкина к идее создания Ла-5. Производство Ту-2 и Ер-2 уже в ближайшее время должно возрасти. К началу нашего зимнего контрнаступления мы сможем преподнести Герингу сюрприз в виде отдельного бомбардировочного авиакорпуса. На всех новых заводах Ил-2 изначально планируются к выпуску в двухместном варианте. За счет свернутого производства Су-2 и МиГ-3 расширено производство истребителей Яковлева и пикирующего бомбардировщика Пе-2. Яковлеву также подсказаны пути совершенствования по направлениям Як-9 и Як-3. В следующем году мы получим новые истребители. К сожалению, сейчас мы не сможем наладить выпуск истребителей Поликарпова И-185 и Яковлева И-30. Но КБ и Микояна, и Поликарпова нацелены на создание истребителей с турбореактивным двигателем, работы по которому планируем завершить к осени следующего года.

– Что с бронетанковой техникой?

– В Ленинграде благодаря кооперации предприятий удалось удержать производство танков типа КВ и даже перейти на производство варианта КВ-1с, налаживается выпуск самоходных орудий Су-152 на их базе. Кроме того, в Ленинграде удалось сохранить производство танков Т-50. Эвакуированные в Нижний Тагил и Омск предприятия в настоящий момент готовятся к выпуску танков типов КВ-1с, Т-34 с новой литой шестигранной башней и самоходных орудий Су-152 и Су-122. Последняя не с тумбовым монтажом орудия, который существовал у потомков, а шаровым. Для этой машины разрабатываются новые 85-мм орудия, но проблемы с двигателями пока не удалось устранить. Похоже, нам, как и в истории потомков, придется ставить на них бензиновые авиационные двигатели. Сормовская судостроительная сумела развернуть производство танков Т-34, причем сразу с новой башней. Первые танки из Сормова уже направлены на фронт. Выпуск Т-34 старой модификации продолжается и в Харькове. Правда, в основном это сборка из оставшихся старых комплектующих. Такие же танки продолжают выпускаться и в Сталинграде. Астров в настоящий момент завершил развертывание выпуска своего Т-60 сразу на четырех заводах. Первые танки этого типа стали поступать в части. Создан опытный образец танка Т-70, причем в варианте, близком к тому, который у потомков носил название Т-70М. На его шасси проектируется самоходка Су-76. – Лаврентий Павлович позволил себе улыбнуться. – С вариантом пушки ЗИС-3.

– Хорошо. – Сталин откинулся на спинку стула, но продолжал смотреть на Берия. – Что со стрелковым вооружением?

– Налажен выпуск автоматов ППШ-41. Но и начато производство, на не профильных заводах, автоматов ППС-41. Опытный образец которого, полученный от потомков, был передан Судаеву, который наладил копирование и выпуск этого автомата. Горюнов получил требование и необходимую информацию от сотрудников хозяйственно-экономического управления для создания своего пулемета. По нашим планам в начале следующего года его пулемет будет

принят на вооружение. Пулеметы ДС сняты с производства, вместо них запущены пулеметы «максим». Производится модернизация пулемета Дегтярева. Начата работа по созданию ручного пулемета с ленточным питанием, подобный пулемету РП-46 по классификации потомков. Мотивированно как требование войск, производство СВТ уменьшено в пользу карабинов образца 1938 года. Но полностью не прекращено. Винтовки производятся как в снайперском, так и обычном вариантах. Передаются в первую очередь на вооружение бригад морской пехоты и особых частей НКВД, костяк которых состоит из пограничников. Как показывает практика, такие части показывают самую высокую стойкость и боевую эффективность.

– Что с противотанковыми средствами? Как их оценка нашими войсками?

– Противотанковое ружье Дегтярева ПТРД запущено в производство и уже применяется на фронте. ПТРС Симонова тоже попало на фронт, но его производство в достаточном количестве пока развернуть не получается. Войска об этом оружии отзываются хорошо.

– А что с полученным оружием потомков?

– Это оружие вызвало восхищение у конструкторов, но все упирается в используемые для автоматов и пистолетов потомков патроны. Не наладив производство необходимых патронов, мы не сможем воспроизвести эти образцы вооружения. Из действующей армии уже вызван старший сержант Калашников. Пусть займется своей будущей работой.

– Что решено с созданием промежуточного патрона? Будем сразу создавать, как у потомков, мелкокалиберный?

– Нет, остановимся на трехлинейном калибре, но не подобном патрону образца 1943 года потомков. Патрон будем делать «карандашного» типа и чуть более мощный. Под него и будем перерабатывать оружие из будущего, включая и создание карабина по типу СКС Симонова у потомков. Ему уже поручено проработать подобное оружие, исходя из создания американцами своих новых винтовок М-1.

– А самозарядная винтовка и пулемет? – усмехнувшись, напомнил Сталин.

– Винтовку мы попробуем скопировать применительно к нашим возможностям, заменив ею СВТ, – ответил Берия. – А вот с пулеметом возникла проблема. Металлические ленты мы используем только в авиации. И наладить их немедленный массовый выпуск для сухопутных войск мы не в состоянии. По крайней мере не ранее чем через год. К этому моменту, я думаю, пулемет мы тоже скопируем. Им тоже займется Калашников.

– Секретность соблюдена?

– Так точно, осмотревшие оружие конструкторы уверены, что это финские разработки. Но есть еще один момент.

– Какой? – Сталин внимательно посмотрел на Берия.

И тот напомнил:

– В Севастополе сейчас находится бронетранспортер того же типа, что и был показан генерал-лейтенанту Романову. Вооруженный крупнокалиберным пулеметом системы Владимирова, по классификации потомков. Я направил вызванного из санатория Романова в Севастополь. Думаю, Зимин разрешит ему подробно осмотреть бронетранспортер. А потом генерал-лейтенант передаст необходимую информацию товарищу Владимирову. Этот пулемет для нас крайне необходим. Но сослаться на то, что это, допустим, американское или финское оружие, у нас не получится. Патрон чисто наш. Сошлемся на конструкцию под немецкий 15-мм патрон, которую в единичном экземпляре якобы захватили при выходе из окружения и применение которой генералу очень понравилось. Он и предложит Владимирову создать такой и якобы по памяти составит эскиз.

– Да, противотанковый пулемет нам сейчас очень необходим. Так и сделайте, – согласился Иосиф Виссарионович, а потом снова напомнил: – Что с автоматическими гранатометами, про которые поступало столько докладов?

– Автоматический противопехотный гранатомет решено создать несколько иным. Под боеприпасы Таубина. И со сдвижным стволом, для казенного заряжания гранаты.

– Почему? – Сталин был весь внимание.

– Боеприпас, используемый потомками, слишком сложен в производстве, – ответил Берия. – К тому же он может быть только осколочный. Мы же по полученной от потомков информации попытаемся разработать универсальное оружие под весь возможный комплекс боеприпасов.

– Это какой еще такой комплекс боеприпасов?

– Осколочные, фугасные, дымовые, зажигательные, сигнальные гранаты, чтобы запускать сигнальные ракеты, картечные для боя в замкнутом пространстве, возможно, доведем и кумулятивные, – ответил нарком, и Сталин согласился:

– Хорошо. А что с самим Таубиным?

– Он освобожден, но судимость с него не снята, его группа собрана снова, им и будет поручено создание такого гранатомета. Как и ручного противопехотного гранатомета с револьверным магазином. Ну и пусть доводит свой автоматический гранатомет с использованием информации от потомков. Сошлемся на информацию, якобы полученную из Италии.

– Что с противотанковым гранатометом?

– Это оружие тоже оценено по достоинству. Первый вариант уже используется на фронте. Но опять дело упирается в боеприпасы к нему. Если преодолеем проблемы для наших выстрелов, то думаю, что быстро скопируем и выстрелы для этого гранатомета. С самим гранатометом проблем не будет. Его можно производить в любой мастерской.

– Те, кто изучал оружие, не заподозрили, откуда оно? – Сталин продолжал буквально буравить Лаврентия Павловича взглядом.

– Нет, вся маркировка с оружия убрана, воронение удалено. Внешне оружие приведено к виду, что это опытные образцы вооружения, разрабатываемого нашими противниками или союзниками и добытые нашей разведкой. По результатам боевого применения войскам нравится этот вид вооружения. Особенно его фугасные и противопехотные выстрелы. Нашла широкое применение залповая стрельба из этих гранатометов по целям. Хотя, конечно, до выстрелов потомков им далеко. Но мы, в отличие от них, не ограничены Женевской конвенцией по весу взрывчатых веществ в ручном оружии. А вот кумулятивные боеприпасы вызывают нарекание. Да и меткость при стрельбе по движущимся объектам, особенно на дистанциях более полусотни метров, пока неудовлетворительная, но тем не менее это в некоторой степени дало возможность увеличить потери вермахта и не оставлять советского бойца безоружным один на один с танками противника.

– Хорошо, держи меня в курсе событий, но поспеши, времени у нас мало. – Сталин указал рукой с зажатой в ней трубкой на кресла для посетителей: – Присаживайся.

Лаврентий Павлович облегченно выдохнул, хотя и всячески скрывал это, поняв, что в данный момент он заслужил прощение от Сталина, и сел в кресло перед столом Хозяина.

– Я тебя хотел видеть совсем по другому делу. – Сталин снова в упор посмотрел на Лаврентия Павловича. – У меня только что был Молотов, на него вышел посол Болгарии. Кто-то из окружения Риббентропа начал прощупывать почву на предмет переговоров о заключении мира и отводе немецких войск за линию государственной границы СССР 1939 года. Что скажешь?

– Я не думаю, что это реально, товарищ Сталин. – Пенсне Берии блеснуло от его резкого движения. – Мира с ними не получится. Гитлер просто этого не допустит, им же остался один рывок – операция «Тайфун». Это мы знаем, чем закончится наступление на Москву и какие осень и зима у нас ожидается, а они себя считают победителями. Даже если это было бы реальное предложение от высшего руководства Германии, что получаем мы, а что они? Они проведут мобилизацию экономики, подготовят второй комплект танков, выпустят необходи-

мое количество гусеничных транспортеров, создадут запасы снарядов и зимнего снаряжения, мобилизуют и подготовят девять миллионов солдат и начнут все по новой. Нет, это провокация, чтоб поссорить нас с союзниками, от которых возможны поставки техники, боеприпасов и стратегического сырья. Или это может быть частная инициатива того же Канариса через своих людей в окружении Риббентропа, который старается набрать себе баллы, но и это тоже не подходящий вариант.

– Ты уверен, Лаврентий? – Сталин снова сделал затяжку и выпустил облако дыма.

– Да, товарищ Сталин. – Берия был непреклонен. – Гитлер не допустит, а чтоб Штауффенберг или кто-то иной понес в «Волчье логово» портфель со взрывчаткой, нужно разгромить немцев в Сталинграде, на Курской дуге, раскатать, как любят говорить потомки, Берлин постоянными бомбардировками, только тогда там начнут сомневаться и думать головой, а не слушать завывания Геббельса.

Сталин встал и медленно прошелся по кабинету. Потом повернулся к Лаврентию Павловичу:

– Вот и Молотов точно так же считает. Правда, упор делает на то, что этот сговор с Гитлером нам никогда не простят. Хорошо, Лаврентий, так и сделаем. Пусть Молотов начнет изображать интерес. Назовем это консультациями, но на мир с ними мы не пойдем, разгромим их под Москвой сначала.

Сталин поднялся и подошел к висевшей на стене карте. Пробежался взглядом по линии фронта, где были отмечены неудачные попытки финнов перерезать дорогу на Мурманск и занять Петрозаводск. Ленинград узкой полоской соединился в районе Шлиссельбурга с Большой землей, где, между Невой и Волховом, был специально создан целый укрепрайон. С дотами из брони недостроенных линкоров и крейсеров, вооруженный снятой с кораблей артиллерией, комплекс оборонительных соединений не позволил немцам выйти к южному берегу Ладоги, прикрыв железнодорожную ветку между станциями Мга и Кириши и не давая противнику прорваться к Тихвину.

Дальше взгляд соскользнул на запад к островам Моонзундского архипелага и полуострову Ханко, обороняющимся усиленным десятым стрелковым корпусом, переброшенным туда вместе с бригадой ПВО при эвакуации Таллина. Именно оттуда несколько ночей подряд поднимались несколько десятков тяжелых бомбардировщиков и безжалостно бомбили Берлин, а сами острова превратились в базу оперирующих в Балтийском море подводных лодок, поддерживаемых авиацией и легкими силами флота. Взгляд Сталина вернулся к Волхову, у обороняющегося Новгорода, который смогли удержать, и, соскользнув вниз, остановился напротив Москвы. Тут было тяжелое положение, но вовремя отведенные войска теперь оборонялись на линии Ржев – Вязьма – Брянск – Орел – Льгов, не позволяя немцам прорваться к Москве и Туле. Хотя прорыв второй немецкой танковой группы к Орлу и ставил под угрозу целостность фронта на этом направлении, но там уже действовала оперативная группа Рокоссовского, созданная на основе танкового корпуса Катюкова. Доклады о выбитых немецких танках радовали, особенно об успехах первой гвардейской танковой бригады. Дальше была Украина, где остановленные на линии Сумы – Полтава – Днепропетровск – Запорожье – Мелитополь немецкие войска завязли в обороне Юго-Западного и Южного фронтов, не пускающих немцев к Донбассу. Войска на юге готовились нанести несколько локальных наступательных ударов, чтобы сковать и оттянуть на себя резервы и не позволить их перебросить к Москве, особенно первую танковую группу.

Юго-Западный фронт готовился нанести сходящиеся удары по семнадцатой армии и первой танковой группе немцев, из районов Полтавы и Днепропетровска в направлении Кременчуга. А Южный фронт готовился нанести удар по третьей румынской армии в направлении на Перекоп с целью отрезать занимающую Крым одиннадцатую армию немцев, ибо уже не было сомнений, что существующими силами Ишуньскую позицию не удержать, но еще оставалась

надежда не оставить Одессу, удерживая под городом четвертую румынскую армию. До этого вечера была надежда.

И если верить потомкам, да и данным разведки тоже, то Турция и Япония, несмотря на все свои приготовления, в войну не вступят. Да и японцы усиленно готовятся к удару по Перл-Харбору. Сталин внимательно посмотрел на юг Сахалина и Курильские острова и произнес:

– Надеюсь, что японцы поняли, что им хотел сказать работник посольства Болгарии, когда доказывал, что мало уничтожить линкоры в базе, как это сделали англичане в Таранто, а надо либо еще разрушить инфраструктуру поверженной базы, либо занять ее, иначе отремонтированные корабли быстро вернуться в строй.

Оторвавшись от карты, Сталин внимательно посмотрел на Берия:

– Лаврентий, мы читаем японские радиogramмы?

– Да, – ответил Берия.

– Тогда за несколько часов до нападения предупреди посла Североамериканских Соединенных Штатов от моего имени, что мы имеем информацию о подготовке к нападению на Перл-Харбор.

А потом Сталин указал рукой на лежащие на столе протоколы допроса:

– Проследи, чтобы никто из тех, кто будет контактировать с немцами, совершенно ничего не знал ни по «Оракулу», ни по «Посейдону». И больше чтобы с потомками таких эксцессов не было. Это заберу, но все материалы расследования ко мне на стол сразу по получению. Или есть еще вопросы?

– Есть, товарищ Сталин, – Берия посмотрел на Сталина. – Мы будем переносить столицу в Куйбышев?

– Нет, правительство и посольства всех стран останутся в Москве, – непреклонно сказал хозяин кабинета.

– Хорошо, товарищ Сталин. Но в этом случае необходимо провести подготовку к параду на Красной площади.

– Да, Лаврентий, ты прав, – согласился Иосиф Виссарионович. – Начнем подготовку. И пусть сошьют штандарты фронтов. Сформируем из возвращающихся из госпиталей бойцов и командиров сводные батальоны, и пусть они пройдут под штандартами своих фронтов и флотов. Перед теми, кто направится на фронт в первый раз.

Сталин на минуту задумался, потом, повернувшись к Берии, произнес:

– Лаврентий, у нас есть трофейные флаги и штандарты?

– Да есть, их все собирают у меня в наркомате.

– Тогда сделаем так, – Сталин двинул ладонью с зажатой в ней трубкой. – Пусть их сначала пронесут по площади в самом начале и покидают перед Мавзолеем, как это было в истории потомков.

Берия улыбнулся, представив, что будет твориться в ставке у Гитлера, когда там узнают об этом. Он, как и Сталин, смотрел на ноутбук у Панкова запись Парада Победы – незабываемое зрелище.

– И еще, Лаврентий, пусть готовят в парке имени Горького выставку трофейного оружия, – Сталин смотрел прямо в глаза Берии. – Откроем ее как раз в день двадцатичетырехлетия Великой Октябрьской революции. И не забудь туда пригласить послов, аккредитованных в Москве.

– Есть, товарищ Сталин, – согласился Лаврентий Павлович. – Сделаем.

– Вопросы?

– Нет, – чуть заметно покачал головой грозный нарком. – Все понятно.

– Тогда ступай. – Сталин сел в кресло и стал раскуривать трубку, погрузившись в свои мысли, не замечая, как Берия, развернувшись, поспешил выйти из кабинета.

Глава 8

Несмотря на пасмурный октябрьский день, в главном управлении имперской безопасности рейха, как всегда, стояла спокойная деловая обстановка. В многочисленных, покрытых коврами дорожками коридорах изредка появлялись сотрудники, спешащие по своим делам, сопровождаемые пронзительными взглядами охраны. Налаженная машина государственного карательного аппарата работала как часы. За время становления эта организация выработала свои неписанные правила, свойственные любой спецслужбе мира, при этом внесла немецкую педантичность, практичность, деловитость, – Рейнхард Гейдрих сумел создать нечто новое, отличное от всего, что существовало до нынешнего момента. Жесткие требования, за невыполнение которых были предусмотрены однозначные и весьма крутые меры, в большой степени избавили систему от случайных людей, болтунов, алкоголиков. Практика формирования избыточной сети информаторов в любой среде населения, в воинских подразделениях, в полиции, даже в собственной организации, позволяла держать руку на пульсе рейха и в зародыше пресекать проявления инакомыслия и нелояльности к своему государству. В такой системе о любом человеке, о его жизни, о пристрастиях можно было получить информацию минимум от трех разных людей из близкого окружения интересующего объекта. Да, система была несовершенна, но в процессе работы накапливался и анализировался опыт, с учетом побед и провалов, недоработок вырабатывались новые правила и инструкции. Захват Европы и необходимость отправлять доверенных и проверенных людей в беспокойные регионы, где активно действовали террористические организации, сильно ослабили центральный аппарат имперской безопасности, но тем не менее запущенная и великолепно смазанная властью, деньгами и безнаказанной кровью машина функционировала, выявляя и уничтожая врагов рейха.

Обергруппенфюрер СС Гейдрих с задумчивым видом выслушивал доклад одного из начальников отделов, который уже продолжительный срок занимался сбором компрометирующей информации по военной разведке, абверу, и ее руководителю, адмиралу Вильгельму Канарису. Короткая, но весьма эффектная встреча в лесу под русским городом Киевом с адмиралом должна была упорядочить весьма непростые отношения, где шеф РСХА однозначно будет играть ведущую роль в событиях, связанных с «могилевским делом» и его фантастическим продолжением, при этом оставаясь в тени. В случае неудачи или серьезных неблагоприятных последствий Гейдрих оставался как бы ни при чем и, обладая полной информацией, мог быстро обрубить ненужные хвосты и выступить в роли спасителя Германии. А вот в случае удач Канарис легко смещался на второй план, и все почести доставались все тому же Гейдриху. Но для этого необходимо было постоянно контролировать Старого Лиса Канариса, который однозначно будет стараться соскочить с крючка и начать самостоятельную игру. Также не исключался вариант утечки стратегической информации про «могилевский феномен» англичанам по каналам абвера. И судя по имеющимся, правда, отрывочным и непроверенным данным, опасность такого развития ситуации существует, и немаленькая. Главное управление имперской безопасности и военная контрразведка в составе абвера активно занимаются выявлением этих каналов, но пока результаты были не сильно обнадеживающими.

Судя по докладу своего подчиненного, Рейнхард Гейдрих мог сделать вывод, что Канарис все равно пытается что-то делать у него за спиной. Анализ отрывочных данных радиоперехвата, прослушивания телефонных линий и некоторых помещений в здании военной разведки, докладов осведомителей позволил узнать об операции «Прометей», которая проводится в условиях строжайшей секретности на территории СССР, оккупированной германскими войсками. Задачи, время проведения, фигуранты, задействованные силы были неизвестны, но вот то, что операцию курировал доверенный человек Канариса, который засветился в событиях под

русским городом Фастовом, где однозначно отметились гипотетические пришельцы из будущего, наводило на размышления.

Гейдрих, будучи материалистом, не сильно верил в эту историю, но накопленные факты никак по-другому не объяснялись, поэтому, пойдя по пути Канариса, некоторое время назад в недрах РСХА была собрана своя аналитическая группа, которая провела всесторонний анализ с рассмотрением всех возможных, даже невероятных объяснений. И к его удивлению, возможность вмешательства путешественников во времени оценивалась больше семидесяти процентов, что было очень серьезным сигналом...

От размышлений шефа главного управления имперской безопасности отвлекло легкое дуновение воздуха и хлопок закрываемой папки. Гейдрих поднял глаза и внимательно посмотрел на докладчика – Франца Шульца, начальника отдела А4, четвертого департамента РСХА, которого он довольно часто, минуя его непосредственного начальника Генриха Мюллера, привлекал для выполнения неких деликатных заданий. Отдел А4, четвертого департамента, более известного как гестапо, помимо всего прочего, занимался наружным наблюдением, ликвидациями и многими другими интересными делами, которые были так необходимы при устранении врагов рейха, хотя Гейдрих частенько пользовался столь мощным оружием для сведения счетов с личными врагами.

– Что еще можете сказать?

– Еще раз повторюсь, что вся операция проводится в условиях строгой секретности. Удалось отследить глубоко спрятанный интерес в рамках этой операции к концентрационному лагерю Замосць в Польше, но кто именно из заключенных заинтересовал Канариса, выяснить не удалось. Мои специалисты провели анализ...

Гейдрих с интересом смотрел на подчиненного и чуть кивнул головой, как бы давая разрешение продолжать доклад. Шульц снова открыл папку и положил перед начальством белый мелованный лист с отпечатанным списком фамилий. Начальник РСХА подтянул список к себе, бегло пробежал глазами, привычно пропустив шапку с символикой имперской безопасности и регистрационными номерами секретного делопроизводства, стал вчитываться в списки. Через две минуты он снова поднял голову на замершего перед ним штурмбаннфюрера СС и коротко спросил:

– Вы, Шульц, считаете, что Канариса интересует кто-то из пленных русских генералов?

– Вполне возможно, что кто-то из них имеет более высокую ценность для русских, нежели мы знаем, и адмиралу Канарису поставили условие – при проведении переговоров в качестве подтверждения своих намерений либо ликвидировать, либо передать кого-то из этого списка русским.

– Вы контролируете ситуацию?

– Абсолютно. В Замосць направлены и внедрены в среду заключенных несколько наших агентов. Учитывая, что это может быть отвлекающей операцией абвера, аналогичные действия были проведены и с другими лагерями, где содержатся русские генералы.

Гейдрих вздохнул и откинулся на спинку кресла, постукивая тонкими пальцами скрипача по крышке стола, выбивая ритм только ему одному известной мелодии. Он прекрасно помнил разговор с испуганным Канарисом и фамилию русского генерала Карбышева.

– Вполне разумно. Это все, что можете сказать?

– На данный момент – да. Работа ведется, и достаточно плотно.

– Хорошо. Но есть пока только косвенная информация из другого источника, что адмирала Канариса интересует русский генерал Карбышев. Обратите на него особое внимание. По данному вопросу вы будете отчитываться только передо мной. Если у вашего начальника возникнут какие-либо вопросы, направляйте сразу ко мне.

– Если Карбышев действительно основной фигурант операции абвера, наши действия?

– Наблюдать и фиксировать. Чем больше люди Канариса наследят, тем потом будет проще их утопить при неблагоприятном развитии ситуации. Ступайте.

Щульц щелкнул каблуками и, скрипя по паркету натертыми до блеска сапогами, вышел из кабинета.

Гейдрих еще несколько минут барабанил пальцами по столу, прокручивая ситуацию с пришельцами из будущего в уме. Складывающаяся картина ему очень не нравилась, но пока было слишком мало информации, чтоб впадать в панику, но и хороших тенденций пока не наблюдалось.

Больше для самоуспокоения он вполголоса произнес:

– Так и сделаем, подождем, чего там накопает Старый Лис.

После чего волевым усилием переключился на другие проблемы, требующие его непосредственного вмешательства.

* * *

В это время адмирал Канарис встречался с одним из своих людей на явочной квартире в пригороде Берлина, про которую еще не знали люди Гейдриха. Шеф абвера был прекрасно осведомлен про плотную опеку со стороны ищеек Щульца и по возможности старался им подыгрывать, создавая таким образом у руководства РСХА видимость своей полной управляемости. Хотя, учитывая опыт и знания о бывшем сослуживце, Гейдрихе, Канарис нисколько не сомневался, что тот ему не поверил: таковы правила закулисной возни в высших эшелонах власти рейха. Адмирал прекрасно отдавал себе отчет, что его оппонент будет по мере своих сил держать все под контролем и на финишной прямой, в зависимости от результата, либо избавится от Канариса и получит все лавры, или свалит всю вину на него, предварительно подчистив лишние хвосты. Политика безжалостна, особенно в военное время. Но и послушной марионеткой он оставаться не собирался, поэтому ситуация развивалась по нескольким направлениям, и одно из них было специально очень ювелирно и мастерски засвечено перед специалистами гестапо, которые уже продолжительное время упорно искали компромат на руководство военной разведки вермахта.

Переправка к русским пленного генерала Карбышева, о которой так настаивали пришельцы, будет, конечно, проведена, и даже при непосредственном контроле Гейдриха, пусть мальчик будет доволен, а вот настоящая игра уже идет, и давно, с того момента, как прошло внедрение майора Густава фон Витерсхайма. Советские спецслужбы все же пошли на контакт и в самом разгаре шли интересные и многообещающие переговоры, но спусковым механизмом для более серьезного диалога было возвращение генерала Карбышева. Аналитики абвера чуть ли не под микроскопом изучили биографию этого человека, но так и не нашли причины, почему он так заинтересовал пришельцев. То, что пришельцы существуют и они те, за кого себя выдают, адмирал получил подтверждение совсем недавно, используя очень простой, но действенный метод. Перед отправкой майора фон Витерсхайма ему были указаны четыре возможных варианта информации, которую он может получить, и для каждого из вариантов был разработан свой канал связи. Аналитики разработали следующие наиболее вероятные версии: пришельцы из будущего существуют и помогают предкам, пытаясь изменить прошлое; пришельцев нет, но русские получают военно-техническую информацию из необычных источников; это все мистификация русских спецслужб с использованием новейших технических разработок; иные причины, природа которых неизвестна на нынешний момент.

Поэтому, прояснив в первом приближении ситуацию, Густав просто раскрыл русским тот канал связи, который соответствовал полученной информации. Телеграмма, отправленная в Стокгольм по указанному адресу, самим фактом своего прихода многое сказала германским разведчикам. Теперь Канарис точно знал, что пришельцы пришли из будущего, явля-

ются профессиональными военными, а в будущем прошла глобальная война, о чем говорила не новая, со следами многочисленных ремонтов, но весьма эффективная боевая техника. Это было выяснено не сразу: со временем тщательно произведенный сбор свидетельских показаний очевидцев применения необычной боевой техники, позволил с немецкой педантичностью выделить множество интересных мелочей, которые до этого не принимались во внимание. Мелкие факты, которые до этого вызывали недоумение, теперь прекрасно укладывались в картину катаклизма в будущем: регулярный, обязательный и подчеркнуто тщательный сбор всех продуктов, горючего и боеприпасов, да и сами пришельцы выглядели весьма колоритно: как правило, это были бледные, изможденные люди в необычной и обязательно не новой военной форме. Исходя из полученной информации уже можно было делать серьезные выводы и рассчитывать будущие ходы в этой смертельной игре.

А каковы ставки в этой игре, Канарис понимал как никто другой, и время от времени его, кадрового офицера, пробивала дрожь от той тайны, к которой он оказался причастен. Имеющиеся в наличии факты были многократно изучены, перепроверены и давали не то чтобы однозначное подтверждение версии о наличии пришельцев из будущего – стопроцентных доказательств никогда не будет, но на нынешний момент имеющихся материалов было вполне достаточно, чтоб идти к фюреру. Но вот как раз тут и возникали вопросы – как руководство рейха отнесется к полученной информации, учитывая психологические портреты Гитлера и главных фигур из его окружения, которые в большинстве были простыми подпевалами «гениального» фюрера. Ведь, исходя из полученных данных, однозначно можно было говорить, что Германия не победила Россию, иначе бы у пришельцев не было столько однотипного и серийного вооружения и боеприпасов с русской маркировкой, произведенных явно не в этом времени. Значит, промышленная база осталась, плюс форма, средства связи, организация подразделений, говорящая о регулярной армии, что никак не соответствует варианту проигрыша Советской России в нынешней войне, которая предполагала обязательное уничтожение страны и захват ее территорий и производственных мощностей.

Ситуация была очень непростая. Если сейчас он без ведома Гейдриха попытается выйти с такой информацией на фюрера, то результат будет самым непредсказуемым. Попытаться договориться с англичанами можно, но чопорные и самоуверенные островитяне в любом случае скептически отнесутся к этой информации и воспримут как очередную провокацию абвера, а время будет упущено. То, что времени практически нет, Канарис прекрасно осознавал: русские уже начали активно использовать информацию из будущего, о чем говорили многочисленные, пока небольшие военные неудачи на Восточном фронте. Да к тому же еще прямое военное вмешательство пришельцев, которые уже умудрились продемонстрировать свое военное превосходство, не добавляло положительных эмоций.

Для него, человека, осознавшего уже начинающийся крах рейха, Сталин, поддерживаемый пришельцами из будущего, становился опаснее во много раз. Безжалостный диктатор, получивший возможность избежать многочисленных и неизбежных ошибок в будущем, представлял угрозу не только для Германии, но и для всего человечества, и Канарис сейчас все это представлял лучше всех в мире. Силой эту проблему решить не представлялось возможным – пришельцы были в состоянии оказать серьезное сопротивление, с каждым разом используя в боевых столкновениях все большее количество хорошо обученных и экипированных солдат и боевой техники. То, как они сбили самонаводящимся реактивным снарядами самолет под Фастовом и легко разгромили танковый батальон всего несколькими боевыми машинами, однозначно давало понять, что пренебрегать такой силой не стоит. Но был еще момент, которому не уделили особого внимания, хотя это как раз и беспокоило Канариса. Вопрос состоял в том, как за ночь исчезла со всей техникой почти трехтысячная группировка, составленная из бывших пленных и впоследствии материализовавшаяся на другом берегу Днепра, под Борисполем. Переброска такого количества войск на большое расстояние за такое время, это, по сути

дела, было еще одним страшным оружием, которое могли использовать пришельцы. Массы танков, пехоты, артиллерия, внезапно появляющиеся в тылах вермахта, по сути дела, в состоянии полностью изменить весь ход войны, даже без использования боевой техники потомков, а то, что она вскоре появится на фронтах, он нисколько не сомневался. Уж слишком много необычных и эффективных новинок стало использоваться в частях Красной Армии, хотя пока в единичных экземплярах, но все это больше напоминало испытание образцов в боевых условиях. Несколько таких образцов попало в руки специалистов абвера, причем удалось захватить солдат и офицеров, которые принимали участие в испытаниях. К удивлению германских разведчиков, к тем же ручным противотанковым гранатометам уже была разработана вполне интересная и грамотная тактика применения, по всем выводам опирающаяся на реальный опыт, которого у русских по определению не было. Значит, все это происки пришельцев, раздающих своим предкам информацию о новых и эффективных средствах противодействия вермахту, выпуск которых СССР смогла наладить на существующей технологической базе. А сколько еще не реализовано?

Канарис глубоко вздохнул, отвлекшись от тяжелых мыслей, чуть дрожащей рукой потер лоб, пытаясь хоть как-то избавиться от накопившейся усталости. В дверь тихо постучали. Не дождавшись ответа, в комнату вошел посетитель, которого как раз и ожидал шеф абвера, встал по стойке смирно, ожидая команды от своего непосредственного начальника. Несмотря на гражданский костюм, в нем чувствовался истинный потомственный офицер, хотя в зависимости от обстоятельств он мог маскироваться под кого угодно.

– Вольно, Дитрих. Присаживайтесь.

Майор Дитрих Мартелл, который уже несколько недель выполнял функции особого порученца Канариса и практически в полной мере был в курсе всей ситуации о пришельцах из будущего, коротко кивнул и подчеркнуто уважительно сел в специально подготовленное кресло напротив своего начальника, терпеливо ожидая начала разговора.

Канарис спокойно и с некоторой гордостью рассматривал своего протеже. Спортивная фигура, спокойный взгляд, крепкие ловкие руки, которые как с легкостью могли сворачивать шею врагам, так и виртуозно играть на скрипке и виолончели. Это был яркий представитель действительно древнего прусского рода, где мужчины, не носившие военный мундир, были неизвестны. Великолепно образованный, знающий несколько языков, в том числе и русский, Дитрих являлся образцом германского офицера старой формации. Все эти нынешние полубразованные костоломы от сохи, которых с таким энтузиазмом набирал к себе Гейдрих, вызывали легкое презрение у военных разведчиков, набираемых исключительно из потомственных военных, что так же сказывалось не лучшим образом на взаимоотношениях абвера и РСХА. Но Дитрих был выше всего этого, уже давно доказав и себе и своему руководству, что он лучший. Реально оно так и было.

– Ну что, Дитрих, рассказывайте, времени у нас немного – на хвосте сидят мальчики Шульца...

Мартелл кивнул головой и быстро и четко начал доклад.

– Операция «Прометей» вышла на финишную прямую. Русский генерал Карбышев с несколькими узниками будет переведен в другой лагерь, по дороге в который нападут польские бандиты...

– Как он сам сможет уйти в нужную сторону и добраться целым и невредимым?

– Все подготовлено. К нему в окружение под видом капитана-танкиста будет внедрен наш человек. Для подстраховки выделены четыре группы силовой поддержки, которые будут сопровождать наших «беглецов»...

– Что с мальчиками Шульца?

– Они внедрились несколько человек, но к сожалению...

Дитрих сделал небольшую театральную паузу.

– Они погибли при нападении польских бандитов – поляки очень сильно лютуют и не жалеют ни русских пленных, не германских солдат.

– Понятно. Операция прикрытия готова?

– Да, причем в нескольких вариантах, с многоуровневым легендированием. Имперская безопасность долго будет разбираться в этих кружевах, дав нам время на проведение основной операции.

– Хорошо, это я и хотел услышать. Что-то новенькое есть про наших гостей?

– Как и ожидалось, под Борисполем они полностью свернули свое присутствие, а вот под Севастополем произошли некоторые события, которые вполне можно классифицировать как их появление.

Канарис, помимо воли, подался вперед, всем своим видом давая понять, что майор сумел удивить своего начальника.

– Говорите...

– Вчера вечером в частях Черноморского флота СССР и подразделениях, принимающих участие в обороне Крыма, на некоторое время была выведена из строя радиосвязь в связи с мощнейшим всплеском радиоизлучения, которое, как говорят мои источники, повредило входные каскады приемников.

– Ну, это еще не такое уж веское доказательство.

– Как раз в том районе была выброшена группа оберлейтенанта Лейке из состава полка «Брандербург». Согласно донесению, они столкнулись с необычным отрядом русских на многоколесной пятнистой боевой машине, с бойцами в камуфлированной форме, в нестандартной амуниции и вооруженных необычным для частей РККА стрелковым оружием. В результате короткого боя группа Лейке потеряла двоих человек и сумела чудом уйти, хотя потом их по ущелью долго гоняли антидиверсионные истребительные отряды НКВД. На данный момент связь с ними пропала, но как раз после этого всплеска в эфире они и сумели передать сообщение, пока у русских была выведена из строя служба радиопеленгации. По всем показателям – пришельцы.

– Что-то еще?

– Пока нет, но вся агентура в Севастополе и его окрестностях ориентирована на срочный сбор информации по нашим фигурантам. Но это будет не так быстро: информаторы, оставшиеся после того, как из Крыма было выселено татарское население, среди которого у нас была мощная и разветвленная разведывательная сеть, не обладают достаточным доступом, поэтому приходится довольствоваться не совсем достоверной информацией.

– Понятно, Дитрих. Можете идти, связь по старой схеме. По результатам операции «Прометей» докладывать незамедлительно. К сожалению...

Канарис поморщился. Ему, адмиралу и начальнику одной из самых сильных спецслужб мира, приходилось терпеть давление со стороны Гейдриха.

– ...от меня требуют подключения к операции специалистов имперской безопасности. Я как могу, торможу этот процесс, но возможности для маневра очень ограничены. Поэтому постарайтесь подготовить «братьям по оружию» поле деятельности.

– Уже сделано. Это было предусмотрено при проработке операции прикрытия: по плану, при выходе «Прометея» на финишный путь, возможно подключение кого-то из наших оппонентов, с целью не сильно, но засветить их участие в переправке русского генерала через линию фронта с соответствующим документированием этого факта. Думаю, в случае непрогнозируемого развития ситуации это может пригодиться...

Буквально на мгновение на лице майора проскочила легкая презрительная усмешка, которая быстро сменилась обычным спокойным и сосредоточенным выражением.

– Что по людям Бормана?

– Крутятся под ногами, работают грубо, непрофессионально засветив свой интерес в этом направлении, но по нашей информации и по данным из гестапо, даже к предварительному осмыслению ситуации они не пришли. Мы им пока не мешаем, пусть создают ненужную суету, тем самым мешая людям Шульца плотно нас вести. По моим данным, у них уже произошло несколько серьезных столкновений.

Канарис чуть усмехнулся.

– И мы, конечно, тут ни при чем?

Мартелл уж слишком преувеличенно пожал плечами, что вызвало легкие смешки у обоих офицеров абвера...

Глава 9

Под вечер меня еще раз посетила Воронова, так же спокойно и деловито расспросила о состоянии здоровья и уже собиралась уходить, когда я попытался завести разговор и разъяснить ситуацию с непонятной мне антипатией со стороны симпатичной женщины. Санька как раз где-то в госпитале ошивался, как он сказал, пошел налаживать отношения с местным контингентом. Хотя, скорее всего, пошел точить лясы с моряками, которых Судоплатов прислал для нашей охраны. Тут он найдет достойных слушателей для своих историй.

– Товарищ военврач, скажите, я вам лично неприятен или это из-за моей ведомственной принадлежности?

Она уже успела сделать шаг к двери, услышав мой вопрос, повернулась, и темная прядь волос, выбившаяся из-под медицинской шапочки, засверкала в свете электрической лампочки. Ее брови чуть поднялись, как бы в немом вопросе, выдавая эмоции, но ровный голос подтвердил ее умение контролировать себя. Она устало и отчужденно ответила вопросом на вопрос:

– С чего вы взяли?

– Да так, наблюдение. Я женатый человек и, к счастью, у меня хорошие отношения с супругой, но тем не менее, когда интересная женщина без видимых причин ко мне относится подчеркнуто враждебно, это не то чтобы не нравится, скорее настораживает.

Она спокойно, подчеркнуто вежливо ответила:

– Вы ошибаетесь. Это не так.

– Хм. Наверно. Вы прекрасно держите себя в руках, но я имел возможность наблюдать вашу обычную манеру поведения с другими ранеными. Поэтому и сделал такие выводы. Себя вы неплохо контролируете, но вот некоторые мелочи вас выдают.

На ее лице впервые появились некоторые признаки эмоций. Но тут скорее прослеживались следы презрения и раздражения, что мне очень не понравилось.

– И что же я вам такого показываю, товарищ майор государственной безопасности?

«О как, ну хоть какие-то эмоции... Даже звание выделила такой интонацией, что все сразу ясно». Когда-то, еще до войны, у меня с Борисычем был свой бизнес, и мы тогда занимались тем, что обслуживали оргтехнику у корпоративных клиентов. У одной из фирм была интересная кадровая политика – поездив по различным тренингам, молодой, энергичный, перспективный генеральный директор холдинга увлекся новыми методиками и поставил все это на поток. Результатом такого подхода было множество зубастых, амбициозных, длинноногих и фигуристых девушек, заполнивших офисы холдинга, что резко осложнило нашу работу постоянными скандалами и недовольством клиента. Спасало то, что я лично знал директора и помогал ему с оргтехникой еще с тех пор, когда он только начинал свой бизнес с маленького кабинета на окраине города. Дошло до того, что одна из них, влюбленная в себя крашенная брюнетка с короткой модной стрижкой, обладающая осиной талией и длинными стройными ногами, умудрилась вывести из себя выдержанного и спокойного Борисыча. Тот, после нескольких высокопарных фраз, произнесенных со скрытым хамством и с апломбом топ-модели, уже открытым текстом послал ее вполне далеко, указав точное направление, не опускаясь при этом до открытого оскорбления, но этого оказалось достаточно – девочка впала в ступор. Тогда я сделал для себя небольшое открытие, которое потом частенько помогало общению с такими вот кадрами, да и вообще в жизни. Очень часто бывает необходимо вывести человека из привычной для него системы координат в некоторое пограничное состояние, после чего с напором и усердием вливать потоки необходимой информации. После этого я стал в пределах допустимого, эпизодически, мастерски издеваться над такими девушками, всем своим поведением показывая, что я солдафон и их внешние данные на меня не действуют, а потом переходил на простой человеческий язык и разговаривал. И о чудо – неприступные красавицы, вокруг

которых должны штабелями лежать поклонники, вдруг становились нормальными девушками, с которыми оказалось интересно общаться. Образно говоря – сломал стереотип, по которому они оценивали меня. Тут абсолютно такая же история – сотрудник органов госбезопасности, к этому, наверно, еще какая-то личная драма, связанная с ведомством, от имени которого я сейчас выступаю. Тут, помимо моей воли, возникло желание что-то сделать, как-то изменить ситуацию, даже не из спортивного интереса – мне, как нормальному мужчине, было неприятно такое отношение со стороны интересной и привлекательной женщины, с учетом того, что я действительно был не виноват в ее проблемах. Поэтому, глубоко вздохнув, бросился в бой: противным голосом хама и отморозка продолжил:

– А то, что вы меня так презираете и ненавидите. За что? За то, что я сотрудник НКВД? Думаете, не заметно, как вы с трудом сдерживаете желание воткнуть мне скальпель в глаз. И что еще от вас ожидать? Гранату в постель или, может быть, противотанковую мину вместо утки мне подсунете?

Ну, видимый эффект от моего наезда оказался меньше чем хотелось бы, но то, что девочку задело, это точно. Она сделала шаг назад и натолкнулась на пустую койку, по инерции, не удержав равновесия, села на нее. Со стороны это выглядело несколько комично. Но тут главное добавить, поэтому продолжил:

– Вы еще расскажите про мою контузию и то, что я несу бред. Кто вам приказал меня убить? Кто вас настроил против сотрудника Главного управления государственной безопасности?

В обществе, где простая констатация обвинения из уст сотрудника органов является серьезной угрозой, да еще это происходит в военное время, такой наезд с моей стороны выглядел достаточно угрожающе, и докторшу пробрало не на шутку. В ее глазах я сейчас выглядел полным отморозком, по ней было видно, что она в уме лихорадочно перебирала различные варианты выхода из сложившейся ситуации. Но в мои планы не входило позволить ей перехватить инициативу разговора. Немного покривившись от боли, я поднялся с кровати и продолжил:

– А ну стоять.

На мой громкий голос резко открылась дверь, и в палату буквально влетел Санька с автоматом на изготовку, при этом очень убедительно лягнув затвором.

«Ну прямо картина маслом. Если Санька сейчас что-нибудь не отчебучит, я в нем разочаруюсь».

– Командир, что случилось?

Но тут он заметил, как я ему подмигнул, кивнул головой и коротко спросил:

– Террористка?

– Есть такая версия, но будем разбираться. Посторожи пока дверь, хочу договорить.

– Без базара, босс.

Девушка была в шоке, поэтому почти не обратила внимания на такое необычное Санькино выражение, абсолютно не характерное для этого места и этого времени. А мне ее стало жалко и стыдно за свое поведение: по большому счету мы здесь всего лишь гости.

Я глубоко вздохнул и сразу изменил тон:

– Как вас зовут?

Она удивленно уставилась на меня, и было видно, что спокойствие и уверенность снова возвращаются к ней. Ну что можно сказать – сильная женщина, чем-то на мою Светку похожа. Наверно, такая же упертая и самоуверенная. Воронова не стала усугублять ситуацию, поэтому решила использовать неконфликтную тактику.

– Мария. Мария Владиславовна.

– Вот что, Маша, извините меня за срыв, сами понимаете, обстановка такая. Но только ответьте мне на вопрос, только честно. Даю слово, что ничего вам за это не будет.

Дождавшись ее молчаливого кивка, продолжил:

– Почему вы так меня ненавидите? Это что-то личное?

Все это время она стояла в метре от меня и смотрела в пол, но тут подняла голову и в первый раз взглянула мне в глаза.

– А за что мне вас любить-то? Что вы такого сделали?

Вопрос поставил меня в тупик. Оправдываться – значит в некоторой степени считать себя виноватым.

– Мы вроде как делаем одно дело, бьем врага, напавшего на нашу родину...

– Вы пока бьете своих, и достаточно успешно. Наверно, за это вам ордена дают.

– Это вы про ночной бой?

– И про это тоже. Насмотрелась я на вашего брата. На смерть отправлять – это вы можете, а вот самым под пули лезть, так у вас сразу дела находятся. Зачем с врагом воевать, проще же своих пострелять и отпрапортовать, что паникеров расстреляли.

Да. Во многом тут девушка права. Было и такое.

– Маша, в общем вы правы. Во многом правы, но не в данном случае.

– Да мне ваши объяснения не нужны. Что, прямо сейчас арестуете?

– А смысл? Вы сказали, что думаете, тем более для этого, наверно, есть веские основания. Только есть маленький нюанс – мы, то есть я и моя группа, в основном работаем за линией фронта и к особым отделам и к следственным органам не имеем никакого отношения.

Тут впервые она посмотрела на меня с интересом, в котором презрение сменилось любопытством.

– А как же убитые красноармейцы?

– А как же убитые мои ребята? Как я понял, вы оказывали помощь пострадавшим в этом ночном бое?

Она кивнула.

– А вас ничего не удивило?

– Что именно?

– Ну, вам попадались раненые с сильными гематомами в районе груди, ну может, со сломанными ребрами, но при этом отсутствовали проникающие раны?

Тут в ее глазах зажегся свет познания, свойственный профессионалам, стремящимся совершенствоваться, и я мог с радостью констатировать, что первичная оборона недоверия пройдена.

– Скорее всего, у таких раненых вы доставали из-под кожи резиновые, неметаллические легкие шарики, зеленого или черного цвета, правильно?

– Да. Именно черные. Я хотела уточнить, что это такое, но мне запретили задавать любые вопросы.

– Это специальные, нелетальные боеприпасы. Они способны остановить, оглушить человека, при этом не убивая его. Вот вам первое доказательство, что мы не такие уж и скоты. Что там произошло в Инкермане, это, ну скажем так, вопрос не вашей компетенции, но тут можно говорить о спланированной провокации, повлекшей за собой гибель и бойцов Красной Армии, и сотрудников специальной группы ГУ НКВД. Мы оборонялись, при этом старались щадить людей. Уже когда не было возможности, просто стреляли по конечностям. Это, надеюсь, вы тоже заметили по характеру ранений?

Она задумчиво сжала кулачки, но быстро проанализировав ситуацию, сделав для себя определенные выводы, высказалась:

– Если честно, я как-то не задумывалась об этом. Но в том, что вы говорите, есть смысл.

– Маша, скажите, вы же здесь недавно, наверно, уже и повоевать пришлось?

Она отвернула голову, видимо, было что-то такое, что вспоминать она не хотела.

– Да, пришлось.

– И где, если не секрет?

– Под Уманью.

– Да. Хреново там вышло. Где служили?

– Шестой стрелковый корпус. Чудом уцелела. Некоторое время сидела в Уманской яме, со всеми, пока не удалось бежать.

– Тогда понятно. Мы в это время под Могилевом в окружении дрались. Тоже хлебнуть пришлось, еле вырвались.

Тут впервые за весь вечер она на меня глянула по-другому, как на своего. Дальше говорить не было смысла, оба прекрасно понимали, о чем идет речь.

– Плечо там прострелили?

Ее вопрос вывел меня из задумчивости.

– Какое плечо? А, это. Да было дело. Нас там эсэсовцы из «Райха» по лесу гоняли, когда мы у них усиленную роту в лесу положили и сожгли несколько танков и бронетранспортеров...

Я уже прекрасно понимал, что наговорил очень много, и если произойдет утечка информации, быстро сопоставят работу группы в Могилеве и наше здесь появление. А дальше будет выявлена логическая цепочка Могилев – Зимин – Кречетов – Фастов – Борисполь – Севастополь. Как всегда, по глупости девочку подставил, и значит, надо принимать какое-то решение. Тащить ее, как остальных в бункер, это будет явно перебором – всех не спасешь, а вот использовать девочку несколько в ином статусе будет вполне приемлемо.

– Маша, вы, надеюсь, понимаете, что косвенно ввязались в очень серьезную игру, которая затрагивает интересы государственной безопасности очень высокого уровня. В свете всего сказанного хотелось бы вас кое о чем попросить.

Девушка чуть сузила глаза и внимательно уставилась в мое побитое лицо.

– Я вас слушаю.

– Скажем так, я бы вас попросил при любом интересе, ко мне и к моей группе, даже о невинных вопросах, вы должны ставить в известность или меня, или кого-то из моего окружения.

Ей это явно не понравилось, но она мудро промолчала.

– Маша, я вам не предлагаю писать доносы на ваших друзей, сослуживцев, пациентов. Мне это не нужно, это компетенция местной контрразведки, и пусть местные варятся в этом соку, а у нас другие задачи. Поэтому для нас очень важно выявить интерес ко мне и к моей группе. Даже если это будет главврач и спросит, какая у меня температура, вы обязаны известить нас. Грозить не буду, не тот случай, но прошу – это очень важно.

Она чуть неуверенно закусила губу, а я невольно залюбовался ее лицом. Сильная и интересная женщина, такая если любит, то до конца жизни, если ненавидит, то ненавидит от всей души. Было видно ее колебание, поэтому пришлось додавливать. Не завербую сейчас – испорчу девочке жизнь.

– Маша, ситуация критическая, нас не просто так в Инкермане стравили с моряками и пехотинцами. Сейчас нужно найти людей, кто ответственен за такую подставу, а то, что они вышли или попытаются выйти на вас – это факт. Это, скорее всего, будет сделано через кого-то из ваших близких знакомых, кому вы не сможете отказать. Тут думайте, так вы сможете спасти жизни, потому что у нас уже сейчас особые полномочия, да и прилетевшее из Москвы высокое начальство подтверждает мои слова.

И, наконец, решил привести самый убойный аргумент:

– Если в этом есть необходимость, в течение трех-четырех дней будет приказ о вашем откомандировании в мое распоряжение за подписью командующего Черноморским флотом. Если хотите, то же самое можно организовать за подписью наркома внутренних дел товарища Берии.

Воронова уже давно поняла, что ей никуда не деться, поэтому раздраженно ответила:

– Да понятно. Это все, что вы от меня хотите?

– А вы думали, я вас буду к интиму склонять? Так мне еще жизнь дорога: у меня супруга в этом отношении очень мстительная – пристрелит обоих. Смысл вами рисковать? А вы девушка молодая...

Тут я немного слукавил, но она это поняла, поэтому улыбнулась, прекрасно понимая всю подоплеку. В ее глазах уж очень необычным я был сотрудником органов. Приняв решение, она решила высказаться.

– Хорошо, я вам помогу. Но ничего подписывать не буду.

– Маша, вся эта бухгалтерия меня не касается. Главное дело – надо срочно выявить врагов.

– Если что-то будет, сразу к вам идти?

– Только если это не будет вызывать подозрений. На людях вы должны все так же демонстративно меня ненавидеть. Если что-то будет срочное, то проще найти Саньку. То есть лейтенанта Артемьева, и с ним переговорить.

Она улыбнулась. Видимо, Артемьев, несмотря на свой статус бойца спецотряда НКВД, сумел покурлесить и раззнакомиться со всеми.

– Да уж ваш подчиненный тут отметился...

Потом, выдержав паузу, она как-то нерешительно спросила:

– Товарищ майор государственной безопасности, можно вопрос?

На ее лице появились странная нерешительность и любопытство, которые так контрастировали с ее недавним презрением и упорством, что я волей-неволей улыбнулся.

– Пожалуйста.

– А это правда, что вы из моряков?

– Кто именно?

– Ну, вы и лейтенант Артемьев.

Я еще шире улыбнулся. Вот Санька балаболка, хотя все сделал правильно. Проверять никто не будет, а подтвердить свое морское прошлое Артемьев смог с блеском.

– В принципе, правда. У каждого в вещах тельник припасен – это святое.

Она выразительно посмотрела мне в глаза, как бы выясняя – правду я сказал или нет. В моем воображении включился и загудел большой, фигуристый и весьма привлекательный детектор лжи, и единственное, что я смог сделать, так это ухмыльнуться и спросить:

– Маша, хотите анекдот на эту тему?

И вот тут, о чудо – она чуть кокетливо улыбнулась. Ну точно, действует моя методика – сломал стереотип, и меня сразу записали в категорию интересных мужчин.

– Ну, если он приличный.

– Однозначно. Командир части вызывает начальника штаба и спрашивает: «Товарищ капитан, вы когда-нибудь с детектором лжи работали?» – «Естественно, товарищ полковник, я на одном из них женат...»

Она улыбнулась, показав, что смысл термина «детектор лжи» она поняла.

После ее ухода в палату снова вошел Санька, плотно закрыл за собой дверь и коротко спросил:

– Ну как, командир, вербанул девочку?

– По ходу – да. Во всяком случае, непонятный интерес она отследит.

– Дело, вот только и у меня новости есть.

– Что-то интересное?

– Ага. Тут какой-то морской летун к сестричкам подкатывал, про нас расспрашивал.

– Так грубо и непрофессионально засветился?

– Скорее всего, им нужна точная информация о нас, чтоб что-то предпринять. Лебедева-то еще не нашли, значит, игра еще продолжается. Так что, командир, ход за нами.

Я задумчиво ковылял по палате, продумывая варианты возможного развития событий.

– Санька, это может быть подстава, чтоб вывести на ложный след.

– Не спорю, но за такой короткий промежуток времени отработать многоходовку, да на неподготовленной территории, очень трудно. Одна попытка захвата базы чего стоит – тупо до безобразия.

– Согласен. Тогда аккуратно, без шума выдергиваешь медсестричку и сюда на допрос. Будем словесный портрет составлять. Жаль, ноута нет, а то бы быстренько фоторобот сделали.

– Командир, а местных привлекать будем?

– Только для оперативного сопровождения. Информацией не разбрасываться. наших извести, чтоб готовы были, и вызови сюда начальника охраны, нужна срочно связь с Судоплатовым и все это по-серьезному перетереть.

Через минуту в палате стоял капитан-лейтенант, которого прикрепили для нашей охраны. Двухдневная щетина, помятый китель и ППД за спиной создавали необычную картину, скорее даже стереотипную. Но я вовремя себя остановил, прекрасно помня, что большинство моряков ушли в морскую пехоту, и первый штурм Севастополя отбивался в основном краснофлотцами. Это уже потом перебросили войска из осажденной Одессы, а сейчас они составляли главную силу обороняющихся. Каплей молча стоял, ожидая распоряжений. Я попытался хоть что-то прочесть в его глазах, но тут был не тот случай – перед нами предстал «мистер невозмутимость».

«Ну и ладно, будем работать с тем, что есть».

– Товарищ капитан-лейтенант...

– Говоров, капитан-лейтенант Говоров, товарищ майор госбезопасности.

– Откуда вас сняли?

– С Северной стороны. Откомандированы в ваше распоряжение.

– Связь с комиссаром третьего ранга Судоплатовым есть?

– Только с дежурным по горуправлению НКВД, а там соединят.

– Хорошо... Скажите, вы местный? Ну, в смысле севастопольский?

– Никак нет. Месяц как из Туапсе перебросили.

– Понятно. Можете идти.

«Плохо. Местный был бы лучше, но с другой стороны, Судоплатов выбрал охрану вполне логично».

Говоров удивленно пожал плечами, но, ничего не сказав, вышел из палаты. Тут же нарисовался Санька и, чуть округлив глаза, коротко доложил:

– Товарищ майор, привел...

– Давай.

Медсестрой оказалась молоденькая, невысокого роста девчушка, с россыпью веснушек на лице. Нам, привыкшим к стандартам красоты и гламура двадцать первого века, она показалась невыразительной, но после минуты разговора очарование чистой молодости и почти детской непосредственности полностью изменили мое мнение. Все время я пытался понять, что в ней есть такого, что выделяет среди многих девушек, женщин, которых мы встречали в прошлом, и как-то на ум пришло слово «настоящие». Не все, конечно, в этом времени и своих стерв хватало. Но стойкая ассоциация из нашего времени вертелась в голове: как с картриджами для принтеров – есть настоящие, фирменные, а есть лицензионные – дешевые и низкосортные. В свое время я насмотрелся на таких, лицензионных, выпущенных в больших количествах дешевых подделок. Не все, конечно, но с каждым годом после развала Союза, после победного шествия демократии и самостоятельности, лицензионного в нашей тогдашней жизни становилось все больше и больше, с непомерными запросами и амбициями.

Девочка присела напротив меня, как раз на том самом месте, где несколько минут назад сидела Воронова. Видно было, что она сильно смущается и боится, отчего нервно сжала кулачки и уставилась взглядом на пол.

– А вот бояться не надо. Как вас зовут?

Она подняла голову, стрельнула глазами и тихо ответила:

– Маша.

– О как, прям как вашу Воронову. Две Маши за один день, это много, но все равно имя красивое.

Она что-то неразборчиво пробормотала, но вела себя уже спокойнее.

– Вот что, Маша, как мне доложил лейтенант Артемьев, тут на наш счет сегодня кое-кто интересовался. Это правда?

– Да.

– Кто был, что спрашивал?

Она немного замешкалась, собираясь с мыслями.

– Маша, да вы не бойтесь. Просто интересно, кто тут у нас такой любопытный.

– Это был морской летчик, старший лейтенант. Высокий такой, чернявый. Все шутил.

– Что спрашивал?

– Про раненых, которых с Инкермана привезли...

– В какой форме это было сказано?

– Ну, что там у него друг был и вроде как его сюда привезли.

– Фамилию называл?

– Ивакян. Точно запомнила, потому что фамилия необычная.

– Что вы ему ответили?

– Что такого нет, и его не привозили.

– Он еще чем-то интересовался?

– Да. Спрашивал про гостей из Москвы и майора НКВД Зимина.

– Маша, ты с фамилией не ошиблась?

– Да нет, товарищ майор государственной безопасности, у меня память хорошая.

– Хорошо, спасибо, Маша. Только вот что, ты пока работай и из госпиталя никуда не уходи. Сейчас должны приехать следователи, и они с тобой более основательно пообщаются. Ты, главное, ничего не бойся и ни в коем случае никому ничего не говори.

Дождавшись, когда девушка вышла из палаты, я кивнул в сторону двери и коротко бросил:

– Санька, распорядись, чтоб девчонку охраняли до приезда Судоплатова.

Пока Санька ходил общаться с Говоровым, я пытался анализировать ситуацию. Как-то все глупо выглядело, нелогично, и это вводило в ступор.

– Ну что скажешь, командир?

– Да глупость какая-то. Все, кто был в теме, знают меня как Кречетова, а тут снова фамилия Зимина выплывает, да еще и в привязке с Ивакяном. Такое впечатление, что люди, которые работают против нас, либо находятся в серьезном временном цейтноте и ограниченно информированы, значит, они не так уж сильно близки к новому управлению, либо этот кто-то полностью в теме и работает очень грамотно и умышленно нас выводит на ложный путь.

– И как будем действовать?

– Пока собираем информацию, организуем вокруг себя круг безопасности, всех допущенных прогоняем через детектор лжи. В наши задачи не входит играть в шпионские игры, это дело НКВД и Судоплатова. Наша задача – это выживание, спасение наших людей.

– Ну, я думал, командир, что мы будем этим заниматься. Нас подставили. Ребята погибли. Такое нельзя прощать.

– А я и не предлагаю...

Я замолчал.

– Блин, Санька, как я сразу не допер. Работаем так...

Через пятнадцать минут главврачу госпиталя позвонили из севастопольского горотдела НКВД, после чего госпитальная машина, в которой разместился Артемьев и трое краснофлотцев, в срочном порядке уехала в город. Еще через час на носилках внесли окровавленное тело в форме сотрудника НКВД, со знаками различия майора. После чего по госпиталю прошел слух, что привезли еще одного раненого майора госбезопасности, по фамилии Ивакян.

Глава 10

Еще одним интересным событием этого долгого вечера был неурочный визит Вороновой: перед сном она появилась в палате, задала пару обязательных для визита лечащего врача вопросов и, дождавшись, когда понятливый Санька выскользнул из палаты, тихим голосом, опасаясь, чтоб ее никто не услышал, рассказала интересную новость. Оказывается, еще утром звонили из штаба морской авиации Черноморского флота и интересовались нашим здоровьем. Это, после нескольких наводящих вопросов, Вороновой рассказал за чашкой чая главврач.

– Маша, у вашего главврача оговаривалась какая-нибудь система связи с любопытными товарищами?

– Да вы что, товарищ майор. Павел Семенович жесткий начальник, но великолепный хирург и честный человек. Он не может быть в этом замешан. Я даю слово, если хотите, за него поручусь...

– Маша, это очень похвально. Но поинтересуйтесь у него, просили ли его кого-то извещать, если будут новости, касающиеся моего подразделения. Это очень важно. И выясните, интересовался у него кто-то состоянием майора Ивакяна, которого недавно привезли из горуправления НКВД.

– Хорошо. Я попробую.

Воронова осторожно, стараясь не хлопать дверью, прямо как в шпионских фильмах, вышла из палаты, а ее место сразу занял Санька, вопросительно поглядывая на меня.

– Что интересного сообщила гражданочка?

– Да почти все то же: морская авиация. В этом же случае самым наглым образом звонили и расспрашивали. Или они такие тупые, или охреневшие до безобразия.

– Надо выяснить, уточнить и надавать по голове.

– Не будем спешить, ты лучше давай организуй связь с Судоплатовым. Но на всякий случай поднимай всех наших, кто в состоянии бить морды и моряков, которые нам в этом помогут.

– Я всегда «за», командир. Ты сам-то как?

– Да пока хреновато, но пинать ногами уродов в состоянии. Кстати, как там наш «раненый майор» поживает?

– Нормально поживает. Ждет гостей. На всякий случай сидит и трескает тушенку из наших запасов, а госпитальную пищу скормливает собаке на улице.

– Охренели? Может, еще лабораторию организуете? Это ж засветка какая.

– Да нет, командир, так все нормально. Моряки прониклись моментом, все сделают по-умному.

– Уверен?

– Свои ребята. Я их прокачал, думаю, проблем не будет.

– Ладно. Готовь транспорт и штурмовую группу. Несемся в срочном порядке на коммунатор флота, откуда был звонок.

Сразу выехать не удалось: госпитальный транспорт был занят, поэтому пришлось ждать, пока из горуправления НКВД приедет машина с четырьмя нашими бойцами, и мы уже всей группой поедем в штаб флота, где был интересующий нас узел связи.

Но, к моему удивлению, вместе с четырьмя неплохо экипированными, по меркам двадцать первого века, боевиками приехал Судоплатов. Но не один, а в компании с шестеркой бойцов, в которых ясно угадывались матерые волкодавы.

Павел Анатольевич молодцевато выскочил из машины и, подойдя, поздоровался:

– Добрый вечер, Сергей Иванович, смотрю, вы тут решили самостоятельно что-то предпринять.

– Да так, скучно сидеть без дела и ждать очередной пакости от наших оппонентов. Да и за погибших ребят должок, а тут след нарисовался.

– Я в курсе. Но думаю, ваше участие в мероприятиях преждевременно. Состояние здоровья оставляет желать лучшего, а завтра у вас будет много дел. Отдохните, Сергей Иванович, а наши проблемы и недоработки мы будем исправлять сами.

Тон, которым это все было сказано, не оставлял иллюзий – в этот раз придется сидеть и ждать результатов. Тут Судоплатов был неумолим, и путаться у него под ногами было нежелательно. Поэтому сделав паузу, создав видимость тяжелых размышлений, немного растягивая слова, ответил:

– Хорошо, Павел Анатольевич. Но на всякий случай возьмите моих ребят. Думаю, в их боевых качествах вы не сомневаетесь.

Судоплатов не стал ломаться, понимая, что за мой отказ от активных действий в данной ситуации должен пойти на какие-то уступки.

– Лишними не будут. А теперь, Сергей Иванович, расскажите, что вы там накопили.

Мы с ним ненадолго уединились, и я ему вкратце рассказал план операции, версии и наше видение возможного развития ситуации. На идею с подставным Ивакьяном он одобрительно хмыкнул и потом, чтоб не терять время, пожал руку и, запрыгнув в ожидающую машину, уехал по нашим делам. Мы с Санькой, который почему-то не захотел ехать в такой компании, немного постояли на улице, наслаждаясь холодным вечерним воздухом, и, гулко стучая по мраморной лестнице подошвами тяжелых армейских ботинок, поднялись в мою палату. Дежурная по этажу сделала вид, что нас не заметила, демонстративно отвернув голову в другую сторону. Не раздеваясь и не пряча оружия, просто упали на кровати, в ожидании развития событий. Но сон не шел, поэтому мы с Санькой лежали и тихо переговаривались. Незаметно разговор перешел к воспоминаниям – нам было что вспомнить. В такую вот спокойную минуту как-то потянуло на задушевную беседу.

– Командир, а помнишь, как под Новороссийском вот так сидели в засаде в навороченном коттедже?

– Ага. Мы тогда колонну турков ждали, а они, уроды, свернули в горы и наткнулись на лагерь беженцев.

– Да. Трое суток просидели, а они в это время гражданских резали.

– Ну, мы-то не виноваты, приказ дали, вот и выполняли. И колонну не мы, а сводный отряд ОМОНа профукал.

– Да все равно часто снятся те события. И лагерь Красного Креста, вырезанный татарами под Симферополем.

– Наверно, из-за того, что помним и понимаем свою вину – нам дали шанс все исправить.

– Думаешь?

– Давно стал задумываться, почему именно мы, почему именно нам дали шанс все переиграть. Вон в России наверняка куча бункеров осталась, насколько знаю, там целые города подземные, с ядерными реакторами, заводами и сохранившейся научной базой, а технология порталов попала к нам в руки, и воспользоваться ей только мы смогли. Я в этом давно вижу какой-то высший смысл.

Санька, до этого лежащий на спине и закинувший ноги в армейских ботинках на спинку кровати, резко подскочил и сел. При этом госпитальная койка жалобно скрипнула от кувырканья на ней тяжелого тела, облаченного в бронежилет и обвешанного оружием. В его голосе от задумчивости и философских ноток не осталось и следа, опять это был все тот же живчик, неугомонный Артемьев.

– А что, командир, может, ты еще нас в мессии запишешь?

– Санька, а в голову? Что за глупости... Знаешь, когда человек начинает задумываться о высоком, то обязательно куда-то в сторону свернет, строить самому себе, великому, памятник. Ты у меня такие приколы видел?

– Не-а. Поэтому я с тобой, командир, до конца. Да куда мы теперь денемся – повязаны и прошлым и будущим и в прямом и в переносном смысле.

– Вот и я про то. Надо делать то, что делаем, и главный критерий – наша совесть. Про офицерскую честь говорить не буду – вытравили у нас ее, хотя нет-нет да заставит какую-нибудь глупость совершить.

– Это типа того, когда ты под Могилевом к немцам вышел?

– Ну, тут скорее совесть. А если честно, то тогда не в себе был: ранение, большая потеря крови, до сих пор помню все как в тумане. Так замучился, что уже на все был готов.

– Главное, сейчас не стыдно.

– Все равно люди и дети погибли.

– Многих спасли.

– Только это и радует. Ладно, Санька, давай не будем об этом, как-то напрягает. Ты мне вот что ответь, у тебя, у баламута, футушок был какой-нибудь? Или, как обычно, ухмыльнулся, поржал и пошел искать, где бы подхарчить утробу свою ненасытную?

С соседней койки раздался смешок. Санька опять принял горизонтальное положение, и рифленая подошва армейских ботинок снова виднелась на спинке кровати.

– Нет, командир. У меня теперь сын, о нем нужно было думать в первую очередь. Вот как его утробу чистыми продуктами набью да Катерину накормлю, так и о себе подумать можно.

– Ну, слава богу, Катерина тебе хоть в такой мере мозги вправила.

Артемьев засопел, но звучало это очень наигранно, поэтому ни в какую обиду с его стороны я не поверил.

– Ну, это еще неизвестно, кто кому что вправил.

Тут и я не удержался, фыркнул.

– Ох, блин, уморил, вправильшик.

Потом, после небольшой паузы, Санька абсолютно не в тему спросил:

– Командир, а ты не думал, что было бы, если б с местными товарищами не мы общались, а какие-нибудь чинуши или генералы, ну из тех, что сейчас в некоторых бункерах еще барствуют?

– Да хреново было. Эти уроды стали бы торговаться, как привыкли. А продавать они умеют все, к чему дотянутся: и людей, и секреты. Главное, чтоб власти не лишиться и максимум прибыли получить. Если честно, то не исключая варианта их плотных контактов с амерами, англами и, может быть, даже немцами – ну кто больше заплатит. С них станется, сущность свою они не переделают, поэтому, может, для местных товарищей и хорошо, что с нами общаются, а не с этими поборниками демократии.

– Ох и любишь ты их, командир.

– А ты? Или тебе напомнить, когда под Феодосией казаки три дня оборонялись от татар, держались из последних сил, с охотничьими ружьями против танков и БТРов, а потом их же и раскатали «Градами» киевские внутряки, которых срочно перебросили «наводить порядок и не допускать эскалации межнационального конфликта». Вот и навели. Своих православных они в землю закопали и бандитам расчистили дорогу. Помнишь, что в Феодосии и Судаче потом творилось? А как те же «Грады» и броню они татарам продали? Одно греет, что партнеры этим иудам нечестные попались: не заплатили, а потом по азиатскому обычаю всех вырезали. После передачи боевой техники боевики позволили солдатам внутренних войск загрузиться в грузовики, недалеко отъехать, дальше в поле их всех и расстреляли из гранатометов. Именно после той истории местные внутряки стали уже сотрудничать с россиянами, не оглядываясь на Киев, и участвовать в совместных операциях.

– Да, было дело. Странно, сколько в той войне грязи повылазило. Вот скажи, командир, откуда в людях столько дерьма скопилось?

– А нам его с детства закачивали. Телевизор, радио, всякие агитаторы. Ведь те же татары, сколько у меня знакомых было, ведь неплохие люди. И бизнес свой у них был, и дети в одних и тех же вузах учились, и сколько смешанных браков было. Меньше им надо было слушать всяких приезжих учителей из Турции, Саудовской Аравии. Тем как раз война была нужна...

Опять разговор затих. Трудно было снова переживать те события, стараясь как-то уйти от тяжелых воспоминаний, вернулись к нашим нынешним проблемам.

Наша ловушка с фальшивым Ивакяном пока не дала результата, поэтому оставалось только расслабляться. Боец, облаченный в бронежилет, изображавший раненого майора госбезопасности, периодически выходил на связь, докладывая о состоянии дел, а мы по привычке сидения в засадах постепенно впали в полудрему.

Такое сидение закончилось через четыре часа: уже под утро приехал Судоплатов с бойцами. Он, оставив охрану на улице, быстренько проскользнул в нашу палату, предварительно постучавшись, чтоб ненароком не нарваться на выстрел, сел на пустую койку и устало потер красные от недосыпа глаза. Я не выдержал и сам задал вопрос:

– Ну что, Павел Анатольевич? Пробежались по цепочке?

– Да. Только это ложный след.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Как так? Ребята достаточно информированы. Тут что-то не так. Реально кто стоял за этими расспросами?

– Зам начальника особого отдела штаба морской авиации и обо всем докладывался напрямую в Усадьбу.

– След?

– Наоборот. Я разговаривал с товарищем Берией... Ну в общем, нужна была санкция на более серьезные действия, но получил отказ и краткие пояснения.

– И что же?

– После всех провалов последнего времени в системе госбезопасности была создана некая независимая сеть информаторов, которая заточена, как вы любите говорить, так сказать, на ваши проблемы.

– В смысле?

– Специальные эмиссары разъезжали по фронтам, армиям и вербовали в среднем руководящем звене особых отделов людей, которые должны в случае появления информации по Зимину, Кречетову или о вообще непонятных явлениях сразу сообщать в Усадьбу. Таким образом, благодаря этой системе в нынешней ситуации успели очень быстро узнать о событиях в Инкермане и принять меры. В данном случае информацию собирали по прямому указанию наркома.

– Павел Анатольевич, а вы уверены? Может, это и есть сеть заговорщиков?

– Да, уверен. Система создана недавно и, благодаря такому способу прохождения информации, позволила выявить несколько товарищей, ну, скажем так, не совсем соответствующих занимаемым постам. А в нашем случае мы проследили, кому и когда докладывал наш фигурант. Это личный порученец товарища Берии, который уже несколько недель в условиях строгой секретности отслеживает любые попытки интереса к вашей персоне.

– Угу. Понятно. Обычная ситуация в спецслужбах. Одна рука не знает, что делает другая... У них, может, что-то есть по нашему делу?

– Есть. Тут американцы засветились в Симферополе, собирали информацию о вас.

– О как, очень интересно, и что?

– Пришлось ликвидировать, инсценировав несчастный случай во время бомбежки.

– Точно американцы? Может, кто-то под них работает?

– Мы тоже так думаем: скорее всего англичане, но выяснить не успели. Они тоже мастерски подчистили хвосты.

– Да. Становится все веселее и веселее. Одно радует – город скоро будет в кольце, и все эти шпионские игры будут на вашей совести. Что дальше, Павел Анатольевич?

– Завтра ночью вылетаете под Борисполь.

– Один или двое?

– Как вы и просили, вы и лейтенант Артемьев.

– Это обнадеживает. Когда вылет?

– Завтра в восемь вечера. Под Николаевым специальная группа, выброшенная вчера вечером, подготовила аэродром подскока. Там дозаправитесь и в районе четырех утра уже будете под Борисполем.

Наше внимание привлекла какая-то возня в коридоре, потом короткий вскрик – и что-то глухо стукнулось и покатилося по полу. Я удивленно уставился на Судоплатова, но и он тоже с интересом прислушивался. Затем раздался сильный взрыв, и дверь, слетев с петель, влетела в нашу палату. Саньку, ближе всего сидевшего к выходу, снесло с кровати, он упал на пол и захрипел. Нас тоже потрянуло, но не настолько сильно, тем не менее мы уже заученно попадали на пол, прикрывая головы, но новых взрывов не последовало. В коридоре несколько раз хлопнул пистолет, потом раздалась автоматная очередь и в ответ уже знакомо затарахтел пистолет Стечкина, которым был вооружен наш боец, выдающий себя за Ивакяна.

Судоплатов с ТТ притаился у двери, а я подскочил к Саньке, пытаюсь понять, что с ним случилось. Следов крови не было, но, видимо, его неслабо приложило дверью. Уже скорее по привычке, нежели осмысленно, я, оттащив его от двери в угол палаты, выдернул из аптечки, которая всегда была в разгрузке, шприц-тюбик с обезболивающим и вколол Артемьеву. Что-то большее сделать не успел – над головой, со стороны двери, снова загрохотал автомат. В ответ несколько раз хлопнул пистолет Судоплатова. Света не было, поэтому нас с Санькой не было видно за перевернутой кроватью. Пока была такая возможность, я его тянул изо всех сил, пытаюсь выползти из сектора обстрела засевшего в коридоре автоматчика. Но тот не унимался, прекрасно понимая, что времени у него не осталось, поэтому он пошел ва-банк: автомат разрился длинной, на весь диск, очередью. Пули щелкали по стенам, рикошетили от металлических спинок кроватей, пробивали матрасы и подушки, жалобно звякнули остатки стекла, оставшиеся в окнах после взрыва.

Разозлившись от безвыходности ситуации, я тоже в ответ несколько раз пальнул в сторону двери из «Глока-17», который постоянно таскал с собой. У противника закончились патроны, он отскочил обратно в коридор и через некоторое время открыл огонь уже из пистолета, все-таки пытаюсь нас достать. Это послужило неплохим сигналом, и мы с Судоплатовым стали остервенело отстреливаться, пока нападавшему не пришла в голову мысль зашвырнуть к нам в комнату что-то взрывающееся. Предвосхищая события, я сам выхватил из разгрузки световую гранату, выдернув кольцо, кинул ее в коридор и закричал:

– Глаза!

В коридоре сильно грохнуло. Но мы не успели броситься вперед, как там несколько раз привычно короткими очередями застучал автомат Калашникова, в ответ несколько раз хлопнул пистолет – и все затихло. В палатах от страха кричали раненые, звали сестер, переполох поднялся знатный, а в коридоре тем временем раздавался топот многочисленных ног подоспевшей охраны. Но никто не решался подойти к нашей палате, чтоб не нарваться на выстрел, поэтому из-за угла кто-то закричал:

– Товарищ майор, свои. Этих завалили.

– Кто это?

– Сержант Подгорецкий.

– А что не в эфире?

– Так вы сами не отвечаете...

Я удивленно посмотрел на болтающуюся на проводе гарнитуру радиостанции, которая слетела, когда падал на пол.

– Хорошо, мы выходим. Срочно найдите военврача Воронову – тут Артемьева приложило.

Но Судоплатов меня опередил и, как гончая, рванулся вперед. Сколько мы с ним общались, тем более в весьма опасных ситуациях, но таким его еще не видел. Он стоял в окружении своих охранников из ОСНАЗа и раздавал приказания, перемежая их отборным матом. Вся ситуация с нападением его вывела из себя настолько, что я просто боялся к нему подходить, но Артемьевым нужно было кому-то заняться.

Я сначала его просто позвал, но он не услышал, поэтому пришлось во всю глотку гаркнуть:

– Павел Анатольевич!

Он неожиданно остановился и повернул ко мне голову, удивленно подняв брови.

– Артемьев ранен, Воронову сюда, только быстро надо.

Один из бойцов держал в руках керосиновую лампу, и в этом мерцающем свете Судоплатов с всклокоченными волосами, синяком на скуле, эмоционально размахивающий рукой с пистолетом выглядел весьма колоритно: они как раз рассматривали застреленного нападавшего, который был одет в госпитальную пижаму и для конспирации обмотан окровавленными бинтами. Боец лежал возле стены на боку, поджав под себя левую руку, а правую с зажатым ТТ вытянул в сторону лестницы, откуда прорывалась наша охрана. Рядом валялся ППД с отсоединенным магазином, и весь коридор был усеян маленькими золотистыми цилиндриками гильз, которые неприятно скрипели, когда на них наступали. После моего крика Судоплатов осекся на полуслове, потом резко повернул голову к одному из своих подчиненных и коротко, сдержанно, в своем обычном духе приказал:

– Доктора сюда, только быстро.

* * *

Я сидел на улице, на скамеечке прямо возле центрального входа госпиталя. Рядом расположились двое бойцов, в данный момент задействованных в охране моего многострадального тела. То, что сейчас творилось, больше напоминало сцену из кинофильма: по вызову из комендатуры города примчался усиленный взвод краснофлотцев, с двумя станковыми пулеметами, которые тут же расположили на въезде в госпиталь и на втором этаже, прикрывая пути вероятного проникновения диверсантов. Судоплатов носился, как ужаленный в одно место, построив всех, кого можно. Как по мне, так со стороны было прекрасно видно, что приехавшее под утро морское начальство тихо посмеивается над госбезопасностью, которая два раза подряд влетала в большие неприятности.

На фоне светлеющего неба я опять сидел, наслаждаясь ночным воздухом. С моря тянуло холодом, но после всего пережитого хотелось немного остудиться, да и в голову лезли интересные и грустные мысли. Моя версия произошедших событий была не очень веселая, во всяком случае, лично для меня. Надо было уточнить у Судоплатова пару моментов и делать окончательные выводы.

К утру Павел Анатольевич сам нарисовался, присел рядом и закурил. Мы так молча сидели несколько минут, каждому было о чем подумать. Я уже многое знал, этого было вполне достаточно, чтоб сложить мозаику и сделать определенные выводы. После ночных событий очень волновался за Артемьева. Но тут все было под контролем: Санька еще легко отделался – осколок оборонительной «эфки» впечатался ему в бронежилет, раскрошив пару магазинов, а

основной удар ему нанесла влетевшая в палату дверь. Сержант, который выдавал себя за израненного Ивакяна, вообще отделался легким испугом и простреленным в нескольких местах вещмешком с консервами.

Уже однозначно стало ясно, что приходили именно за Ивакяном – нападение было сначала на него, я был второй целью. Противник весьма грамотно переоделся в госпитальную одежду и, намотав на себя для конспирации бинты, просочился на наш этаж, вырезав дежурную охрану из трех полусонных моряков. Их было всего трое: один прикрывал коридор, второй рванул в палату с Ивакяном, третий пошел к нам. Приезд Судоплатова с подкреплением не оставлял им шансов, поэтому они попытались выполнить задание и пойти на прорыв.

Как раз в этот момент Паша Нечаев, бывший сержант крымской республиканской роты госавтоинспекции, впоследствии прибившийся к внутренним, считавшийся известным «хозяином» и «нехватчиком», решил перекусить. Именно поэтому над ним всегда подшучивали – его умение и желание устраивать перекус в самых неподходящих местах и в самое неподходящее время уже стало легендой в определенных кругах. Поэтому когда боевик заскочил к нему в палату, Паша как раз снова полез в вещмешок с консервами и держал его перед собой. Заинтересовавшись непонятной возней в коридоре, он успел схватиться за пистолет, когда пуля из ТТ, пробив несколько банок, была остановлена бронежилетом. В ответ Паша, свалившись с кровати, не задумываясь разрядил в нападавшего весь магазин своего «стечкина», который был случайно переведен в режим автоматической стрельбы. Конечно, с одной руки в таком режиме из АПС много не настреляешь, но три девятимиллиметровые пули, произведенные в конце двадцатого века, гарантированно завалили нападавшего. На стрельбу из смотровой комнаты, где он ездил по ушам молоденькой дежурной сестре, выскочил матрос-охранник и, не раздумывая, вступил в бой. Получив ранение, он сумел пристрелить еще одного нападавшего, который контролировал коридор. Оказавшись в окружении, третий, видимо командир группы, используя гранаты, попытался напасть на нас, но был впоследствии застрелен. К сожалению Судоплатова, никого не удалось взять живым, хотя двоих впоследствии опознали как людей, которые, одетые в форму сотрудников НКВД, увезли Лебедева. Круг замкнулся, и снова все концы были оборваны...

Я решил прервать молчание.

– Павел Анатольевич, не знаю, как у вас, а у меня есть соображения.

Он затянулся сигаретой, выпустил дым и повернул голову:

– Я слушаю.

– Что у нас на фронтах?

– Каких именно?

– Меня интересует состояние на севере Крыма и положение группировки, окруженной под Борисполем.

Он, как бы соглашаясь, кивнул головой.

– Что, уже знаете?

– О чем?

– Оборона под Ишунью прорвана, ночью немцы вошли в Симферополь. Под Бахчисараем уже были стычки с моторизованной разведкой гитлеровцев.

– Ну, это мы ожидали. А под Борисполем?

– Плохо. Немцы начали операцию по уничтожению окруженной группировки. А к чему вы спрашиваете?

– А к тому, что мне нужно срочно лететь к первой точке выхода. А еще лучше ко второй, под Фастовом. Там вряд ли будут ждать.

– Есть соображения?

– Да.

– Излагайте.

– Все просто. Враг, или группа врагов, что скорее всего, ставит своей задачей проигрыш Советского Союза на первом этапе войны. Пока не знаю, какие цели они перед собой ставят, но это явно не немецкие агенты. И не англичане. Это свои гниды.

– С чего взяли?

– Свои. Точно. Скорее всего, им нужно устроить проигрыш на начальном этапе или цепь серьезных поражений, чтоб сместить Сталина. Может быть, они как-то с союзниками связаны, но не думаю, что той же Англии или США сейчас выгодны такие катастрофические поражения СССР или вообще поражение в войне. Тогда они остаются один на один против Гитлера, который получит в свое распоряжение всю сырьевую и производственную базу Советского Союза. Нет, тут на кону стоит передел власти в стране.

Судоплатов молчал, анализируя мою информацию, попыхивая сигаретой.

– И как это стыкуется с нынешней ситуацией?

– В нашей истории был критический момент в войне, когда немцы рвались к бакинской нефти. Если б они захватили месторождения, то СССР остался бы без горючего. Вот и подумайте, простой план: захват Крыма, Краснодарский край, Кавказ и нефть. Крым – это ворота на Кавказ. А теперь представим, что эти люди получают информацию о нашем существовании, возможностях и в некоторой степени об истории операций этой войны. То, что мы плотно работаем с вами – это факт, и помешать они уже не в состоянии. Даже если убьют меня, вас, все равно контакт будет продолжаться по одной простой причине – это выгодно обеим сторонам, жизненно выгодно. И что делать в такой ситуации? Правильно, пропустить немцев к нефтяным месторождениям. А как это сделать? Крым и так плохо защищен, но немцам пришлось попытаться, чтобы прорвать оборону. А тут ожидается переброска восьмидесятитысячной группировки, окруженной под Борисполем, которую они уже списали со счетов. Тогда Крым точно будет не так просто сдать немцам. Поэтому я думаю, что основной смысл всей этой возни – протянуть время и позволить гитлеровцам уничтожить окруженную группировку и не позволить ее перебросить в Крым. Вот и все, и как по мне, так у них это почти получилось. Мы три дня потеряли неизвестно на что. А там за это время погибло куча народа.

– Но ведь в вашей истории наступление удалось остановить. И войну выиграть.

– Да, конечно, это факт, причем неоспоримый. Но тем не менее было много интересных моментов, когда принимались явно неправильные, точнее вредительские решения. Если покопаться глубоко, тщательно, то можно нарыть не безрассудство, а преступный замысел, точнее планомерный саботаж. Я думаю, что в нашей истории госбезопасность что-то нарыла, а скорее всего народ нелогично, глупо, в их понимании, дрался до последнего, не обращая внимания на приказы сдавать города и отступать. Но факт остается фактом: иуды, ответственные за поражения, скорее всего, были отстранены впоследствии от власти и управления войсками и уже не могли влиять на ход войны. А в нашей ситуации они, узнав про нас, пошли ва-банк. Смысл в новых танках, самолетах, когда их заправлять нечем.

Судоплатов заскрипел зубами. И тихо, как бы для себя, вслух проговорил:

– И германцам сливают информацию о реальном состоянии войск в «котле» и о том, что поддержки не будет. Может даже, еще карты с расположением частей предоставили.

– Не исключаю. Но сам факт начала масштабного наступления, причем так синхронно и вовремя, настораживает.

– Хорошо, я вас понял. Когда думаете вылетать?

– Чем раньше, тем лучше. Только про изменение точки высадки лучше никому не говорить. Это изменим в самый последний момент, когда самолет после заправки будет вылетать из-под Николаева, где, как я понял, ждет специальная группа обеспечения...

Глава 11

Снаружи бушевал ураган, выворачивая с корнями остатки умершего сада. Ветер поднимал в воздух миллионы серых от пепла снежинок, создавая непроходимую стену для любого попытавшегося выйти на улицу. Из-за большого количества окислов металлов в пепле во время таких бурь резко нарушалась радиосвязь, что часто не позволяло оказывать своевременную помощь попавшим в ураган патрулям. Их находили потом, замерзших, сошедших с ума и перестрелявших друг друга в борьбе за крохи пищи, обглоданными мутировавшими крысами и дикими собаками. В этом буйстве серых тонов иногда мелькали ветки, куски кровли, сорванной с домов в поселке. Они с силой стучались в стены полуразрушенной фермы, где уже третий день в замаскированном бронетранспортере отсиживалась группа майора Дегтярева.

Такие ураганы могли длиться неделями, заставляя людей отсиживаться в убежищах. Но Дегтярев и так действовал в режиме жесткого дефицита времени, поэтому такая задержка в реализации плана просто сводила с ума и его самого, и его бойцов.

Хлопнула дверь БТРа, и вовнутрь ввалился прапорщик Чеботаев, обмотанный с ног до головы тряпками, прикрывающими защитный костюм от ударов летающего в воздухе мусора. В этом был смысл: у соседей одному из бойцов сорванным с крыши дома листом оцинковки снесло голову.

После того как Чеботаев снял противогаз, Дегтярев бесцветным голосом спросил:

– Рома, ну что там?

– Да все то же, командир. Ни хрена не видно.

– Ну хоть весь мусор унесло?

– Да. Теперь в воздухе в основном снег да песок. Но в этом есть свой плюс.

– Какой же?

– Все видеокamеры, внешние датчики системы безопасности поста выведены из строя.

Если набраться наглости, то можно прямо сейчас туда лезть.

– Чуть попозже. Ты леера натянул?

– До самого крайнего дома.

– Хорошо. Сейчас отдыхай, завтра попытаемся проникнуть в бункер...

Этот небольшой бункер они частенько использовали как перевалочную базу при длительных патрульных выездах. Здесь хранился достаточный запас боеприпасов, продуктов, медикаментов, чтобы обеспечивать группы спецназа, рыскающие по округе. Поэтому именно сюда в первую очередь решился сунуться Дегтярев, прежде чем устанавливать контакты со своими сослуживцами в центральном бункере. Еще до войны под видом строительства водоочистного комплекса было заложено это хранилище, в котором имелась своя артезианская скважина, несколько жилых боксов для личного состава и, главное – продуманная система обороны. Для интеграции в единую сеть в этот бункер провели силовую магистраль, линию ЗАС и оптоволоконную линию. Полазив в свое время по внутренней компьютерной сетке, Дегтярев был в состоянии связаться с нужными ему людьми через общую компьютерную сеть, которая в полной мере являлась некоторым ограниченным аналогом Интернета, использующую в архитектуре всю техническую базу и программное обеспечение, распространенное в мире.

На следующее утро отряд, состоящий из четверых человек, используя для передвижения по улице заблаговременно привязанные стальные леера, двинулся к бункеру. На улице еще бушевал ураган, и ветер был настолько сильным, что люди с трудом удерживались на ногах, прицепившись для страховки альпинистскими карабинами к стальным тросам. Им понадобилось несколько часов, чтоб в серой туче снега и пепла, поднятой ветром, в условиях нулевой видимости, добраться до первого рубежа систем охраны бункера. Большинство датчиков не работало, поэтому без особых приключений они сумели подобраться к резервному входу, кото-

рый частенько использовала охрана для незаметного выхода на поверхность, в случае непредвиденных ситуаций. Сам вход был замаскирован под дренажную трубу, перекрытую стальной решеткой, выходящую в овраг. Провозившись несколько минут и заблокировав простенькую сигнализацию на открытие первой решетчатой двери, бойцы проникли в помещение тамбура, в котором находился люк, ведущий в небольшую шлюзовую камеру. Вот защита люка как раз и была выполнена на высшем уровне, и преодолеть ее с наскока не получится, поэтому в этом случае необходим абсолютно другой подход. Тут была индивидуальная система идентификации, и Олег вполне мог воспользоваться своим электронным ключом, но тогда эта информация сразу бы ушла в центральный бункер, и его инкогнито было бы нарушено. Поэтому пришлось идти на военную хитрость.

Дегтярев достоверно знал, что в этой комнате находится скрытая видеокамера, но она включается периодически, при заступлении новой смены на дежурство либо перед выходом группы через этот вход. Поэтому, потратив время, они нашли маленький, диаметром около полутора миллиметров, глазок камеры, который тут же был замазан грязью, создавая видимость полной случайности этого события. Чеботаев достал небольшое устройство из переделанного электрошокера и подсоединил его к считывателю системы контроля управления шлюза. Раздался треск электрического разряда, и светодиод на панели считывателя погас. Вся команда бойцов в спешном порядке покинула помещение, притаившись вне зоны видимости.

Исходя из точного знания инструкций, в скором времени ожидалось появление наряда минимум из трех-четырех бойцов в сопровождении штатного технаря, но, к удивлению Дегтярева, им пришлось ждать более сорока минут – жесткие правила безопасности даже в воинском подразделении на фоне всеобщей апатии, развившейся повальной наркомании, волны самоубийств, уже практически не соблюдались. Потеря дисциплины была первым сигналом начинающейся агонии оставшихся в живых людей, даже здесь, где собирались лучшие кадры Министерства обороны Украины.

Пришли двое. Один из них подошел к решетке, проверив ее целостность, для приличия выглянул наружу, не заметив притаившихся спецназовцев. Второй, видимо техник, начал копать в механизме считывателя электронных ключей. Даже на своей позиции Дегтярев слышал его недовольное бурчание.

Захват прошел быстро и практически без эксцессов. Охранника просто сбили с ног и оглушили, а техника скрутили, и забрали радиостанцию, чтоб он не смог оповестить свое руководство.

Заполучив в руки электронные ключи охранника и техника, Чеботаев уже собирался юркнуть в люк, когда Дегтярев его остановил и приказал подготовить пленного для допроса.

Когда с него содрали противогаз, тот ошалело вращал глазами, рассматривая захвативших его боевиков. Вопросы были короткими, и на любую попытку увильнуть от ответа техник сразу получал чувствительный удар прикладом автомата.

– Кто сейчас командует гарнизоном бункера?

– Капитан Карпов.

– Сколько вас?

– Восемь человек.

– В шлюзовом отсеке есть видеокамера, сейчас она функционирует и контролируется?

– Э-э-э-э... – техник задержался с ответом и сразу согнулся от чувствительного удара по почкам.

Дегтярев спокойно продолжил:

– Повторяю. В шлюзовом отсеке имеется видеокамера, сейчас она функционирует и контролируется?

– Да.

– В случае нештатной ситуации, какой твой порядок действий?

- Известить дежурного.
- У него?
- Запуск первого протокола безопасности. Поднятие уровня боеготовности до уровня «Военная угроза».
- Сейчас какой уровень боевой готовности?
- Тревога третьей степени.
- Почему?
- В Крыму русские группу спецназа уничтожили. Возможно нанесение ракетных ударов по нашим бункерам.
- Н-да. Весело. Ты можешь сюда вызвать капитана Карпова?
- Ну-у-у-у... Ой! – он опять скривился от удара.
- Мне еще раз повторить?
- Нет, не надо. Я могу связаться.
- Связывайся, но смотри, устроишь тут игры с кодовыми фразами, погибнешь первым.

У тебя семья есть?

- Есть, жена и дочка.
 - Ну вот ради них не делай глупостей. Мы своих не уби-ваем.
- Техник скривился.
- Какие вы мне свои?
 - Карпов потом сам тебе объяснит. Давай вызывай его и не шути.
 - Вы знаете Карпова?

Дегтярев выразительно взглянул на Чеботаева, который тут же дал подзатыльник болтливому пленному. Дальше объяснять смысла не было, поэтому ему просто протянули радиостанцию, а в затылок уперся ствол глушителя, накрученный на пистолет Стечкина. Тот трясу-щимися руками отжал тангенту и чуть срывающимся голосом произнес:

- Барс-один, ответьте Барсу-восемь. Барс-один, ответьте Барсу-восемь.

Через минуту таких вызовов ему ответил раздраженный голос, искаженный динамиком радиопередатчика:

- Ну чего тебе, Шмелев? Опять делать не хрена?
- Товарищ капитан, тут вам самому надо бы глянуть.
- Ты что там порнофильмов пересмотрел? Что мне там смотреть?

Пока техник не отжал тангенту для ответа, Дегтярев схватил его за ухо, рукой, одетой в перчатку, чуть потрянул и прошипел:

- Ты будь поубедительнее. Понял?

Он закивал головой и, чуть успокоившись, снова обратился к своему командиру:

– Товарищ капитан, тут точно необходимо ваше присутствие. Если это не так, то сможете расстрелять меня.

- Ладно, убедил, сейчас буду.

Медленно потянулись минуты ожидания. Скрипнул открываемый люк, и в комнату вылез Карпов, облаченный в защитный костюм и противогаз. В полутьме он не разглядел спрятавшихся боевиков, поэтому, когда он почти вылез, его ловко подхватили, обезоружили и скру-тили.

Карпов крутился и сопротивлялся как мог – он был сильным человеком и боевым офи-цером. Его старались не калечить, но, чтобы его усмирить, пришлось сильно попотеть. Через несколько минут такой возни он, связанный по рукам и ногам, поддерживаемый двумя бой-цами, сидел перед Дегтяревым. С него сорвали маску, и Олег стал всматриваться в красное от натуги и злости лицо своего сослуживца, который занимал очень важное место в его плане по эвакуации семей. Но Карпов не унимался.

- Суки, я вас все равно всех сделаю!

Олегу пришлось снять свою маску и отвесить пощечину.

– Леша, уймись. Успокойся.

Переход от злости до крайнего удивления у капитана Карпова прошел на удивление быстро. Дегтярев в уме себя поздравил с выбором партнера – все-таки быстро сориентировался, что говорит о вполне стабильной психике.

– Олег? Олег Дегтярев? Так тебя в Крыму русские грохнули. Что ты тут делаешь?

– Леша, успокойся. Только не говори, что я привел противника для захвата бункера. Это всего лишь остатки моей группы, и все. Больше со мной никого нет.

– Так зачем нужно было все это устраивать? Или...

Олег решил действовать, поэтому произнес давно заготовленную фразу, в которой он методично, словно вбивая гвозди, веско, с некоторым давлением, давал сослуживцу установку.

– Леша. Ты меня знаешь. Я не предатель. Ни тебе, ни твоим бойцам ничего не грозит. Для меня главное, чтоб в центральном бункере раньше времени не узнали о том, что я жив, иначе моя семья и семьи моих ребят окажутся в большой опасности. Если ты дашь слово, что не будешь творить глупостей, я тебе все объясню.

Карпов молча слушал. Олегу даже показалось, что он немного в такт речи стал помахивать головой. Но как только Дегтярев закончил, Карпов спокойно ответил:

– Хорошо, Олег, но это должна быть очень веская причина.

– Скажи, у тебя в группе есть стукачи, кто контре сливает информацию?

– Был один, но погиб случайно, а так все проверенные.

– Тогда сделаем так, я тебя отпускаю, ты на время делаешь так, чтоб с центрального бункера не смогли контролировать видеокамеры на входе бункера, а мы смогли спуститься вниз и нормально поговорить. Леша, поверь, это очень важно, и тут на кону такое, что может полностью изменить нашу жизнь. Во всяком случае, это реальный шанс выжить...

Через час он с Карповым сидел на складе боеприпасов, где гарантированно не было ни камер, ни микрофонов, а те, что были, давно вышли из строя. После сытного, горячего обеда они решили переговорить один на один. Бойцы Дегтярева пока ничего не рассказывали гарнизону бункера, но всем вокруг было понятно, что появившиеся из ниоткуда остатки разгромленной группы спецназа ВМСУ, отправленной в Крым и проникнувшей в бункер таким экзотическим способом, привезли интересные вести. Но на все расспросы они уходили с темы, ссылаясь на своего командира, который без серьезного разговора с Карповым ничего говорить не хотел.

Рассказ Олега был достаточно подробным и объяснял многие непонятные вещи, связанные с этой поездкой. Но тем не менее капитан Карпов выразил сомнения в некоторых вещах, задавая вопросы и стараясь подловить Дегтярева на мелочах, но тут же получал исчерпывающие ответы. Как в свое время Олег договаривался с Оргуловым, тоже всем скармливал версию о крупной и обеспеченной базе в Южном полушарии, намекая на Антарктиду. То, что база была построена немцами во время Второй мировой войны, было вторым уровнем правды, и в качестве доказательства все еще не полностью убежденному Карпову были предоставлены консервированные сосиски с маркировкой вермахта и датой изготовления – май 1941 года. При этом Олег, вскрыв банку, штык-ножом наколол одну сосиску и отправил ее в рот, подтверждая при этом ее хорошую сохранность. Вторую такую банку, копию первой, он передал Карпову, который с удивлением ее стал крутить и рассматривать, ища подвох. На что Дегтярев иронично высказался:

– Ты еще ее на зуб попробуй. Хотя я тоже не верил, а потом распробовал и с удовольствием сейчас подьедаю.

– Да. Удивил, Олег. Если бы кто другой рассказывал, не поверил. А тут свои же подставили. Говоришь, эти русские весь район контролируют?

– Ага. Самое интересное, что командует ими мой кореш, Серега Оргулов. Вместе в Нахимке учились, потом вместе в морской пехоте на Молочке, в полку служили. Я потом в разведуправление перевелся, а он на гражданку. Когда война началась, он к российским морпехам прибил и там до майора дослужился. Вот он там всем и заправляет. И внутриков они не трогали, наоборот, вместе с ними помогали отбивать бункер, захваченный бандитами. А какую они бойню устроили в Симферополе? Из гаубиц разнесли колонну боевиков, и потом их, как тараканов, гоняли по городу. В общем, район они зачистили, собирают спецов, инженеров, всевозможную документацию и готовят для эвакуации. Самое интересное, что приветствуются семейные.

Карпов, видимо убедившись в правдивости Олега, и приняв для себя решение, стал спрашивать о дальнейших перспективах.

– Что в такой ситуации нам светит?

– Очень многое, поверь. Вот только пока здесь в заложниках Танька с сыном, у меня связаны руки. Поэтому к тебе и обратился, знал ведь, что ты на «Заозерный» заступаешь...

– Хорошо, допустим, я тебе поверил и убедил своих ребят. Что будем делать дальше?

– Дальше организовываем транспорт, вывозим наши семьи, грузимся максимально продуктами в дорогу, оружием и боеприпасами и уходим.

Карпов невесело ухмыльнулся.

– Ты думаешь, нам так просто дадут это сделать?

– Если по-умному сделать, то не сразу задергаются.

– Олег, ты хоть представляешь, на что нас толкаешь?

– Леша. Я для себя все решил. Когда ты все до конца узнаешь, будешь Бога благодарить за то, что я пошел именно к тебе.

– Дегтярев, что-то ты не договариваешь.

– Конечно, а ты думаешь, я тебе все тут буду вываливать на этапе планирования операции? Нет, конечно, но позже ты меня поймешь.

– Интригует. Видимо, есть там что-то такое, что пробрало тебя до костей.

– Да. А ты спроси любого из моих бойцов, с кем они? Да в глаза загляни и поймешь. Мы уже перешли грань и выбрали сторону. Тем более страны и народа, которому мы приносили присягу, уже нет. Так что давай работать. Включай роутер и будем связываться с главным бункером.

– А кто тебе там нужен?

– Даня Великий.

– Капитан-лейтенант Великий?

– Он самый.

– Ну, технарь и компьютерщик он неплохой, но тебе же спецура нужна.

– Он в моем плане занимает очень важное место, и перетащить его на нашу сторону будет весьма полезно.

– Тогда что делаем?

– Включаешь роутер, связываешься с ним по электронке, типа срочно выйди на связь. А дальше ждем его реакции. Видеосервер в бункере не включай.

Через полчаса на компьютере дежурного по убежищу пикинул сигнал. Карпов надел наушники с гарнитурой, щелкнул «мышкой», отвечая на вызов. Для оперативной связи использовался скайп, сервер которого стоял в центральном бункере, поэтому на экране монитора перед Карповым предстала помятая после сна физиономия капитан-лейтенанта Великого, одного из лучших спецов центра АСУ штаба Военно-морских сил Украины. Благодаря своим знаниям и навыкам, он в свое время был переведен в разведуправление и при начале боевых действий эвакуирован в убежище за пределами Крыма. Это был худощавый, доброжелательный, отзывчивый человек, вызывающий положительные эмоции у любого собеседника.

В отличие от большинства компьютерщиков, он не кичился своими знаниями и свысока не разговаривал с сослуживцами, поэтому со временем стал абсолютно своим для боевых офицеров, которые, приходя с рейдов, обязательно что-то привозили для него – ноутбук, сервер, скрученную навороченную видеокамеру. Все это Даня восстанавливал и находил практическое применение. Впоследствии у него обнаружился еще один талант – только он мог с особым изобретательством так организовывать систему безопасности объекта, что несколько попыток проникновения в бункера со стороны мародеров закончились полным их уничтожением. Расположенные в самых неожиданных местах заряды взрывались, осыпая нападавших сотнями стальных шариков. Закрепленные под потолком танковые пулеметы Калашникова, снятые с подбитой техники, оборудованные электроспусками, расстреливали посягнувших на безопасность обитателей бункера...

– Карпов, ну что там у вас случилось? И так из-за этого бурана вторые сутки на ногах, восстанавливаю систему...

– Даня, дело есть. У нас тут видеосервер лег, надо твое присутствие...

– Леша, ты в своем уме? Сейчас еще к вам ехать. Давай попробуем дистанционно.

Но Карпов не сдавался. Поэтому зашел с другой стороны.

– Даня, скажи, а нас слушать могут?

– Ну, раньше контра слушала, но сейчас, после гибели их группы на молдавской границе, им и без нас дел хватает. Людей и так мало.

– Даня, тогда убедись, что нас никто не слушает. Пожалуйста, это очень важно.

– Хм. Что-то темните вы, товарищ капитан.

– Темню. Поэтому и тебя в гости хочу вытянуть.

– Да, Леша. Опять шпионские страсти? Ладно, подожди малек, я тут кое-что проверю...

Через веб-камеру на компьютере Великого было видно, как он подошел к серверной стойке, где была куча проводов, связанная в жгуты, аккуратно уложенная в специальные органайзеры, что-то помудрил и выдернул из пачпанели несколько разъемов.

– Ну вот теперь никто нас слушать не сможет. Давай говори, что там у тебя, а то через полчаса контрики и дежурный начнут верещать, что не могут с сервера в онлайне фильмы смотреть.

– Хорошо. Ты слышал, что с нашими в Крыму произошло?

– Конечно. Группу майора Дегтярева россияне уничтожили, хотя, как по мне, там нечисто. Батя что-то знает, кажется, побаивается смежников – в общем прижали его, поэтому и помалкивает.

– А ты что про Дегтярева думаешь?

– Ну и вопросыки у тебя. Ты что, Олега обсудить хотел? Нормальный мужик, свой, жаль, что такие гибнут. Его жена после известий слегла. Ее даже в графике дежурств на две недели вперед нет.

– Хорошо. Значит, слушай и не перебивай – Дегтярев жив и сейчас он у меня в бункере. Сам понимаешь, что история там нечистая, так оно и есть. Практически всю группу под татар подставили, а россияне как раз их и отбили.

Великий сразу подобрался и немного изменился в лице, прекрасно понимая, что сейчас начался очень серьезный разговор.

– И я тут каким боком? А про Дегтярева ты не заливаешь?

У Карпова что-то зашуршало, и в объективе веб-камеры появился Дегтярев, надевший наушники с гарнитурой.

– Даня, привет.

– Привет, Олег. Честно, рад тебя видеть.

– Взаимно, Даня. Ты понимаешь, что сейчас я тебя втягиваю в очень опасную авантюру?

– Да, понимаю.

– Хорошо. Мою группу намеренно подставили. Это не Батя, это кто-то из более высокого руководства. И если я сейчас сунусь в бункер, нас сразу зачистят.

– Понятно. В этом есть смысл. Наверно, поэтому с «Заозерным» связь пропадала, когда вы туда пролазили? Значит, Карпов уже в деле.

– Правильно мыслишь. Я всего говорить не буду. Только при личной встрече. Буду краток. Дежурная группа на базе?

– Да.

– Чья группа?

– Капитана Нестерука.

– Андрюха... Да, самое то. Значит, так. Найди любой повод, чтобы немедленно выехать из бункера в «Заозерный». При этом прихватите с собой мою семью и семью прапорщика Чеботаева. Но надо это сделать так, чтоб их не хватились в ближайшие два-три дня.

– Ты думаешь, я смогу уговорить Нестерука?

– Приведешь его сюда, я сам ему скажу пару ласковых. Он и так мне должен, как партия народу...

– Хорошо.

Прошло еще двадцать минут, которые Карпов и Дегтярев провели как на иголках. Веб-камера компьютера Великого показывала пустую серверную. К всеобщему облегчению, микрофон уловил звуки разговора и препирательства, и через мгновение там нарисовался капитан Нестерук, невысокий худощавый брюнет с черными усами. В данный момент он находился на дежурстве в качестве командира группы быстрого реагирования, поэтому расхаживал в разгрузке и с автоматом на плече. Он возмущенно высказывал Великому свое мнение о программистах, которые отрывают серьезных людей от партии в преферанс.

– Даня, ну вот скажи, что такое может быть в «Заозерном», из-за чего я должен бросать игру и нестись к черту на кулички?

– Андрей, сейчас сам поймешь, только не кричи и не вопи...

– Ну ладно. Там сейчас Карпов дежурит, я ему сам все выскажу.

Он раздраженно уселся за компьютер, надел наушники с гарнитурой и с ходу начал:

– Леха, какого хрена...

Но вместо Карпова на него с экрана монитора смотрело усталое лицо майора Дегтярева.

– Олег?

– Привет, Андрюха. Есть дело...

Глава 12

Колонна из двух БТРов, двух БРДМов, одной БМП-2 и четырех грузовых машин, переделанных для поездок по отравленному миру, одна из которых была бензовозом, несмотря на ураганный ветер, упрямо двигалась в сторону Симферополя, до которого оставалось около двадцати километров. Несколько недель бушевавший ураган, как огромная метла, вычистил степь от мелкого мусора, покрыв поля ровным слоем серого снега. Темное, гнетущее небо и расстилающаяся перед глазами мертвая равнина вызывали чувство тоски у всех, кто рассматривал через иллюминаторы и бойницы предстающий взору пейзаж. Олег Дегтярев примостился возле водителя в КШМ (командно-штабной машине) и сквозь решетки, прикрывающие лобовое стекло, рассматривал идущий впереди БРДМ-2 и выдвинувшийся вперед в качестве передового дозора БТР.

Однообразный пейзаж убаюкивал, к тому же работающая печка наполняла приятным теплом салон, поэтому Олега неудержимо клонило в сон. Он умудрялся держаться из последних сил, держась только на силе воли и лошадиных дозах крепкого кофе. На нем лежала ответственность за всех людей, которых он сагитировал и вывез из бункера разведуправления ВМСУ, относящегося к комплексу убежищ Министерства обороны Украины. Вынеся на себе все трудности и неприятности последних дней, он стал наконец-то понимать, какой груз несет Серега Оргулов. Ведь он также постоянно находится в состоянии стресса, пытаясь успевать уворачиваться от ударов и в нашем времени и в прошлом, при этом обрастая соратниками, накапливая силенки, благодаря которым его уже считают одним из влиятельнейших людей региона и учитывают в своих раскладах различные группировки Украины, Турции и России. По косвенным данным, положением дел в Крыму заинтересовались в Европе и Америке.

Он невесело ухмыльнулся, вспоминая слова Оргулова про то, что мир умер, а остатки людей, стоя на краю пропасти, продолжают бороться за власть. Дегтярев на секунду закрыл глаза, и перед его взором проскочили события последних нескольких дней...

Придумав повод и преодолев некоторое сопротивление начальства, Великому и Нестеру удалось организовать выезд тревожной группы к бункеру «Заозерный». В результате небольшой костюмированной операции Татьяна Дегтярева с сыном и Наталья Чеботаева с дочкой и сыном окружными путями были проведены в ангар и посажены в бронетранспортер тревожной группы. Благодаря Даниле Великому, именно в это время в ангаре отключились видеокамеры, и посадка незапланированных пассажиров оказалась незамеченной для дежурной смены. Что им пришлось перенести, когда бронетранспортер в условиях практически нулевой видимости пробирался по заснеженной пустыне больше пятнадцати километров к бункеру «Заозерный», трудно описать словами. Несколько раз сбивались с пути: навигаторы уже практически не работали, с каждым годом после войны количество навигационных спутников уменьшалось, а большая часть была сбита еще во время начала глобальных боевых действий. Некоторые, парализованные вирусными атаками, замолкали и уходили с расчетных орбит, успев при этом передать другим своим собратьям вредоносные программы.

Дорога, которая в обычных условиях преодолевалась за полчаса, растянулась на целых четыре. Когда заснеженный бронетранспортер оказался в ангаре бункера, где встал рядом со своим братом, на котором туда же приехала группа Карпова, подвергся соответствующей обработке. Его долго и с остервенением промывали сильными струями воды, смывая наплывы грязи, снег и пепел, которые забивались в любые щели на корпусе. Вода стекала по специальным желобам и выводилась на поверхность через систему дренажных труб. Дегтярев и Чеботаев терпеливо стояли в стороне, ожидая окончания обязательных процедур. И вот наконец-то наступили мгновения счастья...

Татьяна повисла на шее уже в мыслях похороненного супруга. Она рыдала, гладила его волосы и терлась лбом об его небритую щеку, что-то тихо проговаривая. Пятилетний сын, обхватив отца за ногу, не хотел его отпускать, дергал за разгрузку, привлекая к себе внимание. Олег в этот момент, как никогда, понял, ради чего стоит жить и ради чего стоит воевать. То, чем он занимался до недавнего времени, казалось нереальным и ненужным: рейды, зачистки, диверсионные акции ради чьих-то клановых интересов, никак не связанных с судьбой его семьи и друзей. Ежедневно подставляясь под пули бандитов и мародеров, майор Дегтярев часто ловил себя на мыслях о безысходности и отсутствии какой-либо надежды на будущее. Во время войны он выполнял свой долг офицера, давшего присягу бойца элитного подразделения военной разведки. Тогда все было ясно и понятно: враги это люди с оружием, убивающие мирных граждан. Сейчас все изменилось, мир изменился, люди, которых знал много лет, менялись на глазах. В таких условиях жизни в экстремальных условиях в людях проявлялись качества, которые даже в боевых условиях не всегда рассмотришь: слабость, подлость, подсознательная тяга к современной химии, желание иметь крепкого хозяина из-за боязни жизни. Теперь он понимал, что так его поразило в команде Сереги Оргулова. Там собрались люди, которые не сломались, которые смотрят вперед с надеждой и готовы за нее драться. Не ради чистой жрачки, воды и воздуха, а ради надежды, ведь именно ее забрали у людей, подменив на красивые бумажки, громкие лозунги, оправдание животного образа жизни и иллюзию собственной значимости в демократическом обществе. Все это сейчас превратилось в пепел в прямом и переносном смысле, и осталась только одна дорога, дорога живых, и Олег сделал свой выбор...

После взаимных приветствий в самом большом помещении бункера было проведено общее собрание, на котором собрали практически всех присутствующих, чтоб потом не было недомолвок. При всех майор Дегтярев опять пересказал всю историю о крымских событиях, об обеспечении отряда Оргулова трофейными продуктами, о подготовке к эвакуации специалистов и членов их семей и о реальных перспективах на будущее. В качестве подтверждения его слов были предоставлены все те же вездесущие банки с консервированными сосисками, произведенные в мае 1941 года. Чеботаев и бойцы, вернувшиеся с Олегом, дополняли всю эту историю новыми подробностями, убеждая всех собравшихся в правдивости рассказа. В качестве дополнительного аргумента Даниле Великому, большому любителю военной истории, подарили немецкий трофейный пистолет «Маузер К-96», которых у Оргулова после нескольких стычек в 41-м году завалилось штук пять на складе, Нестеруку отдали обычный МП-40, а Карпову «парабеллум». Такая маленькая демонстрация оказалась вполне действенной, поэтому уже никто не ставил под сомнение рассказ Дегтярева, и сразу перешли к нормальному планированию операции.

Одним из важнейших аспектов подготовки эвакуации был подбор транспортных средств, продуктов, заготовка нужного количества горючего, запасных частей. Пока это все согласовывалось и Данила копался в базе данных кладовщиков, Дегтярев готовил списки возможных кандидатов для присоединения к операции. Важным критерием было наличие семьи и отсутствие ярко выраженных националистических взглядов. Украинских националистов, «бандерлогов», в подразделениях почти не осталось, как правило, они просто не уживались, а с началом войны кто перевелся на Западную Украину из Крыма, кто погиб, кто попался на мародерстве и сбежал, переродившись в отморозков.

Когда выпала минутка свободно поговорить, Олег увлек Данилу Великого на склад боеприпасов, прихватив с собой маленький ноутбук. Заинтригованный компьютерщик с интересом проконтролировал, чтоб никто не мог слушать разговор, красуясь подаренным маузером в деревянной кобуре, пошел с Олегом, в надежде услышать нечто интересное.

Майор Дегтярев запустил систему и, дождавшись, когда Данила усядется на ящик из-под патронов, начал издали:

– Даня, в общем, дело в том, что мы с ребятами не все рассказали.

– Ну, это всем понятно. То, что там не все так просто, ясно всем. У тебя есть авторитет и репутация, поэтому никто глубоко копать не будет, слишком всем уже надоело это выживание, а тут реальный шанс. Олег, я сказал же – мы с тобой, или там еще что-то?

Дегтярев усмехнулся, потянулся, как довольный котяра, и с видом фокусника щелкнул клавишей, запуская на ноутбуке видеофайл.

Капитан-лейтенант с интересом смотрел на экран, но по прошествии минуты буквально впился глазами в разворачивающуюся картину. А там было на что посмотреть: в поле горели немецкие танки времен Второй мировой войны, некоторые маневрировали и вели огонь. Но к удивлению Данилы, в кадре появились три современных танка и с ходу открыли стрельбу из пушек, уничтожая металлические коробки с крестами, выглядевшие не очень впечатляюще по сравнению с Т-64. Все это было нереально, но еще нереальнее оказались бойцы спецназа, облаченные в современную экипировку и вооруженные стрелковым оружием начала двадцать первого века, бегущие по полуразрушенному окопу и с ходу вступающие в бой. Они остервенело расстреливали идущую в атаку немецкую пехоту. Наравне с бойцом в шлеме-сфере, бронезилете, стреляющего из ПКМа, тут же в окопе расположился расчет станкового пулемета «максим», в форме РККА начала войны, длинными очередями ведущий огонь по фашистам. На переднем плане боец в камуфляже приподнялся в окопе и из РПГ-7 всадил кумулятивную гранату в борт прорвавшегося немецкого танка Т-III, который сразу вспыхнул как свечка, раскидывая вокруг пылающие брызги. Потом была контратака и рукопашная. Олег, много раз смотревший этот фильм, тем не менее все равно поддался общему настрою и остервенению, с которым облаченные в броню бойцы вломились в ряды немецкой пехоты. Потом были кадры, где на аэродроме Олег с Оргуловым провожали Борисыча в Москву. Камуфлированный БТР-80 на фоне военно-транспортного с красными звездами самолета сороковых годов прошлого века смотрелся очень контрастно. А еще картину дополняли расположившиеся вперемешку солдаты и командиры РККА и бойцы спецназа.

Когда фильм закончился, Данила молчал несколько секунд, потом повернул голову и, смотря в глаза Олегу, как бы констатируя факт, проговорил:

– Это не похоже на видеомонтаж, слишком все реально.

Потом он взял в руку подаренный маузер, уже как бы по-новому осмотрел его, все еще не веря, и наконец-то задал вопрос:

– Олег, это что? Где это все снималось?

– Данила, это снималось по моему биологическому времени не более трех недель назад.

– Олег, давай не томи, неужели машина времени?

– Да, Даня. Никакой Антарктиды нет. Есть проход в сорок первый год. Майор Оргулов и его команда уже давно шастают туда и дерутся с немцами. Установлен контакт с правительством СССР и идет полномасштабное сотрудничество: в обмен на технологии, информацию они получают продукты и горючее. Ну, при этом немного мародерничают – дадут по голове немцам и выгребают все что можно. Когда ребят прижали в Симферополе, с той стороны прислали несколько взводов ОСНАЗа, которые очень даже помогли. Это так, в общем, чтоб ты был в курсе, на чью сторону мы реально переходим.

– Олег, мы свой выбор сделали. А то, что наши семьи получают не просто более комфортабельное убежище, а целый мир, чистый и без ядерной зимы, так это еще лучше.

– Ну тогда, Данила, нужно сделать следующее...

Подготовка к отъезду шла полным ходом: группа Нестерука с Великим вернулась обратно на базу. Данила, используя все свои таланты и тайные лазейки к базам данных, подделывал документы, накладные, приказы, согласно которым были отгружены десятки ящиков с боеприпасами, оружием, спецсредствами. Активно, без ведома руководства, готовились к поездке КШМ, два грузовика с кунгами и бензовоз. С консервации сняли БМП-2, два БРДМ-2. Шла скрытая работа по агитации среди технического персонала, офицеров, прапорщиков. Скру-

пулезно изучались личные дела контрразведки, к которым Великий с определенным риском получил доступ. В течение недели люди работали не покладая рук, пытаясь соблюдать меры конспирации и не привлечь внимание контрразведки.

По возможности Олег общался с Великим и Нестеруком, дистанционно координируя действия своих соратников, много работал, всматриваясь до рези в глазах в электронные версии личных дел. Слишком многое было поставлено на карту, и провалиться на том, что ошиблись с выбором человека, не хотелось.

Ураган все не заканчивался, поэтому передвижение между бункерами было практически невозможно. Но тем не менее на удаленном бункере «Малиновка» произошло ЧП, и Батя, полковник Лукичев, начальник разведуправления ВМСУ, вместе с группой спецназа укатил туда разбираться. Это было на руку заговорщикам, тем более Олег сам предполагал устроить такой отвлекающий маневр перед уходом каравана, а тут буквально само провидение помогает им.

Он устало потер глаза и решил сделать шаг, о котором он размышлял довольно давно, продумывая план операции. Поступок безрассудный и не красящий его как профессионала-разведчика, но тут была проблема совести. Это было из-за Бати, полковника Лукичева. Он с ним начинал, под его руководством колесил по Украине, уходил в рейды и возвращался живым с заданий. Батя никогда не бросал своих, что было весьма редким качеством для украинской армии, где политика негативного кадрового отбора старшего командного состава сильно сказывалась на качестве вооруженных сил. В данной ситуации операция эвакуации, проведенная без ведома полковника Лукичева, выглядела как прямое оскорбление и реально подставляла Батю под большие неприятности, а этого Олег никак не хотел: слишком уж много для него сделал командир. За то, что Татьяну с сыном вывез практически в самый последний момент перед ядерной бомбардировкой Севастополя, Дегтярев будет благодарен ему до конца жизни. Поэтому Олег сел и на листке бумаги написал письмо, которое Батя должен был найти у себя в вещах после того, как колонна беглецов уйдет за пределы досягаемости возможных преследователей.

Написать сразу не получилось. Слишком многое нужно было сказать, но так, чтоб в случае чего не подставить Лукичева, если письмо попадет в чужие руки. Поэтому задумываясь над каждой фразой, он потратил более сорока минут, выводя на мелованный лист ровные строки шариковой ручкой. Спрятав письмо в нагрудный карман камуфляжа, он потянулся, зевнул и усталой походкой двинулся к себе в бокс.

Выезд был назначен на послезавтра, и Дегтярев, устав от работы, решил вздремнуть. В небольшом боксе, отведенном ему и его семье, он примостился возле жены, которая, обняв ребенка, спала на импровизированном лежаке, сколоченном из ящиков от боеприпасов. Таня, почувствовав присутствие мужа, чуть повернулась, давая возможность ему поудобнее лечь, и снова засопела, ощущая двух дорогих людей рядом. Олег, перед тем как отошел в мир Морфея, подумал, откуда женщины, даже в спящем состоянии, умудряются быть такими семейными существами.

Его пробуждение было мгновенным и не самым приятным. Дегтярева просто сдернули с кровати и начали крутить руки. Он попытался сопротивляться, но против него действовали не менее опытные профессионалы. Через минуту он уже сидел на стуле со скрученными пластиковыми стяжками руками и ногами, с надетым на голову черным тканевым пакетом. Проснувшуюся Татьяну, которая сильно испугалась, вместе с плачущим сыном вывели из комнаты.

Олег сидел на стуле и старался держать ситуацию на контроле, вслушиваясь в обстановку в комнате, приносясь, прекрасно понимая, что иногда даже запахи могут дать много информации. Но тем не менее паника и отчаяние стали овладевать майором.

Пакет с него сорвали рывком. Олег на время зажмурился от яркого света, но чуть позже глаза адаптировались, и он с удивлением уставился на сидящего перед ним человека.

Пожилой мужчина с сединой в редких волосах, одетый в привычный камуфляж и разгрузку, с коротким автоматом «Кедр» на коленях, молча смотрел на Дегтярева грустным взглядом. За спиной у Олега стоял охранник, держа одну руку у него на плече. Краем глаза он рассмотрел обычно экипированного боевика, но на попытку рассмотреть более подробно его достаточно грубо привели в чувство и заставили смотреть только на посетителя. Рассмотрев, кто перед ним сидит, Олег коротко сказал:

– Батя.

– Здравствуй, Олег.

– Здравствуйте, Владимир Леонидович.

– Олег, Олег. Что ты натворил. Зачем ты так? Скажи, когда я вас подставлял? Когда я вас кидал?

– Товарищ полковник, для этого были причины...

– Причины предать своих?

– Это не предательство...

Полковник Лукичев устало потер лоб. Ему явно был неприятен этот разговор.

– Говоришь, не предательство? А то, что ты переманиваешь кучу народа, готовишь к отъезду технику, со склада сгребаешь оружие и боеприпасы, которые, вероятнее всего, будут скоро стрелять в нас. Олег, я от тебя этого не ожидал. Когда ты успел скурвиться, сынок?

– Нет, Батя. Все не так. И кидать я тебя не собирался. Тут слишком все серьезно.

Лукичев устало вздохнул:

– Ну давай рассказывай.

– Батя, у меня в нагрудном кармане камуфляжа есть письмо вам. Прочитайте сначала его, потом можем поговорить. Это письмо вы должны были найти после нашего ухода.

– Даже так? Не забыл о старике? Ну хорошо, давай прочитаем.

Охранник по молчаливому кивку вытащил из нагрудного кармана Дегтярева лист сложенной бумаги и передал его Лукичеву. Тот развернул его, попытался прочитать, но чертыхнувшись, вытащил из кармана разгрузки пенал, из которого достал очки. Олег помнил, что Батя последнее время стал сдавать, поэтому очень стеснялся очков, как некоторого признака наступающей старости.

Лукичев долго и внимательно читал письмо, перечитывал, вчитываясь в каждую строчку, прекрасно понимая, что перед ним некоторое подобие исповеди Дегтярева, в предательство которого, несмотря на явные доказательства, он не верил, уж слишком темная история произошла в Крыму.

После прочтения письма он глубоко вздохнул, на минуту задумался, видимо, решая судьбу своего подчиненного, затем коротко приказал бойцу, охраняющему Дегтярева:

– Зажигалку...

Получив то, что хотел, Лукичев поджег письмо, держа его в руках. Он, Дегтярев, охранник внимательно смотрели, как языки огня быстро пожирают бумагу. Когда пламя приблизилось к руке, полковник положил горящий клочок письма на стол. В комнате остро запахло паленым, и где-то вдалеке запищала пожарная сигнализация, но никто в комнате на это не среагировал. После того как огонь угас, Лукичев осторожно, кончиками пальцев взял со стола скрученные черные остатки письма, подержал перед глазами и, бросив на пол, растер подошвой тяжелого армейского ботинка.

– Олег, тут в письме говорилось про какой-то подарок? – уже другим, дружелюбным голосом продолжил разговор полковник Лукичев.

– Там, в верхнем ящике стола сверток...

Прошло несколько секунд, и начальник разведуправления крутил в руках кожаную кобуру из которой извлек пистолет «Вальтер Р-38» с дарственной табличкой и выполненной на немецком языке надписью. В свое время Олег на складе у Оргулова нашел этот пистолет,

который был снят с убитого Пауля Хауссера, командира моторизованной дивизии СС «Райх», уничтоженного во время боя под Могилевом.

– Да. Вещь, хороший подарок. Интересно, кому принадлежал этот пистолет?

– Эсэсовскому генералу.

– Хм. Знаковый подарок. Хорошо, Олег. Давай поговорим по-нормальному. Надеюсь, ты не будешь делать ничего такого, что может повлечь неприятности?

– Конечно, Владимир Леонидович.

– Развяжите его и оставьте нас.

Все так же молча боевик разрезал стяжки на руках и ногах Дегтярева, что-то пробурчал и вышел из бокса, прикрыв за собой дверь.

– Ну, вот теперь можно поговорить более спокойно. Если честно сказать, Олег, я в тебе не разочаровался. Но я тебя ждал чуть позже.

Олег, потирающий затекшие от стяжек руки, с сарказмом ответил:

– Почему? Ведь нас послали на смерть.

– Ты не прав. Мы вместе служим не первый год, и ты должен знать мои принципы.

– Знаю, поэтому никаких претензий. Нас сдали и подставили под пули другие.

– Да, так оно и есть. Но я рад, что твой дружок Оргулов тебя спас.

– Вы все знали заранее?

– Тебя это удивляет?

– Ну, скажем так, мне неприятно это слушать. Чего еще мне не сказали?

– Откровенность за откровенность?

– У меня есть варианты?

– Есть, Олег. Ты нормальный мужик, хороший человек и высокопрофессиональный офицер. На таких, как ты, держится наша служба...

– Приятно слышать, Владимир Леонидович. Но все же, давайте с самого начала.

– Ну что ж, давай. Ты знаешь, что в наше время самые важные ресурсы – это чистая еда, боеприпасы, горючее и наркотики. Наркотики такая же валюта, имеющая ценность, как и еда, и сейчас, по прошествии времени, когда много людей впали в апатию, и подавно. Но это так, к слову. Мы, по роду своей службы, отслеживаем все возможные перечисленные ресурсы, места хранения, количество и, скажем так, возможное силовое воздействие, для перераспределения этих запасов, и соответственно должны знать все о вооруженных группировках.

– Ну, это я и так знаю...

– Не перебивай. Когда в Крыму начались известные тебе события, то и мы, и армейская разведка сухопутчиков, СБУ, войска территориальной обороны, куда входят внутренки, ну и администрация Президента сразу заинтересовались необычными новостями. Информация о русском спецназе, с легкостью зачистившего одну из агрессивных и влиятельных татарских банд, которая, по нашим данным, использовалась как посредник между киевлянами и турками, сразу изменила расстановку сил в регионе, а то и во всей стране.

– Ага. Людьюми торговали. Еще наркотиками и оружием. Там в бункере люди Оргулова нашли новенькое оружие с армейских складов, боеприпасы и клетки, где держали людей.

– Ну, что мне тебе рассказывать, сам понимаешь. А то, что там вполне открыто засветились немаленькие запасы продовольствия, заинтересовало всех. Чуть позже пришла информация, что продукты длительного хранения имеют немецкую маркировку времен Второй мировой войны и то, что майор Оргулов является капитаном российской военной разведки. Сразу возникает много вопросов. Вот мы и решили, скажем так, немного поучаствовать в крымских событиях: отправили твою группу. Была информация, что внутренки готовятся послать своих людей, подразделение из Херсонского укрепрайона, но мы успели слить результаты радиоперехвата переговоров полковника Черненко с его другом, командиром того самого отряда, который готовился к выезду. На тот момент личность лидера российской спецгруппы была иден-

тифицирована, и оказалось, что это твой давний дружок. Вот и все. Мы тебя отправляем, тыходишь в контакт с ними, пользуясь дружбой с Оргуловым, и у нас появляется выход на новую группировку. Дальше все по плану: херсонскую группу отзывают, вы получаете более широкие полномочия, и наше присутствие в регионе усиливается. А там можно и договориться о поставках продуктов, ну и еще кое о чем. Дальше ты сам знаешь, что было. Ты вполне полно это все описал в письме. Но, Олег, есть пара моментов. Мы давно прослушиваем радиопереговоры в Крыму. Очень интересно было слушать, как Оргулов разводил бандитов стратегическими бомбардировщиками или когда освобождали захваченный боевиками бункер внутриков. Да и ваши разговоры во время уличных боев мы тоже слышали, несмотря на то что вы использовали шифрованную связь. Коды-то кто вам в радиостанции зашивал? В общем, что вы выжили, мы знали с самого начала.

– Не сходитя, товарищ полковник. То тактическая связь, и радиус действия не более десяти километров, и то при самых лучших раскладах...

– Верно, поэтому пришлось в аэропорту под Симферополем разместить группу радиоразведки.

– Мудро.

– Согласен. Информация о том, что собираются высокотехнологические специалисты с семьями и им оказывается медицинская помощь и предоставляется охрана, готовятся к вывозу библиотеки трех высших учебных заведений Симферополя, нас заинтересовала не на шутку. Тут явно не простой захват власти, чтоб пощипать выжившие группы людей. Все говорило о глобальном, хорошо продуманном и обеспеченном проекте. К тому же всплыли немецкие продукты и множество немецкого, трофейного оружия и боеприпасов времен Второй мировой войны. Что нам оставалось думать? Да и твое молчание говорило слишком о многом. Это при том, что мы имели достоверную информацию, что ты выжил, и с некоторых пор стали ожидать твоего приезда за семьей. Дальше дело техники: «Заозерный», пропажа связи, непонятная суэта Данилы, Нестерука, Карпова, взлом и скачивание личных дел с сервера контрразведки, подделка документов на большое количество оружия, боеприпасов, горючего, расконсервация техники. Неужели вы думали, что никто ничего не заметит? Чем они тебя купили, Олег? Ты веришь в эту чушь с Антарктидой?

– А вы во что-то верите? Ну, вот честно, без дальних заходов, ответьте.

– Умеешь ты задавать неприятные вопросы. Я, кажется, понял к чему ты клонишь – Оргулов вам дал надежду. Что ж. Вот только кое-что не стыкуется в твоём рассказе.

– Что именно?

– Ну, во-первых, достоверно известно, что никакие корабли или подводные лодки, способные доставить подобные подразделения в Крым и, главное, такие объемы продуктов, оружия, боеприпасов, Босфор не проходили. Дальше, такая переброска по суше, с переправкой через Керченский пролив, не осталась бы незамеченной. Воздушным путем – сам понимаешь, тоже нереально.

– Ну, это ни о чем не говорит. Вряд ли Босфор так контролируют.

– Это спорно. Но тут, поверь, турки до сих пор пасут пролив: торговля морем продолжается, и они с этого дела имеют свой процент, как с незапамятных времен. Есть еще один момент...

– Какой?

– В России про капитана Оргулова, тем более про майора Оргулова никто ничего не знает. По данным наших российских коллег, с которыми у меня есть неплохие связи, он пропал без вести при выполнении секретного задания вместе со своей группой еще перед ядерной бомбардировкой.

Олег не выдержал и засмеялся.

– Ну, Владимир Леонидович, ну что в такой ситуации они будут вам все рассказывать?

– Да не будут, но вот удивление и неподдельный интерес к персоне твоего друга я у них увидел, а это показатель. Что-то такое он вывез из Новороссийска, что они там задержались как ошпаренные. Думаю, скоро здесь появятся российские спец. А с учетом того, что у нас все течет, то и турки про Оргулова знают, и натовцы. В общем, сейчас тут такая каша заваривается, и мне, старику, который уже готов умереть, становится страшно.

– К чему вы клоните, товарищ полковник?

– Олег, мне нужна правда. Настоящая правда.

– А зачем?

– Я уже стар, много видел и многое пережил. Сейчас, я чувствую, начинается что-то серьезное и грандиозное. Спящее несколько лет по бункерам дерьмо начинает бурлить, кипеть и вылезать наружу. Ты думаешь, я не вижу, что мы тут все подышаем? У меня из родных осталась только невестка с внуком. Сын погиб во время войны, жена умерла еще перед войной. Что нас ждет в будущем? А ничего. Помнишь, мы нашли группу капитана Воронкова, которая пропала во время урагана? Как они там от безысходности в застрявшем БТРе за последний паек поубивали друг друга? Это ждет нас всех, только чуть позже. Почему ты думаешь, если у вас появилась надежда, то мы ее недостойны? Мы не люди? Что вам такого предложил Оргулов, что отряд внутряков полным составом перешел к нему, что агенты, засылаемые к нему в группировку, прекращают передавать сообщения, что все мелкие группировки района, выявив наши разведгруппы, несутся их сдавать? Ну ведь не за чистую жрачку и не из страха они так стараются.

Олег задумался. Сейчас был момент истины, и врать и выкручиваться в таких условиях было бы не очень честно по отношению к старику. Дегтярев как бы в первый раз вглядывался в Батю и понял, насколько он постарел в последнее время.

– Хорошо, Батя. Смотри.

Олег потянулся, вытащил свой ноутбук, включил его и запустил видеофайл. Прошло несколько минут, пока Лукичев смотрел на бой современного спецназа в прошлом. В отличие от Великого, он все понял сразу и задал вопрос, который Дегтярев совсем не ожидал услышать:

– Олег, так чей это пистолет? С кого сняли?

– С командира моторизованной дивизии СС «Райх» обергруппенфюрера Пауля Хаусера. Его Серега со своей группой завалил под Могилевом в августе сорок первого.

– Знатный подарок, подарок воина. Передай от меня благодарность Оргулову.

Олег поднял глаза и увидел, как глаза Бати ожили и в них буквально бушует огонь энергии, как раньше....

Лукичев все сделал по-умному: до выезда колонны он так и не вернулся из «срочной командировки», а начальник контрразведки, подполковник Суров, за два дня до этих событий сильно «заболел» и лежал в полубморочном состоянии. Отъезд прошел буднично: машины выезжали по плану, не привлекая внимания, и в десяти километрах от бункера, в оговоренной точке собирались в ожидании опаздывающих. Потом была дорога, трудная и опасная. Но все это время Олег иногда улыбался, вспоминая двух старых ворчунов, Батю и его кореша, Сурова, которые так его сделали, но при этом вселили надежду в будущее. Он им пообещал, что вернется. А в его колонне в последней машине ехала невестка Лукичева с его внуком, позаботиться о которых при прощании обещал Дегтярев.

Глава 13

Вагон плавно покачивался при движении, и колеса методично стучали на стыках рельс, отбивая привычный ритм. Сквозь небольшие зарешеченные окна внутрь врывался ночной холодный, освежающий ветер, но и он был не в состоянии развеять смрад, стоящий в вагоне, набитом под завязку советскими военнопленными, которых было настолько много, что им приходилось постоянно стоять, опираясь друг на друга. Люди задыхались, страдали и умирали. Из-за невозможности хоть как-то двигаться физиологические потребности справляли прямо под себя, что добавляло смраду к запаху десятков немытых людей. Умершие так и оставались стоять, опираясь на живых, но в таких условиях большинство людей впадали в полубоморочное состояние, а многие просто сходили с ума. Они пытались вырваться, но военнопленных так плотно утрамбовали в вагон при погрузке, что им оставалось только выть и стонать, со временем они замолкали, впадая в апатию.

Недалеко от окна стоял пожилой человек, одетый в обычную солдатскую гимнастерку. У него всю дорогу от голода кружилась голова, и периодически он впадал в забытие. Стоящий рядом с ним вплотную моложавый светловолосый крепыш, с перевязанной грязным бинтом головой, озабоченно поглядывал на соседа, но ничего не мог предпринять в таких условиях. Ему оставалось только ждать остановки поезда и начала выгрузки военнопленных, тогда он сможет чем-то помочь своему спутнику. Второй человек, который входил в их маленькую компанию, тоже находился рядом и выглядел намного лучше, хотя и ему дорога давалась с трудом.

Крепыш закрыл глаза и попытался отстраниться от страшной действительности и уйти в воспоминания. Его звали Гюнтер Мойзель, и его присутствие в этом вагоне для людей, знавших его, было бы очень странным. Ну кто мог бы еще недавно представить, что сотрудник абвера, блестящий офицер, сотрудник русского отдела, капитан Мойзель окажется в вонючем вагоне, набитом, как шпроты в банке, русскими военнопленными. Но все начиналось вполне обычно, и ничего не предвещало такого изменения обстановки...

Неделю назад его вызвали к начальнику отдела, где, к удивлению, Гюнтера встретил майор Мартелл, личный порученец адмирала Канариса, шефа абвера. Мойзель только что вернулся с Восточного фронта, выполняя обязанности координатора от центрального руководства абвера между подразделениями полка «Брандербург» и командованием группы армий «Юг», где в последнее время все чаще стали возникать серьезные точки напряженности, требующие вмешательства диверсантов военной разведки. Зная в совершенстве русский язык, Мойзель часто сам надевал русскую форму и ходил на задания с бойцами легендарного полка. Видимо, великолепный послужной список стал причиной интереса со стороны личного порученца адмирала Канариса, что вселяло надежду в душу молодого и амбициозного офицера. Но, к его удивлению и разочарованию, разговор был коротким и ничего не значащим. Высокомерный майор Мартелл задал несколько вопросов о деятельности Гюнтера на Восточном фронте и, выслушав для приличия ответы, чуть скривившись, отправил капитана Мойзеля обратно.

Расстроенный Гюнтер целый день выполнял свои обязанности, изучал сводки, писал телеграммы, ходил в архив, но разговор с порученцем Канариса не шел из головы...

Прошло два дня, и его направили с курьерским поручением доставить пакет с документами на конспиративную квартиру в пригороде Берлина. Гюнтер долго добирался на служебной машине, петляя по ухоженным улочкам пригорода, в поисках указанного адреса. Это оказался неприметный, добротный двухэтажный домик, выполненный в истинно немецком стиле конца прошлого века. Привычно осмотрев улицу, в поисках возможной слежки или опасности, Мойзель позвонил. С той стороны как будто только и ждали его приезда, что-то щелкнуло, и дубовая дверь, с тяжелыми бронзовыми ручками, стала открываться. Он встретил холодный уверенный взгляд высокого крепкого мужчины с зачесанными назад короткими черными воло-

сами, в гражданском костюме. Тот пристально осмотрел Гюнтера, вызвав некоторую оторопь и легкий озноб, после чего коротко проговорил, чуть повернувшись, освобождая проход:

– Вас ждут, проходите.

Кивнув головой, Мойзель прошел вперед, интуитивно ощущая в этом человеке своего коллегу, разведчика-диверсанта. Наблюдательный взгляд капитана разглядел кобуру, скрытую под дорогим пиджаком, и легкую, чуть стелющуюся походку, что говорило об увлечении встречающего рукопашным боем.

Все это прекрасно соответствовало обстоятельствам, а наличие в качестве дворецкого матерого боевика подтверждало присутствие на этой конспиративной квартире важного лица, которому Гюнтер привез документы. Он не сомневался, что его приезд контролировался и из других домов и внутри есть еще несколько людей с аналогичной подготовкой, как и у встретившего его на входе человека. Пройдя небольшой коридор, Гюнтер прошел в комнату, в которой ему следовало ожидать получателя документов. Пока было время, капитан с интересом рассматривал помещение и делал выводы.

Внутренняя обстановка подтверждала предположения капитана, что дом специально держался для высокопоставленных гостей, а нисколько не напоминал любовное гнездышко, в качестве которого некоторые сотрудники разведки любили использовать конспиративные квартиры. Тут все было пропитано добротным немецким аристократическим духом. Паркетные полы, натертые мастикой до зеркального блеска, стены, увешанные картинами и холодным оружием, небольшой стеклянный сервант, в котором стояли несколько охотничьих ружей и карабинов, над старинным камином висели богатые и почетные охотничьи трофеи: головы лося с роскошными рогами и злобного матерого вепря. Видимо, хозяин всего этого великолепия был заядлым путешественником и охотником. Об этом говорили многочисленные образцы холодного и огнестрельного оружия, специально развешанные на самых видных местах, причем наметанный взгляд Мойзеля безошибочно выделил испанские, арабские клинки, турецкие ятаганы. Это были явно настоящие вещи, которые можно приобрести, только побывав в этих странах, что говорило о весьма широких интересах и возможностях хозяина этой коллекции. Заинтересовавшись книжной полкой, Гюнтер на время выпал из реальности, впившись глазами в названия фолиантов. Пальцы осторожно трогали корешки книг, ощущая их невидимую силу, которую набирают вещи, пережив многочисленные поколения хозяев и наблюдая с полком смену эпох. Неожиданно стоящие в углу большие напольные антикварные часы, великолепно подходящие к обстановке в комнате, начали отбивать одиннадцать утра. С последним ударом внутренняя дверь отворилась, и в комнату вошел майор Мартелл, одетый в дорогой гражданский костюм, смотревшийся на нем так же великолепно, как и военная форма. Отсутствие формы у начальника не повод нарушать традиции. Капитан стал по стойке смирно, щелкнул каблуками и коротко приветствовал майора:

– Хайль Гитлер.

Майор, скорее по привычке, ответил и сразу начал разговор.

– Здравствуйте, Гюнтер, давайте без официоза. Нам есть о чем поговорить.

– Конечно, господин майор.

– Присаживайтесь.

И указал рукой на два глубоких кожаных кресла возле невысокого столика, на котором стояли фигурная бутылка с коньяком и несколько хрустальных бокалов. Как по команде открылась дверь, и в комнату зашел ранее не виденный мужчина в гражданском костюме, по моторике движений явно коллега первого встреченного в этом доме боевика-охранника. Он осторожно поставил на столик рядом с коньяком небольшой поднос с двумя чашечками ароматного кофе и небольшой вазочкой с печеньем.

– Угощайтесь, Гюнтер, и давайте без чинов. Вы, наверно, гадаете, почему именно вас я выбрал?

– Да, господин майор. Скорее всего, это связано с моим знанием русского языка, боевой подготовкой и с тем, что я своим фенотипом похож на выходца средней полосы России.

Мартелл слегка улыбнулся уголками губ, пригубив кофе. Отпив глоток и чуть посмаковав послевкусие, он дополнил:

– При этом вы достаточно умны, удачливы, что в нашей профессии немаловажно, и верны Германии. Но задание, которое я хочу вам предложить, потребует всех ваших сил, умений и терпения.

– Как я понял, вопрос с моим откомандированием в ваше распоряжение уже решен. Значит, решение принято, и мне остается спросить только, что, где и когда...

– Мне нравится ваш подход. Если вы выживете при выполнении этого задания, то вас ожидает большое будущее...

Поезд начал замедлять свой ход, но большинство людей не обращали на это внимания, находясь в полубморочном состоянии. Гюнтер прикинул, который час, и получалось, что скоро должна быть пересадочная станция, на которой часть военнопленных ссадят для отправки в концентрационный лагерь, где проводятся масштабные работы по сбору и систематизации трофейной техники...

Время еще было, и Гюнтер снова вернулся к воспоминаниям. После того разговора его откомандировали по незначительному поводу в хозяйственно-экономическое подразделение, которое занималось сбором и систематизацией трофеев, захваченных на Восточном фронте. Там, под прикрытием своих полномочий, Мойзель смог провести большую часть подготовительных работ для интересной и сложной операции, возглавлять которую поручили именно ему. Затем был подбор русского пилота, который играл ключевую роль в его плане. Это оказался капитан, пилот истребителя, сбитого в районе Белостока, попавший в плен, но при этом сохранивший силу воли, упорство и истинно русское ослиное упрямство, благодаря которому он уже три раза пытался бежать. В дороге до концентрационного лагеря в Замосць Гюнтер с интересом изучал личное дело капитана Зенковича. Интересный персонаж. Увлечение авиацией, аэроклуб, военное училище и армия. Имеет боевой орден за бои на Дальнем Востоке с японцами. С начала войны, по достоверным данным, имеет на своем счету пять сбитых самолетов люфтваффе.

«Достойный уважения противник. Жаль, что мы воюем с русскими, если б не их коммунизм и толпы жидов в правительстве, из них получились бы великолепные союзники...»

Вторым человеком, кто был фигурантом разработанной многоходовой операции, был русский генерал-лейтенант Дмитрий Михайлович Карбышев. Тоже заслуживающий особого внимания русский офицер. Его биография заинтересовала Гюнтера, и он с особым вниманием вчитывался в строки, где рассказывалось о службе в царской армии, участии в Русско-японской войне, в Первой мировой, в создании оборонительных систем на западе Советского Союза. Отдельное внимание было уделено рапортам офицеров абвера, работавшим с генералом после его захвата в плен под Могилевом, агентов и специалистов разведки и имперской безопасности, которые уже активно работали в концентрационных лагерях, выявляя среди многочисленных советских военнопленных особ, желающих служить интересам рейха. Но во всех отчетах отражалось только одно – полное нежелание генерала Карбышева сотрудничать с германскими властями. После многочисленных попыток и абвер и СД его оставили в покое и отправили в Польшу в концентрационный лагерь Замосць, где собирались пленные русские старшие офицеры. Именно в этот лагерь капитан Мойзель был внедрен под легендой реально существовавшего, но погибшего при попытке побега капитана-танкиста. Тут он потратил несколько дней, ища подходы к генералу Карбышеву.

Времени на проведение операции было выделено очень мало, поэтому приходилось импровизировать и направлять события в нужное для Мойзеля русло. Небольшая группа узников концлагеря, в которую попали капитан Зенкович, генерал Карбышев и капитан Никола-

енко, под личиной которого действовал Гюнтер, была направлена в другой лагерь. Предварительно их перед отправкой переодели в форму простых красноармейцев и на станции «по ошибке», вместе с большой группой военнопленных, отправили эшеленом на Восток. Расчет строился на том, что три человека легко затеряются в безликой толпе, и отследить их дальнейшие перемещения ищейкам из СД будет весьма проблематично.

На станции их вытолкнули из машины и загнали в группу таких же военнопленных, которых приготовили для отправки.

Большая толпа постоянно пополнялась новыми узниками, которых привозили или приводили с разных сторон. На этот раз их стерегли солдаты из конвойных войск СС, оцепившие свободное пространство, где сидели и стояли русские военнопленные. Для усиления психологического воздействия на флангах установили четыре пулемета, и несколько солдат с отчаянно лающими и кидающимися на людей овчарками периодически прохаживались вокруг, создавая некую мертвую зону, куда узники не отваживались заходить. Потом было ожидание состава. Тут немцы, озабоченные сохранностью рабочей силы, подогнали машину, с которой стали кидать в толпу полусгнившие овощи, и выставили два больших бака с отходами солдатской столовой со станции. Пленные, как стадо голодных собак, набросились на эти баки, расталкивая друг друга, пытаясь зачерпнуть прокисшей жижи. Гюнтер, генерал и Зенкович стояли чуть в стороне. Мойзель от этой картины испытывал только омерзение, еще раз в душе назвав русских животными, а вот его русские спутники думали о другом: Зенкович сжал кулаки, и в его глазах полыхала ненависть к немцам, которые довели людей до животного состояния. А вот генерал был спокоен: кадровый офицер еще царской закалки был невозмутим, он не выражал своих эмоций, только холодно смотрел на это все, как бы запоминая, заноса все эти картины унижения русских солдат в свою память, надеясь в душе, что когда-нибудь у него будет возможность предъявить врагам счет.

Все эти нюансы поведения не ускользнули от внимательного взгляда Мойзеля. В некоторой степени общие приключения и страдания сблизил его с этими людьми, и волей-неволей он начинал их воспринимать не как объекты оперативной разработки, а как живых людей. Он был несказанно удивлен тем, что, наблюдая за генералом, потихоньку начинает восхищаться его выдержкой и силой воли. Сам того не понимая, он почти приблизился к ответу на вопрос, почему русским понадобился именно этот генерал, а никто другой из множества тех, кого за последнее время захватили в плен немецкие войска на Восточном фронте.

Потом их затолкали в предпоследний вагон, пихая людей прикладами. Через щель между досками Гюнтер имел возможность наблюдать, как заталкивали людей в последний вагон. Сразу стало очевидно, что с количеством вагонов немецкое руководство немного не угадало, и в окружении охранников и лающих овчарок в стороне осталась толпа военнопленных, человек пятьдесят. Непродолжительное совещание офицеров СС, отвечающих за доставку и погрузку рабочей силы, закончилось принятием какого-то решения, и интуиция разведчика подсказывала, что на станцию за еще одним вагоном никого отправлять не будут. Когда поезд тронулся, Мойзель услышал, как на оставшейся позади станции загрохотали пулеметы...

Затем была долгожданная выгрузка, и животное стадо, облаченное в военную форму Красной Армии, колонной погнали в концентрационный лагерь. На этот раз их охраняли не части СС, а специально приданный в распоряжение службы тыла вермахта охранный батальон. С интересом разглядывая своих спутников, Мойзель скорее автоматически фиксировал общий состав и численность. Как он знал, в специальный лагерь по сортировке трофеев подбирали специалистов по артиллерии, бронетанковой технике, авиации, но исключительно инженерный состав и только младших командиров. Представителей старшего и среднего командного состава, как возможных организаторов сопротивления и саботажа, здесь не было. Этот лагерь, где было много советской захваченной техники в разной степени годности, занимал ключевую роль в плане капитана Мойзеля по переброске русского генерала через линию фронта.

К удивлению Гюнтера, в отличие от СС, охрана на этот раз вела себя сравнительно мягко по отношению к пленным, делая небольшие остановки на отдых каждые два часа и даже один раз накормив из трофейной полевой кухни, которую обслуживали несколько «хиви», бывших советских военнослужащих, перешедших на службу Германии. Благодаря такому темпу движения никто не отстал и не был застрелен безжалостной охраной. Во всем чувствовалась обычная немецкая пунктуальность и прагматизм. В этой колонне были специалисты, которые могли бы быть весьма полезными Германии, и разбрасываться такими ресурсами немецкое командование не собиралось: пример использования ресурсов Европы для нужд рейха был у всех перед глазами, когда заводы захваченных стран вместе с персоналом выпускали качественную продукцию, так необходимую для нужд вермахта. Та же Чехословакия с некоторых пор стала одним из крупнейших промышленных центров, откуда в армию Германии поступали танки, стрелковое оружие, боеприпасы, ничуть не уступая по качеству немецкой продукции.

Прибыв в лагерь, они два дня прожили в наскоро сколоченном бараке, где с ними более подробно беседовали специалисты абвера и службы тыла, после чего началась сортировка прибывших по группам и командам. Человек тридцать, которые никак не подходили для нужд Германии, были выведены в лес и безжалостно истреблены. Еще через два дня были проведены последние подготовительные мероприятия, и операция по переброске генерала Карбышева перешла в активную фазу...

Утром в грузовик погрузили небольшую группу военнопленных, в которую вошли Карбышев, Зенкович, Гюнтер и еще трое русских, и выехали за территорию лагеря, на восток, где по имеющейся информации в лесу находилась разгромленная немецкой авиацией штабная колонна одного из моторизованных корпусов русских.

На полпути, возле небольшого леса, на машину, перевозившую русских, напали...

Взрыв перед капотом грузовика больно ударил по ушам. Словно наткнувшись на невидимую стену, машина резко остановилась и вылетела с дороги. Из кустов затрещали выстрелы. Охранники, ехавшие вместе с пленными, быстро повыпрыгивали из кузова и залегли в кювете, открыв огонь по противнику. Из кустов были слышны крики на польском, призывы и боевой клич, которые однозначно выдавали национальную принадлежность нападавших. Гюнтер, выждав момент, дернул Зенковича за шиворот и прошипел:

– Бежим.

А сам, подхватив Карбышева, бросился к лесу. Изначально в машине было шестеро пленных, и все, как по команде, рванули за Мойзелем. Охранники, открыли огонь по убегающим. Люди бежали, петляли, сбивая прицелы охранникам, пытаясь добраться до кустов и скрыться в спасительном лесу. Но выбранные в качестве жертв, для создания правдоподобности побега, трое узников, со специально помеченными при погрузке гимнастерками, были тут же застрелены в спину, а Зенкович, Карбышев и Гюнтер сумели скрыться в лесу. Они бежали из последних сил, сказывались недели недоедания, а сзади раздавалась стрельба и слышались взрывы гранат. Но и эта какофония вскоре затихла...

Отстрелявшись положенные двадцать минут и пролежав еще десять, охранники, даже те, кто были «убиты», начали вставать и тихо посмеиваться. Один из них, в окровавленной форме фельдфебеля, громко крикнул:

– Курт, ну хватит уже, выходите!

Кусты раздвинулись, и на свет вышли четверо людей в полугражданской одежде, на головах у них красовались пилотки с символикой польской армии. Они довольно улыбались, на чистейшем немецком языке отшучивались, отпуская дружеские высказывания насчет своих коллег в окровавленной форме. Минут через пять приехал еще один грузовик, с которого сгрузили тела шестерых реально убитых украинских националистов, использовавшихся в качестве охранников концлагеря, и пятерых польских боевиков, уничтоженных накануне при попытке обстрелять патруль. Специалисты немецкой разведки, один из которых, привлечен-

ный в качестве консультанта и имевший непосредственное отношение к следственным органам, стали раскладывать тела, создавая достоверную картину нападения польских боевиков и побега трех русских военнопленных. Стоящий в стороне оберлейтенант, покуривая сигарету, спокойно смотрел, как бойцы, специально откомандированные из полка «Брандербург-800» по личной просьбе капитана Мойзеля, раскладывают тела, раскидывают гильзы, так, чтобы ни один из следователей СД, которые, естественно, заинтересуются случаем побега русского генерала, не сомневался, что все это инсценировка абвера. Расстрелянные час назад украинские националисты, которых активно использовали в полицейских акциях и в качестве охранников в концлагерях, не вызывали никаких эмоций – расходный материал, не более того, надо будет, наберут других. Разве что списали их чуть раньше, чем им предписано в плане Большой Войны.

Когда все было закончено, двое солдат, бывших егерей, прошлись еще раз, подчищая последние следы, и через пять минут грузовик, в кузове которого по документам передвигалась группа тылового обеспечения резервной дивизии вермахта, взревев двигателем, отправился к точке встречи...

Мойзель шел чуть впереди, показывая дорогу, за ним шел Карбышев, поддерживаемый Зенковичем. Генерал держался из последних сил, и было видно, что в таком ритме он долго не продержится. Голод, побои и животные условия существования давали о себе знать, хотя Зенкович держался вполне достойно, несмотря на то что он проходил по документам руководства концлагеря как абсолютно неблагонадежный и имеющий на своем счету три попытки побега. Его специально выбрали для этой операции как некоего руководителя группы, организовавшей побег, что должно было создать дополнительный мазок в картине, которую рисовали офицеры абвера, для создания достоверности исчезновения генерала.

Через час такого движения они вышли на небольшую поляну, где лежало тело в гражданской одежде с простреленной грудью. По всему было видно, что человек умер пару дней назад. Мойзель, для которого эта находка не была неожиданной, стал обыскивать убитого и, к всеобщей радости, в кобуре на ремне нашел «парабеллум», а в кармане два снаряженных магазина. Как самый опытный, он сразу завладел оружием, что, к его радости, не оспаривалось ни генералом, ни летчиком.

Перерыв вещмешок убитого, беглецы оказались обладателями складного ножа, краюхи хлеба, куска сала и двух банок немецкой тушенки.

Оголодавшие люди буквально набросились на еду. Чуть насытившись и отдышавшись после бешеного бега, Зенкович задал вопрос:

– Интересно, кто это?

Мойзель, в задачу которого, образно говоря, входило провести эту парочку до линии фронта и буквально с рук на руки передать в НКВД, ответил:

– Поляк. Я слышал, как охрана лагеря болтала, что недавно на патруль напала банда польских боевиков, но большей частью была окружена и уничтожена, только несколько человек сумели вырваться. Этот, наверно, из этих...

– А чего с оружием и один?

– Наверно, в одиночку уходил, подраненный...

Хотя реально этого поляка вчера на поляну притащили солдаты «Брандербурга». Капитану Мойзелю было нужно обеспечить убежавших продуктами, но так, чтоб не вызывать подозрений, а тут как раз подвернулась группа поляков, которая что-то вынюхивала в окрестностях концлагеря. Специалисты «Брандербурга», которые собаку съели на диверсионных и контрдиверсионных акциях, быстро выловили поляков и без лишнего шума уничтожили, не докладывая при этом в местное отделение гестапо. Труп в вещмешок подложили продукты и перетащили в оговоренное место, маршрут к которому Гюнтер знал наизусть.

Следующие двое суток беглецы двигались на восток, стараясь не попадаться на глаза местному населению, которое относилось к русским не лучше, чем к оккупировавшим страну

немцам, а часто намного хуже. Уже не раз проходила информация, как они расправлялись с беглыми русскими военнопленными или летчиками, сбитыми над территорией, ранее принадлежавшей Польше. Именно поэтому их постоянно сопровождают три разведгруппы абвера, в задачу которых входило уберегать генерала от ненужного внимания местного населения и оккупационных властей.

Они так шли еще двое суток, экономя продукты и приближаясь к цели своего путешествия, когда по плану операции одна из разведгрупп абвера проявила себя, изображая преследование.

Генерал, Зенкович и Мойзель ускорили шаг, временами переходя на бег, но измученные голодом и тяжелыми нагрузками люди уже с трудом могли держать темп, задаваемый преследователями. По ним несколько раз открывали огонь, направляя таким образом в нужную сторону. Мойзель, как вооруженный единственным пистолетом, пару раз выстрелил в ответ, естественно, ни в кого не попав, так как специально целился выше.

Через несколько часов такого преследования их выдавили из леса на большое поле, где вдалеке виднелись остатки сгоревшего хутора. И генералу Карбышеву и Зенковичу сразу стало понятно, что это конец: сейчас появятся преследователи и на открытом пространстве их перестреляют, как в тире. Радостный крик их спутника, капитана Николаенко, показывающего куда-то в сторону, отвлек от тягостных мыслей и буквально влил в измученных людей силы. Зенкович, весь мокрый от пота, приложил трясущуюся руку к голове, прикрывая глаза от солнца, и, к своему удивлению, увидел стоящий буквально в ста метрах от них советский легкий разведывательный самолет Р-5.

Ноги сами понесли в сторону летающей машины, а летчик бежал и бежал, спотыкаясь и падая, и снова поднимаясь, снова бежал, пока не ощутил ладонями холодную плоскость крыла и не убедился в том, что это не мираж.

Рука привычно стерла легкую изморозь с корпуса летающей машины и, быстро взобравшись на крыло, Зенкович заглянул в кабину, изучая целостность и работоспособность аппаратуры. Глаза быстро пробежались по неповрежденной приборной панели, но зафиксировали несколько пулевых отверстий в фюзеляже, хвосте и плоскостях. На турели второго члена экипажа висел пулемет ДА (Дегтярева авиационный), задрав ствол в небо. Сняв дисковый магазин, Зенкович убедился, что там есть патроны, и на лице капитана появилась хищная улыбка – теперь они не беззащитные беглецы, и даже если их зажмут, он сможет забрать на тот свет несколько преследователей.

За осмотром самолета он совсем забыл о своих спутниках, и отвлек его не то чтобы крик, а стон задыхающегося человека. Зенкович обернулся и увидел, как капитан Николаенко из последних сил тащит генерала, взвалив его себе на плечо. Он практически сбросил Карбышева на землю, чуть повозившись, прислонил его к стойке шасси, отдышавшись, с трудом хватая воздух, поинтересовался у Зенковича, вложив в голос надежду:

– Ну, что с самолетом? Ты вроде как летчик?

– Нормально. Баки полные. Тяги целы, приборы не разбиты. Странно. Интересно, где экипаж?

Николаенко обошел самолет вокруг и коротко крикнул:

– Капитан! Вот, кажется, и экипаж...

Зенкович резво спрыгнул с крыла и побежал к соратнику, который что-то рассматривал в траве. Это оказался труп советского летчика в кожаном реглане, шлеме и летных очках. Он лежал на боку, вытянув правую руку в сторону леса. Видимо, в таком виде его застала смерть, когда он, раненый, пытался уползти и укрыться в лесу. Причина смерти была видна невооруженным взглядом – несколько сквозных пулевых ранений в грудь. К удивлению Зенковича, и кобура летчика была пуста, и личных документов не оказалось, что говорило о том, что хотя бы второй член экипажа успел спастись бегством. Но вот планшет с полетной картой остался на

месте. Это вызвало удивление: обычно полетные карты уничтожаются или уносятся в первую очередь, но Николаенко, схватив планшет, с интересом стал рассматривать и комментировать, отбросив все сомнения и заставляя действовать. Карта с нанесенной оперативной обстановкой, правда трехдневной давности, с безопасным маршрутом, с немецкими средствами ПВО и отмеченными несколькими советскими аэродромами, в нынешних условиях была подарком.

Разговор двух усталых людей был прерван звуком выстрелов, раздавшихся со стороны леса. Зенкович, выхватив из рук Николаенко планшетку, бросился обратно к самолету и закричал:

– К самолету!

Но в команде не было смысла. Капитан-танкист неся к самолету наравне с Зенковичем. Не говоря ни слова, Николаенко подхватил генерала и стал его закидывать на пассажирское сиденье. Поняв его мысль и оглянувшись в сторону леса, летчик быстро ему помог, закрепив Карбышева ремнями, запрыгнул на пилотское сиденье и коротко скомандовал:

– К винту!

Из последних сил Мойзель пытался провернуть винт, стараясь запустить двигатель самолета. Со стороны леса, прямо над головами беглецов, прошли несколько цепочек трассирующих очередей и донесся треск пулемета. Знание того, что преследователи строго проинструктированы не стрелять по беглецам, не помогало скрыть страх погибнуть от шальной пули своих же подчиненных и заставляло двигаться быстрее. Ругаясь про себя на немецком и вслух на русском, Мойзель проклинал допотопную русскую технику, которая не хотела работать. Но, видимо, отреагировав на последнюю тираду, двигатель самолета хлопнул, выпустив густой черный дым, оглушительно зарычал, наполняя пространство вокруг мощью и надеждой.

Со стороны леса более интенсивно стали обстреливать самолет, и, как договаривались, пули выбивали вокруг самолета фонтанчики пыли, не причиняя вреда ни самолету, ни пассажирам. Но неожиданно несколько пуль пробили обшивку, и вдруг что-то острой иглой ткнуло капитана в бок. Мойзель удивленно увидел расплывающееся пятно крови на гимнастерке и начал крутить головой, пытаясь понять, что происходит. Он оглянулся и увидел, как со стороны сгоревшего хутора в их сторону бегут цепочкой человек десять в обычной форме цвета фельдграу, активно стреляя из винтовок.

Это не вписывалось ни в какие планы, с учетом того, что все люди абвера, задействованные на этом этапе операции, были одеты в камуфляж. Новые действующие лица не были проинструктированы, поэтому стреляли точно и на поражение, что явилось неожиданностью и могло поломать все планы руководства военной разведки. Зенкович что-то кричал, махал руками, показывая себе за спину, но, приняв решение, Мойзель из последних сил заскочил на крыло самолета, подполз к Карбышеву и одним движением снял с турели пулемет, прихватив запасной диск, прыгнул обратно, отбежал от самолета, припал на колено и открыл огонь по новым действующим лицам. С трудом удерживая дергающийся в руках пулемет, выцеливая фигурки соотечественников, офицер абвера в душе надеялся, что у русского летчика хватит ума улететь, пока он будет прикрывать отход.

Самолет взревел и двинулся с места, стал разгоняться и через двадцать долгих секунд взлетел. За это время Мойзель, расстреляв диск пулемета, без сил лежал в траве и смотрел вверх на улетающий самолет. От потери крови он уже не ощущал тела и не почувствовал, как плечо пробила пуля: один из подбежавших солдат, со знаками различия полевой жандармерии, выстрелил в лежащего русского, который успел уничтожить четырех человек. Затем все внимание переключилось на улетающий самолет, вслед которому хлопали винтовки, но тот быстро скрылся за кромкой леса.

После бегства самолета внимание переключилось на все еще живого Мойзеля. Унтер-офицер с парабеллумом в руке, с искаженным от злости лицом склонился над ним, увидев, что тот еще жив, попытался поднять свое оружие и добить русского, но подбежавшие бойцы

«Брандербурга» быстро взяли ситуацию под контроль, оттерев от руководителя операции солдат полевой жандармерии. Один из них, в камуфляже, наклонился к капитану, увидев, что тот еще жив, быстро приказал подчиненному, который исполнял обязанности медика, оказать помощь раненому.

Это вызвало взрыв неудовольствия, но решимость и, главное, количественный перевес «камуфлированных» сделали свое дело, и начался диалог. Тут и выяснилось, что самолет случайно увидел пилот почтового самолета и не преминул доложить руководству, а то отписалось полевой жандармерии, которое выслало группу на поиски. Тут как раз и стрельба, и группа беглецов в русской форме, вот и решили помочь...

Мойзель, все еще в сознании, слушал этот треп и в душе негодовал, что из-за такой глупости могла сорваться операция, курируемая высшим руководством военной разведки. Разговор немцев был прерван ревом и треском пулемета. Вокруг стоящих плотной группой людей заплясали фонтанчики пыли, и многие из них стали падать, раскидывая вокруг брызги крови. В небе мелькнул силуэт самолета со звездами на крыльях, он сделал еще заход, расстреливая из бортового пулемета разбегающихся по полю преследователей, затем развернулся и улетел на восток. За штурвалом, с лицом, застывшим с радостным оскалом, сидел Зенкович, который вернулся, мстя за погибшего капитана Николаенко, прикрывавшего их взлет...

Мойзель, на которого упало тело убитого санитаря, сквозь шум в ушах от потери крови явственно слышал крик с пролетающего самолета: «Суки! За Николаенко!»

У него хватило сил засмеяться от нелепости и парадоксальности ситуации. Ну кто мог предполагать, что русский, у которого количество горючего в самолете с трудом хватит, чтоб долететь до линии фронта, вернется и устроит такую кровавую баню.

К нему приблизился лейтенант Хаген, командир группы. Он озабоченно спросил:

– Герр капитан, мы потеряли троих и еще трое ранены.

Чуть помолчав, он спросил.

– Что будем с этими делать?

И кивком показал на четверых солдат полевой жандармерии, молча стоявших возле своего унтер-офицера, который, получив пулю в голову, еще дрыгал ногами.

Мойзель что-то прошептал, но Хаген не услышал. Он наклонился и еще раз спросил:

– Не расслышал, повторите.

– Свидетелей не должно остаться.

– Понял.

Лейтенант сделал два шага, поднял русский пулемет, снял с него пустой диск, подобрал в траве полный, передернул затвор и навел ствол на солдат жандармерии. Один из них что-то успел крикнуть, когда над полем снова загрохотал русский пулемет, забирая жизни немецких солдат.

Мойзель, теряя сознание, думал: «Как странно, немцы меня пытались убить, а контуженный русский наоборот, пытался защитить и отомстить...»

Глава 14

Вопрос о моем отлете был уже решен, только пришлось встать в позу и в самый последний момент переиграть планы Судоплатова. Если честно, то вся их возня с заговорами, подставами и нападениями меня сильно стала напрягать, а мне, как любому нормальному человеку, очень хотелось домой. Да, такое вот желание, несмотря на то что нужно было возвращаться в мертвый мир, в радиоактивную и химическую помойку, но там меня ждали самые дорогие люди – жена и сын. А остальное все просто антураж.

Утром проверил, как в том же госпитале разместили Саньку, и полюбозничал с Вороновой, которая все равно подозрительно смотрела на мой камуфляж, разгрузку и черный берет с красной звездой, в которые я переоделся после знаменательных ночных приключений, наплевав на всю конспирацию. С другой стороны, чем чаще в войсках будет мелькать наша форма, тем меньше вероятность того, что в нештатной ситуации, когда появимся не в то время, не в том месте, получим пулю от своих же.

Судоплатов, загруженный заботами о поиске заговорщиков и подготовке моей отправки в район Борисполя, уже махнул рукой на такую конспирацию, выдал всем информацию, что это новая форма и экипировка войск специального назначения НКВД, но при этом так запугивал, что никто больше не хотел задавать никаких вопросов.

Пока была возможность, смотался в школу, где разместили моих бойцов, и, выяснив для себя пару интересующих вопросов, дав несколько распоряжений, укатил искать Судоплатова, чтоб скорректировать план переброски моей тушки в загребущие руки Светланы Оргуловой, благоверной супруги. То, что они бывают нежными и родными, ну это наше личное дело, но зато какой стимул рваться обратно – мотивировка железная.

Загруженный такими оптимистическими мыслями и планами, в предвкушении нелицеприятно разговора, я добрался до городского управления НКВД Севастополя и пошел искать Судоплатова, который, по моим данным, должен был быть где-то здесь, о чем говорили пара человек из его команды, вроде как случайно курящие возле входа, но при этом вооруженные автоматами.

К счастью, Павел Анатольевич как раз мчался целенаправленно мне навстречу, видимо, извещенный кем-то заранее, и мне не пришлось напрягать задерганного дежурного и рыскать по кабинетам. Но взглянув на него, на осунувшееся лицо, на мешки под глазами и растрепанные волосы, я как-то потерял боевой пыл. Мне стало жалко этого легендарного человека, поэтому просто поздоровался и попросил уделить несколько минут для корректировки совместных планов. Он кивнул, и мы пошли в кабинет Нефедова, который тот с превеликим удовольствием предоставил начальнику из Москвы.

Судоплатов сел за стол для совещаний, а не на хозяйское место, тем самым показывая мой немаленький статус, устало потер лоб, при этом еще больше взъерошив волосы. Зашедшему с нами охраннику он коротко бросил: «Чаю, обоим». Пока тот бегал исполнять, Павел Анатольевич очень домашним и таким обычным жестом почесал небритую щеку, что у меня на мгновение появилось ощущение, что я смотрю в зеркало на свое отражение. Но от мимолетной мысли меня отвлек резкий запах табака, и я волей-неволей стал осматривать кабинет.

Стандартный стол, затянутый зеленым сукном, на котором стояли монументальные письменные приборы, что говорило о некоторых личностных чертах хозяина кабинета. Шкаф с книгами, где на видном месте стояли обязательные для правительственного заведения труды Сталина, Ленина, Маркса. Большое зеленое растение в кадке приятно ласкало глаз необычной для октября зеленью, разросшееся, несмотря на то, что землю использовали иногда в качестве пепельницы, о чем говорили окурки, вдавленные по самые кончики. Обязательные фотографии Сталина и Берии висели на стене, за хозяйским стулом, показывая таким образом, что

хозяин кабинета действует от лица великих людей. Что было примечательно, портрет Берии висел на два сантиметра ниже изображения Сталина, и, учитывая характер заведения, это было сделано не случайно. Стандартный сейф, даже не сейф, а несгораемый шкаф с мощными двойными стенками, пространство между которыми было заполнено песком, завершал картину рабочего кабинета – все просто, незамысловато и функционально.

Когда я рассматривал несгораемый шкаф, то на ум пришли воспоминания из своего довоенного прошлого, я не удержался и фыркнул. Судоплатов резко повернул голову и вопросительно уставился на меня.

– Что-то не так, Сергей Иванович?

– Да вспомнил историю из своей довоенной жизни. Кстати, к нашей обстановке имеет некоторое отношение...

Павел Анатольевич откинулся на спинку стула и заинтересованно проговорил:

– Расскажите?

– Конечно, если честно, по прошествии времени все, что связано с довоенной жизнью, воспринимается как-то по-особенному: наверно, просто уже сжился с войной...

Судоплатов стойко слушал мои разглагольствования в ожидании интересной информации. Я это прекрасно понимал, поэтому перешел к своему рассказу.

– В свое время, это где-то в девяносто восьмом году было, военный комиссариат Крымской области, ну тогда уже Автономной республики Крым, переезжал в новое здание из центра города на окраину. В старом здании, в одном из кабинетов оставался подобный несгораемый шкаф, еще, наверно, с дореволюционных времен. Такой добротный, надежно сделанный и, главное, тяжеленный, почти в тонну весом. Но вот беда, когда все из кабинетов вывезли, вспомнили, что ключи потеряли, а в сейфе забыли несколько десятков бутылок водки: такая вот проблема была. Точнее, не проблема, а трагедия. Резать – не было времени, а оставлять столько водки нашим командирам было жалко. Помучившись и поломав голову, один из начальников, скорее из чувства протеста и отчаяния, предложил бойцам с узла связи компромисс: если они смогут достать водку, то половина достанется им. И ведь достали. Причем не ломая замков и не разрезая сваркой стенки...

Судоплатов уже заинтересованно слушал мой рассказ. Ну еще бы, я сам в свое время поломал голову над решением такой жизненно важной задачи. Выдержав небольшую театральную паузу, продолжил:

– Бойцы сделали проще: они раскатали сейф, разбив все бутылки внутри, и собрали всю водку, которая вытекала из щелей, после ее профильтровали и разлили по бутылкам. К чести наших офицеров, они поделились водкой... Ну правда, не совсем наполовину...

– Поучительная история, но к чему это?

– А к тому, что на данный момент у нас присутствует некоторая инертность мышления, к сожалению. Поэтому нужно как-то найти другую степень свободы и работать на опережение, а насколько я сейчас вижу, противник, и внешний и внутренний, опережает нас минимум на один шаг.

– Что вы предлагаете?

– Мои основные условия я недавно озвучил. Это – первое. Второе: при переправке в Бор-исполь вы предоставляете мне неограниченные полномочия по выбору маршрута и привлечению необходимых людей и средств. Ну конечно, в пределах разумного. В нашей лояльности вы и ваше руководство должны были уже убедиться, поэтому в данной ситуации мы претендуем на более высокий уровень доверия. Дальше – связь с моим человеком в Подмоскowie...

Судоплатов улыбнулся.

– Что, Сергей Иванович, очередную авантюру готовите?

– Ну типа того.

– Посвятите?

– Посвящу, но только не здесь и без свидетелей.

Мой собеседник подозрительно сузил глаза и обвел взглядом кабинет.

– Резонно. Хорошо, давайте пройдемся.

Через десять минут мы вышли на улицу, прошли метров сто, разговаривая на отвлеченные темы. Увидев подходящий подъезд, я кивнул Судоплатову, и мы поднялись на третий этаж пятиэтажного дома. Стоя на лестничной площадке, я коротко бросил в рацию Кареву, который с нашей стороны руководил моей охраной:

– Егор, в подъезд никого не пускать.

– Понял.

Судоплатов с иронией поглядывал по сторонам.

– Ну очень оригинальное место для обсуждения серьезных вопросов.

– Ну, пусть наши оппоненты думают так же.

А сам про себя усмехнулся: «Н-да, тут он прав, сколько вот так на лестнице с девчонками целовался...» Но не удержался и фыркнул. Судоплатов правильно меня понял:

– Тоже про девушек в подъезде подумали?

– Ага. Пикантная ситуация. Но перейдем к делу.

– Да, Сергей Иванович, давайте, времени и так мало.

Я вполголоса, так, чтоб мог слышать только Судоплатов, быстро и четко проговорил:

– Мы не полетим в Борисполь.

Он удивленно уставился на меня.

– Ваш план?

– Вы, параллельно с Р-5 и группой под Николаевом, готовите дальний бомбардировщик. После вылета бомбардировщика сообщите в Москву Борисычу определенную информацию, чтоб скорректировали точку перехода.

– Где будете высаживаться и кого с собой возьмете?

– Вся немецкая спецпура, если была утечка информации, а в этом уже нет сомнений, должна нас ждать в районе Борисполя. Поэтому пойдем втроем: я, Карев и Дунаев. Высадимся в районе Фастова, где у нас была вторая точка выхода. Там вроде должно быть тихо.

– Резонно.

– Проводите организационные мероприятия, а мы на всякий случай в кабинете Нефедова свою прослушку поставим.

– Зачем? Вы думаете, он что-то знает?

– Не исключаю такой возможности. Ну, чтоб вам было интересно работать. Некоторые технические приспособления у нас есть, да и ваших подчиненных немного подучим. А вдруг действительно что-то интересное выловите. Сами знаете, как оно бывает...

Судоплатов опустил голову и тяжело вздохнул.

– Откуда вы взяли на мою голову, Сергей Иванович?

– Ну так вы прекрасно знаете откуда. А вообще, если у вас голова болит, то подумайте, каково нашим оппонентам приходится. Так что давайте действовать.

Судоплатов буквально на несколько мгновений замолчал, прокручивая в уме мою маленькую комбинацию, затем согласно кивнул и сказал:

– Хорошо. Тогда до вечера.

Мы спустились на улицу, и через пять минут я уже ехал в школу, где находились мои бойцы.

Подготовка к вылету шла достаточно серьезно. Нам пришлось смотаться в Инкерман к бронетранспортеру и покопаться там, в поисках хотя бы одного костюма типа «Кикимора» или «Леший»: к нашему счастью, все-таки одну «Кикимору» запасливый Артемьев прихватил. Особое внимание пришлось уделить зарядке батарей радиостанций, что тоже доставило немало хлопот. Но ближе к вечеру наша небольшая группа уже была готова к выброске, а приехавший

к восьми часам Судоплатов привез полный вещмешок немецких трофейных консервов. Где он их умудрился достать, мы могли только догадываться – скорее всего, подогнали морячки, кто в осажденную Одессу ходил.

Карева и Дунаева закрытой машиной заранее повезли на аэродром, где ожидал ДБ-3 из состава 40-го бомбардировочного полка 63-й бомбардировочной авиабригады Черноморского флота. Три ДБ-3 и семь СБ готовили к ночному полету, даже загрузили бомбовые отсеки, но в самый последний момент самолет, предназначенный для наших нужд, был отведен в сторону по вроде как техническим причинам, и с матом и возмущением техников и летчиков начали разгружать смертоносный груз. Когда все это разгрузили, подъехали Карев и Дунаев. Меня в это же время торжественно, с большой охраной отвезли на мыс Херсонес, где был оборудован небольшой аэродром. Там я, чуть ли не расцеловавшись с Судоплатовым, залез в знакомый уже Р-5 и, согласно полетному заданию, вылетел в Борисполь, с посадкой для дозаправки под Николаевым. На этом официальная часть закончилась. Легкий разведчик за десять минут доставил меня на аэродром, где базировался 40-й бомбардировочный авиаполк, там люди Судоплатова его быстренько оттащили в ангар и старательно запрятали от лишних глаз. Так же быстренько я и без лишнего шума в сопровождении охраны добрался до ДБ-3, уже подготовленного для полета к Фастову. Летчики, мозги которым старательно прокипятили орлы из главного управления госбезопасности и видевшие с какими круглыми глазами удивленного тушканчика бегают полковой особист, быстро поняли, что им достается самое интересное, успокоились и ждали только меня. Карев и Дунаев уже раззнакомились и обосновались в бомбовом отсеке, закутавшись в полушубки.

Возле самолета топтались летчик и штурман, в ожидании полетного задания, которое, видимо, я должен был поставить. Как я понял, никто ничего не знал, даже судоплатовские исполнители, поэтому кивнул им, что теперь всем я буду заниматься сам. Те, все прекрасно поняв, утанули с собой полкового особиста и остановились на расстоянии ста метров от стоянки самолета, издали контролируя ситуацию. То, что они не одни, а вокруг еще несколько постов, я не сомневался. Дождавшись, когда ненужные уши исчезнут, подошел и поздоровался с нашими невольными воздушными извозчиками.

– Добрый вечер.

Но подняв голову вверх и взглянув на темное небо, поправился:

– Точнее, доброй ночи. Можно просто Сергей.

И протянул руку старшему – пилоту. В свете слабых фонарей он немного дольше, чем нужно, рассматривал мою экипировку: шлем «Сферу», разгрузку, сложенный автомат, умело прикрепленный несколькими ремешками к разгрузке, карманы с магазинами и гранатами. В его взгляде мелькнуло одобрение, видимо, ожидали, что их заставят везти какое-то крупное начальство на Большую землю, а тут спецы-боевики. Он сильно, но без нажима пожал руку.

– Максим.

Но тут же поправился:

– Капитан Решетников.

Штурман, стоявший чуть дальше, тоже протянул руку:

– Старший лейтенант Кумин.

При слабом свете я тоже пытался их рассмотреть, но тут было сплошное разочарование – стандартная летная форма, никаких знаков различия. Ну все равно, вроде ребята нормальные... Решетников сразу перешел к делу:

– Товарищ Сергей, куда лететь будем?

– В сторону Киева. Выброска в районе Фастова.

– Ого. Серьезно.

– Ну так и мы вроде ребята непростые.

– Заметно...

– Ну что, грузимся и летим?

Но тут возмутился штурман:

– А куда точно лететь?

– Вы летите в сторону Фастова. Как будем подлетать, я вам дам пеленг. У нас своя система позиционирования на местности. Кстати, а как связываться-то будем? У вас переговорное устройство есть для нас?

– Нет, конечно, кто будет бомбовый отсек оборудовать СПУ?

– Ну ладно...

Я подошел к самолету, где в отсеке меня ждали бойцы.

– Дунаев!

– Я, товарищ майор.

– Там у нас запасная рация есть, передай ее пилоту. И быстрый инструктаж по пользованию.

– Понял.

Пока он рассказывал Решетникову про достижения средств связи двадцать первого века, я махнул рукой людям Судоплатова, и один из них, как гончая, рванул ко мне навстречу.

– Слушаю, товарищ майор.

– Капитану Решетникову передается секретная радиостанция. По возвращению бомбардировщика из полета радиостанцию изъять. Быстро сообрази бумажку, чтоб он подписал об обязательном уничтожении прибора при возможности его попадания в руки противника.

– Есть, сделаем.

Пока тот носился и организовывал импровизированную подписку о неразглашении, мы обговаривали все нюансы полета с экипажем самолета. Стрелка-радиста мы и не видели. Его в самом начале грозные сотрудники органов засунули в самолет, и он там сидел на боевом посту и с интересом поглядывал на нас сквозь прозрачные стекла верхней пулеметной турели.

Ну вот и все. Бумаги подписаны, я, тоже облаченный в тулуп, забрался в бомбовый отсек, раздался рев разогреваемых двигателей. Еще несколько минут – и самолет вырулил на взлетную полосу и стал разгоняться. Потом отрыв и незабываемое чувство невесомости, которое испытывают все, когда начинается полет. Правда, не все испытывают удовольствие от того, что содержимое желудка начинает проситься обратно. Тут как раз я и пожалел о том, что не полетел на Р-5. Он летал и потише, и пониже, а тут ДБ-3 поднялся на три километра, стало понятно, что мы точно не в сказку попали. Дуло из щелей немилосердно, и к тому же снаружи точно не май месяц, да еще и разреженность воздуха, не критичная, но все же неприятная сама по себе, стала добавлять дополнительные неприятные ощущения к общему списку моего недовольства. На связь вышел Решетников:

– Феникс, как вы там?

Он все еще осторожно говорил, так как привык к режиму радиомолчания, а тут можно переговариваться по радиопередатчику. Его опасения были понятны – если противник поймает сигнал и оповестит средства ПВО, это может вылиться для нас большими проблемами. Но я ему коротко пояснил, как в свое время погибшему Иволгину, что немцы не в состоянии перехватить кодированные сигналы этих радиостанций.

– Да нормально. А у вас тут обогревателя и девочки с лимонадом нет?

Пауза.

– Что за девочка с лимонадом?

«Н-да. Намек не понял. Ну ладно, это все еще в будущем».

– Да это так, на холоде помечтать хочется.

В наушнике раздался хохот.

– Да. Мечты у вас, конечно, экзотические.

– Если б я мечтал о мальчике с лимонадом, это было бы точно экзотичнее. А так нормальное мужское желание.

– Я слышал, на гражданских самолетах за границей девушки и лимонад, и кофе разносят по салону.

– Ну вот, понимаешь, значит.

– Приходилось бывать? – уже уважительно спросил Решетников.

– Ох, где мне только не приходилось бывать...

Дунаев и Карев поочередно хохотнули в эфире, вспомнив знаменитый анекдот из нашего времени.

– А что такого смешного?

– Да тут анекдот вспомнили.

– Расскажите, время есть...

* * *

Через час после вылета бомбардировщика с группой майора Кречетова в сторону Фастова далеко под Москвой, на секретном объекте Главного управления госбезопасности НКВД СССР «Усадьба», в небольшой комнатке девушка в форме сержанта НКВД сидела перед жидкокристаллическим девятнадцатидюймовым монитором Samsung и ждала начала очередного сеанса связи. Нетерпеливо поглядывая на часы в правой нижней части экрана, Кристина пила полуостывший кофе из керамической чашки с изображением большого кота. Когда время наступило, она легким движением «мышки» и двумя кликами, запустила коммуникационную программу и вышла в чат:

Кристина: Приветтики. Что у вас там новенького?

База: Хохлы наехали. Вроде отбились.

Кристина: Потери есть?

База: Да нет. Васильева и Шестакова помяло. А так все под контролем. Что у вас там? Как Феникс?

Кристина: Час назад вылетел на бомбардировщике. Феникс и двое наших, из местных новичков. Летят к «Точке-два». В «Точке-три» опасно.

База: Вас поняли. Когда будут?

Кристина: С нынешнего момента плюс два часа.

База: Хорошо. Готовим встречу. Что там Борисыч?

Кристина: Уехал куда-то под Куйбышев. Готовит резервную базу.

База: На связь выходит?

Кристина: Вчера по тлф говорили. Вроде нормально. Местные – адекват, без понтов.

База: Вас поняли. Конец связи.

Сидевшая рядом Стрельникова, которая уже вполне неплохо разбиралась в компьютере, попросила распечатать текст разговора на бумагу.

Кристина Панкова, состроив недовольную гримасу, но тем не менее быстро запустила Word, открыла файл с пустым бланком и шапкой секретного делопроизводства НКВД, скопировала содержимое окна чата и пустила на печать. Стрельникова выхватила из лотка лазерного принтера еще теплый лист, быстро открыла журнал регистрации формируемых бумажных носителей информации, внесла регистрационные номера, тут же шариковой ручкой, которую для этого дела выделили пришельцы из будущего, написала их на распечатке и спрятала ее в специальную папку.

Кристина, наблюдая со стороны все эти уже ставшие привычными манипуляции, только вздохнула. Но, видимо, молодость не терпела бездействия, и она рывком поднялась, включила кофеварку и, не спрашивая разрешения у Стрельниковой, из вредности запустила на компью-

тере фильм. Борисыч, уезжая в Москву, и не предполагал, что, когда собирались, дочка умудрилась пронести несколько 16 гигабайтных флэшек с фильмами и музыкой. И вот теперь на экране служебного и насквозь секретного компьютера на самом охраняемом объекте НКВД СССР крутили фильмы будущего, не всегда приличного содержания.

Стрельникова на все это смотрела вполне спокойно, понимая, что Кристина просто чувствует себя одинокой и в такой форме выражает свой юношеский протест. Этот вопрос уже обсуждался с руководством, и у Ирины были жесткие указания – с девочкой не ругаться и устанавливать полный и дружеский контакт. Да и Юрий Панков, отец Кристины, ей нравился...

* * *

В черном небе юга Украины, оккупированной немцами, летел одинокий бомбардировщик с красными звездами, а в нем хохотали несколько человек, слушая анекдоты про Василия Ивановича, который везде был и все видел, даже у негра в...

Самолет вполне спокойно пересек линию фронта, завернув немного западнее, и, пройдя над морем, затем в течение двух часов добирались до предполагаемого района выброски, о чем известил Решетников между очередными анекдотами. На что новый, но такой знакомый и родной голос вмешался в наш разговор:

– Феникс, я не поняла, вы там воюете или анекдоты травите? Может, хватит? Наверно, пора уже высаживаться?

– База, как я рад тебя слышать! – тут я был искренен на все триста процентов.

– Еще чего-нибудь добавите?

– База, я тебя обожаю. Ты там готовься, сейчас быстренько прыгну и к вам. Супружеский долг – дело суровое, но нужное...

– Да что-то не верится. Вы там все навоеваться не можете. Что ты, что Бычок. Кстати, тут Белка спрашивает, как он там?

– В госпитале. Броником осколок словил, да головой дверь.

– Seriously?

– Нет. Но эвакуировать придется.

– Хорошо. Ну что дальше?

– Вы отслеживаете нас?

– Да. Скорость и местоположение определили. Какая у вас высота?

– Решетников?

– Три пятьсот.

Я уже дал команду пилоту:

– Выполняйте распоряжения Базы.

Он уже серьезно ответил:

– Вас понял. База, я Баклан-29. Жду указаний.

– Поворот на восток на тридцать градусов.

Самолет заметно наклонился.

– Так следовать пять минут. Затем спускаетесь на восемьсот метров и готовите выброску по сигналу.

– Вас понял.

Я коротко бросил своим бойцам:

– Приготовились.

Мы поснимали полушубки, лица были еще на аэродроме закамуфлированы тактическим кремом, поэтому стали проверять снаряжение, приборы ночного видения, радиопередатчики и парашюты. Самолет пошел на снижение, и в наушниках послышался голос моей супруги:

– Сброс.

Под нами раскрылись створки бомбового люка, и мы вдвоем прыгнули в черноту, расстилавшуюся под бомбардировщиком.

В наушниках раздался голос Решетникова:

– Удачи, ребята. Привет Базе.

Болтаясь в воздухе, я успел прохрипеть:

– И тебе, капитан, удачи. Доберись живой. С меня бутылка.

– Договорились, майор.

Глава 15

После попытки захвата бункера из 41-го года и получения информации, что группа контакта во главе с Оргуловым, отправившаяся в Севастополь, не уничтожена и есть шанс ее скорого возвращения, общая атмосфера напряженности на базе стала постепенно спадать. Регулярная связь с Кристиной, которая сидела где-то под Москвой на закрытом объекте, давала вполне полную и оперативную информацию о событиях в Севастополе. Выход из строя второй установки перемещения во времени при попытке захвата бункера создавал большие трудности для эвакуации раненных бойцов, поэтому возвращения Командира ждали с нетерпением не только его близкие. Многие процессы в этом времени, запущенные с подачи Оргулова и скрепленные его личным авторитетом, продолжали работать, но некоторая растерянность первых дней, вызванная непонятной ситуацией вокруг группы, отправившейся в Севастополь, передавалась в другие бункеры и убежища, уже вовлеченные в сферу интересов нового сообщества, так неожиданно сформировавшегося в развалинах Симферополя двадцать первого века.

Люди, посвященные в тайну перемещений во времени, а в большинстве своем это были офицеры и прапорщики, перешедшие на сторону майора Оргулова, продолжали работать – выполнять поставленные задачи. Капитан Васильев, взявший временно на себя обязанности военного коменданта, привлек радиолюбителей из команды Борисыча и пару дней увлеченно модернизировал систему безопасности. Конечно, что касалось бункеров, то танкисту Васильеву добавить было нечего – Оргулов и его подчиненный Артемьев понастроили разных систем контроля столько, чтомышь без опознавательного знака не проскочит. Но вот относительно безопасности передвижения личного состава между убежищами возникало много вопросов. Тут Вадим напряг группу изобретателей, и в кратчайшие сроки в тестовом режиме была запущена система контроля перемещения людей и транспорта в городе и его некоторых окрестностях. Люди снаряжались браслетами, которые снимали информацию о пульсе и температуре человека и передавали информацию в специальный прибор, вмонтированный в каблук ботинка. В обычном режиме система ничего не излучала, но периодически с базы посылался кодированный радиосигнал, на который отправлялся ответ о состоянии человека либо машины. Учитывая слабость передатчика, на возможных маршрутах движения автотранспорта ставились автономные системы-ретрансляторы, с помощью которых можно было не только запеленговать индивидуальную систему слежения, но и получить точную информацию о местоположении и телеметрию о состоянии объекта. В более поздних модификациях добавлялась функция передачи тревожного сигнала. Все, конечно, было сыро и работало нестабильно, но тем не менее проводка караванов с продуктами, боеприпасами, запчастями и горючим становилась более контролируема. Народ, кто был посвящен в тайну установок перемещения во времени, не роптал и даже с некоторым энтузиазмом принимал такие нововведения, прекрасно понимая, что в случае захвата в плен они получают дополнительный шанс выжить и быть оперативно освобожденными группой быстрого реагирования. После глобальной ядерной войны человеческая жизнь ничего не стоила, поэтому такая забота в группировке Оргулова о каждом, кто покидал убежища, внушала у людей определенную уверенность в сделанном выборе.

Мобильный комплекс радиоэлектронной разведки, оставленный Дегтяревым для нужд новых соратников, несколько раз фиксировал зашифрованные передачи из района аэропорта. Но информация была отрывочная, и проводить на основании этого поисковые мероприятия посчитали неоправданным риском, поэтому просто ужесточили режим безопасности, и любые перемещения людей и техники вне базы шли под постоянным контролем. Втайне даже от основного состава некоторые караваны негласно сопровождались усиленными маневренными группами, и это давало определенные результаты: попытка пощипать богатых по нынешним

меркам военных очередной группой приезжих отморозков закончилась их быстрым и эффективным обнаружением и уничтожением.

По прошествии двух дней Васильев по делам заскочил на основную базу, где ему нужно было согласовать списки вновь формируемого танкового взвода, который, учитывая все увеличивающееся количество боевой техники, в ближайшее время, возможно, будет развернут в роту. Пройдя все процедуры проверки и очистки, капитан двинулся полутемными галереями бункера к посту оперативного дежурного, где на тот момент находилась Екатерина Артемьева. Он остановился перед тяжелой бронированной дверью, оборудованной несколькими дистанционно управляемыми запорами, которая ограничивала доступ в помещение, где были сосредоточены главные средства управления системами жизнеобеспечения бункера, безопасности и контроля за внешним пространством.

Он нажал кнопку вызова на антивандальной панели видеодомофона, но это была скорее дань привычке – все перемещения людей в красной зоне, где размещались службы, ответственные за работу бункера, охрану и посты управления установками путешествия во времени, плотно контролировались и системами видеонаблюдения, и многочисленными датчиками. Что Артемьев намудрил, чтобы в случае чего пресечь любую попытку захвата, Васильев не знал, но в наличии многочисленных взрывающихся сюрпризов он был уверен на сто процентов. В тамбуре перед бронированной дверью за фальшпанелями висели несколько емкостей с напалмом, и подорвать весь этот смертоносный груз дежурный мог в течение секунды.

Ответив на дежурный вопрос и приложив к считывателю свой индивидуальный ключ, Васильев стал ждать мелодичного перелива, говорящего об открытии двери. Когда зажужжали механизмы, открывающие тяжелую дверь, он чуть помог ее открыть и быстро проскользнул в еще один импровизированный тамбур. В отличие от коридора с голыми каменными стенами, по которым змеились многочисленные жгуты проводов, тут все было отделано негорючим пластиком и создавало почти домашнюю атмосферу, несмотря на военное назначение поста. Пройдя еще метров пять, он попал в святая святых бункера – центральный пост. За большим столом с тремя жидкокристаллическими мониторами в дорогом кожаном кресле развалилась Снежная Королева – Катя Артемьева. Видимо, в этот момент проходил сеанс с Кристиной в прошлом – на экране компьютера была выведена коммуникационная программа и руки порхали по клавиатуре, быстро набивая сообщения.

За соседним столом сидел Зяблик, точнее, боец Воропаев, который, оправившись после ранения, чаще всего стал привлекаться к дежурствам – у парня обнаружилась буквально маниакальная тяга к технике, и особенно к компьютерам и информационным технологиям. Он мог часами просиживать за монитором, изучая документацию или в компании с такими же подорванными ребятами из технической группы поднимать очередной неработающий персональный компьютер. Это не освобождало его от боевых дежурств, и Воропаев положенное время мотался в охране конвоев, сидел в засадах с группой скрытого сопровождения или гнал по мертвым улицам умершего города к месту боевого столкновения в составе отряда быстрого реагирования. Но в этот момент он с интересом возился с компьютером, нанося на карту города результаты работы системы радиоперехвата не только штатной и давно функционирующей системы, но и недавно поставленного на боевое дежурство комплекса радиоэлектронной разведки, привезенного Дегтяревым.

Услышав шаги, Катя подняла глаза, коротко бросив «Привет», вернулась к интересному общению с Кристиной. Васильев решил ее отвлечь.

– Ты скоро? Поговорить надо.

Артемьева, не отрываясь от клавиатуры, коротко спросила:

– Вадим, что-то серьезное?

– Да так, чуйка, что дермецо какое-то лезет... Кстати, что там у наших предков? Как там Оргулов?

– Да вроде конфликт разрулили. Собираются или сегодня вечером, или завтра отправить командира самолетом под Борисполь. Хотя, по нашей информации, там начались тяжелые бои...

Свернув окно чата, она крутнулась на кресле и уже повернулась лицом к Васильеву, всем своим видом показывая готовность общаться.

– Говори.

– А Светлана где?

– После дежурства сменилась, сейчас с детьми возится, если хочешь, могу ее вызвать.

– Не помешает.

Артемьева подняла трубку телефона, набрала двухзначный номер и, дождавшись ответа, заговорила:

– Света, тут Васильев приехал, можешь подойти?

Выслушав ответ, положила трубку.

– Сейчас подойдет.

Пока было время, Вадим поднял тему ситуации в прошлом:

– Что там с нашими незванными гостями из прошлого?

Артемьева молча кликнула «мышкой», разворачивая на весь экран монитора картинку с видеокамеры, расположенной в комнате, где проводили допрос одного из задержанных капитан Строгов и лейтенант Коротков. Из динамика раздался голос – внутренние помещения, где ставились видеокамеры, обязательно оборудовались активными микрофонами...

Понаблюдав минуты две, Катерина констатировала:

– Процесс идет, НКВД – работает...

В этот момент разговор прервался пронзительно громко заигравшим вызовом видеодомфона. Через секунду на пульте загорелся зеленый сигнал, говорящий о положительной идентификации электронного ключа. Уже привычно пробежавшись глазами по мониторам, где передавались изображения с камер наблюдения, Артемьева грациозно потянулась к белой коробке домофона и нажала кнопку с изображением ключа. Васильев невольно залюбовался Снежной Королевой: несмотря на рождение ребенка, ее фигура почти не изменилась и она выглядела все так же вызывающе-привлекательно даже в камуфляже и с пистолетом в набедренной кобуре...

Светлана влетела в комнату и с ходу чуть взволнованно спросила:

– Что-то случилось?

– Пока нет, но в ближайшее время может...

– Есть информация? Ты ведь разведку к аэропорту отправлял....

– Да, но сначала ответьте, что у вас по этой группе, сидящей в районе аэропорта?

– Армейцы. Пару раз связывались с абонентом в Одесской области. Скорее всего, по душу Дегтярева приехали.

– Ну, мои ребята так же решили. Вчера Кукушки там немного полазали и срисовали двоих часовых. По оружию и экипировке можно делать выводы, что армейцы, ну уж очень все это напоминает обеспечение группы Дегтярева.

– Диверсанты?

– Да скорее разведка. В здании бывшей мини-гостиницы при аэропорту они развернули пост наблюдения: на крышу выкинули несколько антенн. Очень все похоже на то оборудование, что нам Дегтярев оставил. Боевики больше выполняют охранные функции. Иногда ходят в патрули, не удаляясь от временной базы больше чем на два-три километра.

– И что нам с ними делать? Валить смысла нет – если это дружки Дегтярева, то потом будет не совсем приятно.

Вмешалась Артемьева:

– Насчет дружков не уверена. Скорее всего, начальство Олега решило подстраховаться и собрать больше информации. Ну не верю я, что когда отправляли Дегтярева, они не знали про их совместную службу с командиром и длительные дружеские отношения до войны – не та организация, чтобы случайно допускать такие совпадения. Наверно, там до конца не уверены, что группу разгромили именно мы, и прежде чем кого-то наказывать, решили собрать побольше информации.

– Я так тоже думал. Поэтому там Малой им сюрприз подготовил.

– ???

– Да вывели из строя видеокамеру внешнего обзора и возле нее положили контейнер с консервами, термос с кофе и записку с частотой экстренной связи и ключами шифрования, это на случай, если станет скучно.

Светлана Оргулова ухмыльнулась.

– Разумно. Показали, что можете при случае взять за горло, но при этом продемонстрировали добрые намерения. Но все равно держите их под контролем, они люди подневольные, прикажут им нас валить, и думать не будут, это не мобилизованные или простые строевики – спецпура. А что вообще по обстановке, а то тут слухи ходят...

– Да так, ничего конкретного, какая-то нервозность среди людей началась. Мелкие группы затихли – чего-то ждут. Скорее всего, прошла информация о наличии в районе неизвестного подразделения, но до моих информаторов ничего конкретного не дошло. Все на уровне слухов. Вроде как несколько раз фиксировали неизвестные машины в окрестностях города, да патрули обнаружили места, с которых вели наблюдения за маршрутами движения наших мобильных групп. Пытались делать засады, но пока ничего. Наехали на пару татарских поселений, оставшихся в окрестностях города, там в основном гражданские остались, но те божились, если к ним применительно такое выражение, что они тут ни при чем и с их стороны никто в город не лезет. Мы их для профилактики поугадили, но за информацию о чужаках пообещали калым. Так что с той стороны пока ничего опасного нет. Да и мои ребята в их среде аккуратненько вербуют информаторов. У меня вроде как все. Может, у вас что нового?

– Так группу нашли, чего волноваться-то?

– Да не уверен. Мы не армейцев ждем, а внутряков или эсбэушников.

Светлана задумчиво проговорила:

– В принципе, смысл в этом есть. Один раз случайно зафиксировали кодированную передачу из города или окрестностей, и это получается, что не наши вояки. Мы-то думали, что это наши аэропортовские друзья шалят, но в свете твоей информации, что они сидят безвылазно только там, это наводит на размышления. Возможно, тут работает еще одна группа.

– С чего взяли, что это другая группа? – заинтересовался Васильев.

– Использовалась другая аппаратура: мощность сигнала, алгоритмы шифрования, скорость передачи информации, и главное, что ответная передача шла откуда-то с севера, явно не со стороны Одессы. Больше ничего узнать не смогли – возможностей аппаратуры не хватает.

– А почему меня не известили?

– А сигнал перехватили только вчера вечером.

Васильев озабоченно покивал головой и коротко спросил:

– Откуда они вещали?

– Где-то район водохранилища и университета, но передача была слишком короткой, и точно определить место не получилось. Сейчас Воропаев пытается что-то вытянуть из системы, да еще технарей из группы Борисыча подключили, но нашему колхозу такие задачи не по зубам.

– Тогда объявляем полную боеготовность?

– А не спугнем? Вдруг у них есть свои люди, и тогда они затаятся, и в таком режиме сколько нам жить придется, все время ожидая удара в спину? Надо их спровоцировать.

Артемьева почти все время молчала, слушая разговор, и, видимо, что-то придумав, подала голос:

– Света, Вадим, а почему вы думаете, что против нас будет работать большая группа? Им же надо на чем-то приехать, чем-то питаться, где-то базироваться, чем-то заряжать радиостанции. Чтобы обеспечить такие условия, потребуется немаленькая машина. А попробуйте на грузовике или БТРе скрытно погонять по улицам города, где и патрули есть, и видеокамеры навешаны. Плюс наверняка им слили информацию о наличии у нас системы вибро-сейсмических датчиков, которая позволяет контролировать и основные улицы, и подходы к убежищам. Вот и подумайте, в каких условиях они находятся и какие у них возможности получения более подробной информации для расчета сил и средств, необходимых для открытого противостояния с нами. А учитывая наши нынешние возможности, тут уже нужна войсковая операция с привлечением и брони, и артиллерии. Иначе бы они давно уже проявились, а так где-то на периферии кружат, собирают данные, наблюдают... Местных информаторов они не задействовали: прекрасно понимают, что в нынешних условиях, когда мы тут всех вокруг прикормили, их сразу же сольют. Что бы мы делали на их месте в такой ситуации?

Васильев задумчиво ответил:

– Ну, радиоперехват, изучение порядка передвижения транспорта и патрулей. Все. Визуально больше ничего не узнаешь. Остается только взять «языка».

– Вот именно. А у нас что не поездка, то войсковая операция с бронетехникой, обязательным сопровождением и с маневренными группами прикрытия. В таких условиях брать «языка» – это явное самоубийство. Вот они и выжидают.

– Н-да. Ну что, подсунем им «языка»?

– Ну надо же как-то договариваться. А то, судя по всему, настроены они серьезно. Кого-нибудь захватим, предъявим им живого Черненко, а дальше уж по ситуации. Тем более скоро Оргулов прибыть должен, пусть договаривается. Тут такие дела в сорок первом намечаются, и если эти ребята будут под ногами крутиться, придется их зачищать.

– Хорошо.

Через час в ангаре бункера внутреньих, под руководством Васильева, готовили машину. Ее оборудовали радиомаяком и некоторым подобием тревожной кнопки, для затравки туда положили контейнер с яблоками, которые принесли из 41-го года, и небольшую банку свежего меда. Операцию непосредственно возглавил Васильев, взял в заместители Шестакова, с которым у него уже давно сложились дружеские отношения. В качестве наживки привлекли двух бойцов штурмового отряда. Ребят тщательно проинструктировали, оговорили легенду, которую они должны были под «пытками» рассказывать противнику, порядок поведения и условные сигналы.

Во второй половине дня машина выехала из города по московской трассе, доехав до остатков моста на транспортной развязке, повернула направо и, выскочив на объездную трассу, не набирая большой скорости, двинулась в сторону Ялты.

Несколько штурмовых групп заранее скрытно отправились к трассе. Противник пока не предпринимал никаких действий и в возможном районе их появления не фиксировалось никакой активности. Радиоразведка тоже не смогла ничего обнаружить. Все это время в эфире шли стандартные переговоры бойцов из машины-ловушки с Базой на свободном канале, где те докладывали о движении. Весь план строился на том, что их слушают и, скорее всего, ведут визуальное наблюдение, и, естественно, одиночная машина должна привлечь внимание и принудить неизвестных наблюдателей к активным действиям.

Микроавтобус, переделанный для езды в зараженном мире, спокойно двигался по маршруту, сопровождаемый на каждом участке дороги двумя-тремя наблюдателями. Но, к сожалению Васильева, ничего так и не произошло, поэтому, проехав несколько километров в сторону бункера в Перевальном, они свернули с дороги, простояли так два часа. Доложив на базу

по радио по открытому каналу о выполнении задания и начале выдвижения, они развернули машину, выехали снова на трассу и двинулись обратно в сторону Симферополя.

Вечером в том же командном пункте проходило совещание. То, что противник не среагировал, никого не удивило, уж слишком все было примитивно, поэтому нужно было создать видимость, что движение этой одиночной машины, так подходящей для захвата, не является случайностью и подставой. Поэтому все маршруты движения транспорта и патрулей, проходящие через город, обязательно сопровождалась усиленной охраной, а вот то, что касалось объездной трассы, где вполне можно было разогнаться, умышленно охраной пренебрегали. К тому же перед наблюдателями, парочку которых все-таки обнаружили, стали создавать видимость того, что маршрут по объездной дороге считается безопасным и часто используемым. Все штурмовые группы были отозваны, и на позициях осталась только снайперская пара Малой и Миронов. Поэтому утром по нему стали гонять одиночные грузовики, бронетранспортеры, а на закуску пустили тягач, тянущий на специальном прицепе подбитый танк Т-72, который обнаружили в пригороде и решили перевезти в мастерские в Перевальное для восстановления. Но тем не менее противник не проявлял никакой активности. Пронаблюдав еще три рейса, Васильев, скорее от отчаянья, дал команду сворачивать операцию и, отпустив бойцов, на той же машине под вечер решил сам еще раз проехаться по маршруту и уже с Шестаковым двинулся в сторону Перевального.

Когда автомобиль проехал Абдал и стал спускаться с холма, служба радиоперехвата зафиксировала кратковременный выход в эфир кодированной радиостанции, и, судя по всему, это было сигналом к действию.

Несущийся по дороге микроавтобус налетел на взрыв, развернулся и упал на бок, проехав юзом с десятков метров. Из-за небольшого пригорка к нему рванули пять человек и споро стали выламывать двери и вытаскивать Васильева и Шестакова из салона. Тут же к ним подскочили два джипа, в один из которых они покидали пленных, и когда закрыли двери, тот резко рванул с места и, проехав метров сто по трассе, свернул на небольшую дорогу в пригород, где стояло множество брошенных коттеджей довоенных богатеев. Второй джип подцепил тросом перевернутый микроавтобус и с некоторым напряжением и пробуксовкой все-таки смог его стащить с дороги, где поврежденную машину тут же закидали обломками шифера и мусором. Через две минуты и вторая машина тоже скрылась из виду.

В командном центре все затаили дыхание, ожидая доклад от замерзших снайперов, из последних сил следящих за событиями на объездной трассе. В таком же состоянии находились бойцы нескольких штурмовых групп, стянутых с соблюдением всех мер предосторожности в этот район.

Еще через пять минут Малой доложил по кодированному каналу:

– База, это Кукушка-один.

– На связи, Кукушка.

– Группа прикрытия снялась с позиций и отступила в направлении поселка.

– Общая численность противника?

– Наблюдал восемь человек. Вооружение – автоматы, гранатометы, снайперская винтовка.

– Понятно. Скрытно выдвигайтесь в поселок. Будем вас наводить по пеленгу. Задача – обнаружить базу противника.

Таким же образом была дана команда остальным группам. В это же время по открытому каналу Катя Артемьева со всем прилежанием вызывала Дровосека-Васильева. Тут же в общую какофонию в эфире включились другие источники, которые, судя по системе радиопеленгации, находились в городе, далеко от происходивших событий, и имитировали в эфире командиров маневренных групп, которые получали команды срочно выехать к трассе и прояснить ситуа-

цию с исчезнувшим Дровосеком. Реальные группы в это время уже были в поселке и скрытно продвигались к месту, где, судя по сигналам, держали Васильева и Шестакова.

Бойцы были обеспечены тепловизорами, собранными на основе дорожных видеокамер, использовавшихся пожарными еще до войны для обнаружения пожаров на южном берегу Крыма. Благодаря этим устройствам и более точному пеленгу удалось локализовать местоположение противника и уже через двадцать минут к дому, в котором держали пленных, было стянуто больше сорока человек.

Двоих наблюдателей срисовали в соседних домах, но пока не трогали, в ожидании команды к началу штурма. Операцией командовал старший лейтенант Ковальчук, имевший специальную штурмовую подготовку. Капитан Строгов, который не смог усидеть на базе и, пользуясь своим статусом офицера элитного подразделения НКВД, возглавлял одну из штурмовых групп. Вооружившись помповыми гладкоствольными ружьями, заряженными патронами с мощными и тяжелыми резиновыми пулями, они стали выдвигаться на исходные позиции.

Получив сигнал, несколько человек проникли в соседние дома и быстро нейтрализовали наблюдателей, после чего к подвалу, где допрашивали пленных, выдвинулись шестеро штурмовиков, а еще восемь человек просочились к дому, где на первом этаже разместились еще четверо.

Все окна были закрыты металлическими решетками, и чтобы проникнуть внутрь дома, оставался единственный путь – через парадный вход. Тяжелая стальная дверь оказалась плотно заперта изнутри, и поэтому ее пришлось подрывать. Направленный взрыв заряда пластиковой взрывчатки снес дверь, как картонное заграждение. В образовавшийся проход сразу рванули штурмовики. Но противники, которых вроде как должно было оглушить взрывом, сразу доказали, что они не новички, и первый же ворвавшийся боец нарвался на автоматную очередь. В комнату, откуда подстрелили штурмовика, сразу полетела светошумовая граната, и после ее взрыва тут же захлопали помповые ружья и пистолеты Макарова, снаряженные травматическими патронами. Подавив огнем сопротивление, подчиненные Строгова, который руководил штурмовой группой, быстро повязали четырех человек, трое из которых, получив тяжелые резиновые пули двенадцатого калибра, были без сознания.

Люди в подвале не успели никак среагировать на взрыв дверей в доме: чуть отодвинув монтировкой створку ворот, в помещение бросили две светошумовые гранаты, и через секунду после последнего взрыва туда ворвались бойцы штурмовой группы старшего лейтенанта Ковальчука.

После грохота и ярких вспышек гранат никто в подвале не смог оказать сопротивления, и трое противников, находящихся в глубоком шоке, были быстро скручены, а Васильев с Шестаковым освобождены, хотя и они были в таком же состоянии.

Вся операция заняла несколько минут, и через полчаса несколько машин, два трофейных джипа и бронетранспортер, в который загрузили оружие и снаряжение разгромленной разведгруппы, покинули поселок. Трофейные машины и транспорт с бойцами и пленными отправились к железнодорожному вокзалу, где находился бункер внутриков. Еще одна машина, в сопровождении БТР с захваченным оборудованием, на максимальной скорости буквально летела в Молодежное, на основную базу, увозя тяжелораненого штурмовика и сильно контуженных Васильева и Шестакова, которым требовалась немедленная медицинская помощь. В то же время еще один БТР с военврачом 3-го ранга Гришиным покинул базу и доставил его в бункер внутриков, чтоб оказать медицинскую помощь пленным.

Глава 16

Всегда ненавидел прыгать с парашютом, а ночью особенно. Ну как-то не получаю особого экстремального удовлетворения от кувыркания в воздухе, потом резкого рывка и хлопка над головой. Когда падение превратилось в спуск, я смог дрожащими руками надеть прибор ночного видения и осмотреться по сторонам. Карев и Дунаев, как более легкие, прыгнули чуть раньше, и купола их парашютов контрастно выделялись на фоне темного неба, тем более каждый из нас включил инфракрасный фонарь, который мигал, обозначая позицию десантника. Так же подсвечивался контейнер с тяжелым оружием и боеприпасами, который я скинул перед своим прыжком. Что ни говори, а ограничения на вес есть и высаживаться в полной выкладке было бы глупостью.

- База, это Феникс.
 - На связи, Феникс.
 - Вы нас отслеживаете?
 - А куда вы денетесь.
 - Расстояние?
 - Три километра. Группа силовой поддержки уже на поверхности, вас встречают.
 - Что там с минными полями, которые Санька понаставил?
 - Да снимали супостаты почти все.
 - Ну и флаг им в руки и перо в одно место, чтоб до Германии лучше летелось...
- Голос подал Карев:
- Что там внизу? Сюрпризов не будет?
 - Ребята уже час там патрулируют. Вроде все тихо.
 - Ну слава богу. А я как раз падаю...

Хрясь! Меня внесло в крону дерева и так конкретно приложило о ветку, что в глазах потемнело. За несколько секунд до удара я успел стянуть с головы прибор ночного видения и закрыть лицо руками, поэтому, хоть и избитое мясниками Ивакяна, лицо не сильно пострадало. Скача по веткам, пару раз проваливался рывками и в итоге повис на высоте полутора метров. Все болело так, что ничего делать не хотелось, и я висел, ожидая, когда отступит боль от удара.

По зрелому размышлению, нужно было разрезать стропы, спрыгнуть, занять позицию, связаться с остальными бойцами группы, но напала какая-то странная апатия, и я так и висел, слушая, как попискивала гарнитура радиостанции, сорвавшаяся при ударе и запутавшаяся в амунции.

Не знаю, сколько времени я пробыл в таком состоянии, более или менее окружающее пространство стал воспринимать, когда меня уже сняли с дерева и, положив на плащ-палатку и взявшись за углы, четверо бойцов несли через лес.

Тихие шелестящие голоса слышались как бы издалека, словно я закрыл голову подушкой. Так же отстраненно воспринимались взрывы, автоматная стрельба и характерное хлопанье АГС. Над головой прекратили мелькать деревья, видимо, мы подходили к portalу и вышли на открытое пространство, и я смог рассмотреть темное небо, редкие облака и яркие черточки трассеров, мелькающие над головами бойцов. Очередь из пулемета прошла по земле, и несколько пуль, отрикошетив, разлетелись красочным веером. Бойцы аккуратно положили меня на землю и стали чего-то ждать.

Все пространство вокруг осветило несколько мощных вспышек, чуть трянуло взрывной волной, и меня снова, уже бегом, понесли к portalу. Мозг автоматически констатировал: «РПО, тандемом зарядили...»

Переход в другое время был неожиданным: темнота ночи сменилась ярким светом сто-
ваттных ламп-экономок, из-за резкой боли в глазах закрыл их. Когда их открыл, уже смог рас-

смотреть стоящую возле установки БМП-2, подготовленную для экстренного выхода, жену и шестерых бойцов в маскировочных костюмах, тех, кто меня нес и охранял, и несколько человек в шлемах-сферах, бронежилетах, с автоматами и одноразовыми гранатометами за спиной. Это было последнее, что я рассмотрел, и просто отключился...

Пробуждение было не из приятных, но некоторая легкость в теле присутствовала, и я с трудом и кряхтением, но все же смог сам подняться на кровати и осмотреться. Родные стены бункера, точнее медицинского бокса: куча аппаратуры, стеклянные шкафы с инструментами и препаратами, холодильник и Марина, что-то с интересом читающая с экрана ноутбука. Оглянувшись на шум, она глянула мне прямо в глаза и улыбнулась, как-то по-особому: немного с грустью, немного с жалостью, немного с затаенной нежностью. Захочешь так не сделаешь, но сумела все это передать за пару секунд, и мне тоже на душе стало тепло и спокойно: я дома. Даже не замечал, что на протяжении всего нашего заточения и в последних событиях Марина стала дорогим человеком. И самое интересное состояло в том, что это была не элементарная тяга мужчины к полигамии, а нечто другое. Она наблюдала за мной и своей женской интуицией читала у меня по лицу, как по открытой книге.

– Ну что, Сережа, укатали Сивку крутые горки?

– Да, есть такое. Может, пояснишь, что случилось?

– Да как обычно, синяки, ушибы, контузия и обычная усталость. Сережа, ты понимаешь, что сжигаешь себя в таком режиме?

– Чувствуется. Движок уже барахлить начал...

– Ну вот видишь, сам все понимаешь.

– Мариша, ты ведь знаешь, что мы действуем в режиме временного цейтнота? Если не дергаться, сожрут. Информация о наличии портала все равно скоро распространится, и начнется ад. Не исключая даже нового ядерного удара по Симферополю.

– Все так серьезно?

– Намного серьезнее. Власть – это наркотик, к которому быстро привыкают. А в бункерах как раз много таких вот хозяев жизни и осело.

Марина покачала головой.

– Все это так, Сережа, но спорить с тобой не буду. Ты давай отдыхай.

– Мариша, ну нет времени. Скажи, что там произошло при переходе? Как ребята – Дунаев, Карев?

– С ними все нормально, только Дунаеву физиономию расцарапало при падении. А что было, не знаю. Кажется, немцы где-то поблизости были.

– А поподробнее?

– Сережа. Там все нормально. Тебе надо отдохнуть. Сейчас ты будешь спать, и не спорь.

Она взяла приготовленный шприц и, шикнув на меня, сделала укол, и я провалился в беспамятство.

Когда я снова проснулся, в комнате звучал детский голос, который пытался что-то рассказывать, и его тут же пытались заглушить чуть рассерженным шипением. Этих людей я не мог ни с кем спутать: жена и сын. Открыв глаза, очень сладко зевнул, показывая, что проснулся. Тут же раздался радостный визг, и ко мне подскочил ребенок и стал дергать за край одеяла. Он облокотился на кровать острыми локотками и залез, шкодно закинув ногу.

– Мама, мама, папа проснулся!

Он попытался сесть мне на грудь, но Светлана быстро его остановила.

– Слава, оставь папу в покое. Ему больно будет.

– Ну мама...

– У папы животик болит. Потом на нем покатаешься.

Смышленный ребенок удобно уселся рядом и стал маленькой нежной ладошкой гладить меня по лбу. И тут же неожиданно задал вопрос:

– Папа, а почему у тебя волосы белые?

Я поднял глаза на Светку: у нее чуть увлажнились глаза, и она отвернулась и стала смотреть в сторону. Но потом, взяв себя в руки, стала объяснять ребенку:

– Когда взрослые много волнуются, у них начинают белеть волосы.

– Папа много волнуется?

– Ему приходится, он же командир и отвечает за всех...

Я лежал и ощущал рукой маленькое тельце сына, который доверчиво прижимался ко мне. Именно в такие минуты я жалел, что у нас так мало времени и его не хватает на обычные семейные радости. Еще больше я ненавидел войну и тех уродов, кто ее развязал и кто попустительствовал, давая волю националистическим мерзавцам, доведшим спокойный и работающий народ до состояния кипения. Сейчас, когда рядом были два самых дорогих человека, все: и СССР 41-го года, и ядерная помойка, в которую превратился наш мир, – ушли на задний план. Было только щебетание сына, который соскучился по отцу, нежная рука супруги, которая присела рядом.

– Папа, а Володька говорит, что у его папы есть автомат, а я сказал, что у тебя и у мамы тоже есть автоматы, и даже маленькая пушка.

Я бросил вопросительный взгляд на Светку.

– Сын Васильева...

Мы так еще минут двадцать разговаривали, пока не раздалось вежливое покашливание в коридоре. Светлана обернулась, увидела у двери дожидającego Строгова и глубоко вздохнула: семейное время закончилось.

– Ну все, Славик, давай пойдем, папе тут с дядей поговорить нужно, мы позже к нему придем...

Когда они ушли, в медицинский бокс вошла целая делегация: старший лейтенант Ковальчук, который на данный момент замещал Васильева, еще не оправившегося после контузии, Строгов, Вяткин, Малой. Судя по составу, намечалось совещание, поэтому я принял подобающее полулежачее положение и приветливо поздоровался. Буквально сразу нарисовались Светлана с Катей Артемьевой, которые как участники последних событий присоединились к разговору.

Когда все расселись, мне пришлось в таком экзотическом положении устраивать совещание. Прежде всего интересовало состояние первого портала и обстоятельства попытки захвата бункера.

Выслушав доклад, я стал задавать вопросы для прояснения картины, а мозг уже лихорадочно выискивал варианты наиболее оптимального использования сложившейся ситуации.

– Саша, – обратился я к Строгову, – что там пленные показали?

– Ничего нового. Откомандированы в распоряжение Лебедева, но их изначально курировал Ивакян. Приказ на начало штурма получили непосредственно от него.

– А что им наплели про бункер и вход на высоте двух метров прямо в воздухе?

– Секретная разработка и все... Захваченная троцкистами.

Я не удержался и фыркнул: как-то все выглядело несерьезно.

– Непосредственно кто-то же должен был руководить операцией и в случае захвата все прибрать к рукам?

– Был, только он поступил по-умному – пустил боевиков, а сам остался на той стороне...

– Ага, и его обратным выбросом энергии раскатало по севастопольским холмам. Только вот интересно, для штурма они должны были знать планировку бункера или хотя бы части его. Что по тому поводу?

– А практически ничего. Только общий вид залов, установки и все.

– Это точные сведения?

– Товарищ майор, проверяли разными способами. Даже детектор лжи задействовали, причем проверяли всех, кто из нашего времени, чтоб вы не подумали, что к этому мы имеем отношение.

И Строгов обвел взглядом своих спутников, выходцев из 41-го года.

– Саша, если бы мы так думали, то ограничили бы ваше передвижение. Но в данной ситуации, видите, этого не наблюдается. Конечно, не буду скрывать, такой вариант не исключается, но только чисто теоретически, в рамках общих мероприятий по обеспечению безопасности нашего отряда.

Строгов, не один год служивший в системе госбезопасности довоенного СССР, прекрасно понял меня, и никакой обиды в нем я не увидел – это был профессионал и, к счастью, на нашей стороне, хотя в основном благодаря Ольге, нашему новому хирургу.

– Хорошо. Это понятно. В руки попали исполнители, которых после операции любому бы ликвидировали. Кстати, видеозаписи допросов скиньте мне на ноутбук, чуть позже посмотрю.

Строгов кивнул, а Катерина ответила:

– Не проблема, сделаем.

– Дальше. Что произошло при нашем переходе? Что за стрельба? Неужели опять подстава?

На это ответил Строгов.

– Нет. Там после боев работали технари, собирали остатки разбитых нами танков, и какая-то группа экспертов. Вот их охрана услышала самолет и зафиксировала выброску группы, ну и попытались поиграть с нами.

– Результат?

– Двенадцать – ноль, в нашу пользу.

– Саша, ты уверен?

– Да. Мы там одного взяли, по-быстрому допросили. Ничего интересного. Точно не про нашу душу.

– Понятно. Дальше: что с установкой?

Тут слово взяла моя супруга, которая также, как я и Борисыч, умела обращаться с установкой перемещения во времени, и в данной ситуации выступала в роли ответчика:

– В результате экстренного выключения установки произошла расфокусировка волновой линзы. Предохранители, конечно, перегрелись, но сработали нормально. В общем, нужно все заново настраивать, и тут только ты справишься.

И тут, как бы невпопад, заявила:

– И это еще одна причина, по которой руководству нужно прекратить такие опасные выходы на ту сторону. Ты нужнее здесь. И это я говорю не как жена, а как офицер и боец нашего отряда.

Я быстро пробежался взглядом по лицам соратников, собравшихся в медицинском боксе, и понял, что это не просто заявление моей супруги, а давно подготовленный, обдуманный и утвержденный ультиматум. А Светлана продолжала давить:

– Сережа, ты уже не мальчик и не рядовой боец, чтоб бегать по лесам и горам с автоматом. По своему статусу ты уже соответствуешь командиру полка, а где ты видел таких командиров, чтоб носились на передовой и воевали в первых рядах?

Разглядывая свою жену, которая старательно подводила теоретическую базу, чтоб меня держать возле своей юбки, краем глаза наблюдал за соратниками. Некоторые, как Артемьева, делали вид, что все так и должно быть, некоторые, как Вяткин, Воропаев и Малой, опустили глаза – неприятно им, что перед ними командира строят. Строгов и Ковальчук одобрительно кивали, поддерживая жену.

– Света, да я все прекрасно понимаю. Но бывают ситуации, требующие моего обязательного присутствия.

– Да, бывают, но не так часто, как ты тут хочешь представить.

А вот тут я уже начал злиться, очень не люблю, когда начинают загонять в угол, даже самые близкие люди.

– Тебе не кажется, что я сам в состоянии определить, что, где и как должен делать? Вроде как не дите неразумное.

Светка уже поняла, что перегнула палку, поэтому тон разговора немного сменила.

– Сережа, ты не совсем правильно понял. Сейчас Оргулов это человек, которого люди связывают с надеждой на порядок и выживание. К твоему сведению, когда просочилась информация, что с тобой что-то случилось, вплоть до возможной гибели, нам с трудом удалось удерживать людей от паники и заставить дальше выполнять свои обязанности.

Эта новость меня сильно остудила. Жена, мгновенно сориентировавшись в изменении моего настроения, сразу пошла в атаку, но уже не столь напористо и категорично.

– Ты пойми: тут все держится только на твоём авторитете. И если с тобой что-то случится, это будет началом конца... А тем более на себя посмотри? Сколько раз за последнее время тебя били, в тебя стреляли? Да на тебе живого места нет.

– Света, ты права. Обещаю, в будущем более осторожно относиться к своей деятельности.

«Ага, сейчас, как же, поверила она мне. Вечером, когда останемся наедине, еще раз попытается мозги мне прочистить», – подумал про себя, увидев легкую гримасу на ее лице.

– Так, проблему моей безопасности обсудили. Что тут еще нового? От Дегтярева есть известия?

– От Дегтярева нет, а вот с той стороны группа наблюдателей у нас пасется под боком не меньше недели.

– О как. Интересные делишки здесь творятся. Можно поподробнее?

Слово взял Малой.

– Товарищ майор, тут их по радио перехватили. Мы с ребятами и полазали в том районе, там, где аэропорт был, и нашли пару наблюдателей. А дальше – дело техники. В небольшом домике засели, на крышу антенны выставили, так и сидят.

– С чего взяли, что это народ из военной разведки?

За Малого ответила Артемьева, все это время отмалчивающаяся.

– Экипировка, явно неагрессивное отношение к нам, и во время сеансов связи отвечающий абонент находился в Одесской области.

– Они что, на открытых частотах выходили?

– Нет, все кодировано, но комплекс радиоэлектронной разведки, что оставил Дегтярев, позволил отследить сеанс связи.

– Они обнаружили, что вы их нашли?

Катя усмехнулась, пряча улыбку, а Малой деланно-равнодушно ответил:

– Да, приветик им оставили, немного еды, воды и термос с кофе.

– Да уж. Кто б меня так регулярно обнаруживал. Надеюсь, о порядке связи с ними договорились?

– Конечно. Частоты, ключи шифрования каналов и позывные оставили им в записке. На указанном канале они три раза щелкнули микрофоном, что можно однозначно расценивать как контакт.

– Прекрасно. Что там произошло с Васильевым и Шестаковым?

Взгляды всех присутствующих обратились к Светлане и Кате, которые, видимо, принимали самое активное участие в недавних событиях. Слово взяла Артемьева. Она спокойно, практически без эмоций, что для знающих ее людей было знаком сильного раздражения или даже сдерживаемой злости, начала излагать историю обезвреживания заезжей разведгруппы.

– По агентурным каналам прошла информация о появлении в окрестностях города некой группы, которая старается оставаться незамеченной. Состав, принадлежность и задачи были неизвестны. Мы сначала предполагали, что это военная разведка шуршит, но по данным Кукушек, которые пасли вояк достаточно долго, они сидели в окрестностях аэропорта и носа не высовывали...

– Что радиоперехват?

– Практически ничего. Пару раз связывались с кем-то на Украине, но точно ничего узнать не удалось: слишком короткие шифрованные передачи. Татар отработали: не их происки. В общем, решили им троянского коня подsunуть: одиночная машина с двумя нашими бойцами гоняла пару дней, пока Васильева это не достало, и он не поехал сам с Шестаковым. Вот они как раз и попали. Благодаря радиомаякам их нашли и взяли.

– Судя по вашим лицам, не все так весело было.

– Да. Одного нашего сильно зацепило, но Ольга говорит, что все будет нормально.

– Понятно. А гости?

– Девять человек. Взяли практически всех в разной степени целости. У большинства контузии от световых гранат.

– Допрос проводили?

– Да, по горячим следам кое-что узнали.

– Херсонцы?

– Они. Та группа, которую Черненко ожидал.

– Кстати, как он там?

– Тяжелый, но вроде потихоньку выкарабкивается.

– Это все?

– Почти. Один из херсонцев обмолвился, что они как-то случайно выпасли еще интересных наблюдателей.

– Армейцев?

– Да как раз нет. По времени армейцы сидели у себя в аэропорту и носа не показывали. Так что тут у нас третья сила нарисовалась...

– Да уж. Что предприняли?

– Те же меры безопасности, когда херсонцев вылавливали, плюс патрули снабжаем камерами с тепловизорами. Пока только это.

– Хорошо. Пока оставляем все как есть. С херсонцами я сам чуть попозже побеседую. Теперь давайте думать, что будем делать дальше. Сейчас на повестке дня самое главное – восстановить окно под Севастополем и планомерно перебросить окруженные части из-под Борисполя в Крым, тем самым мы изменяем баланс сил на Юго-Западном фронте, полностью меняем весь ход событий в Крыму. Тем более немцы начали операцию по уничтожению окруженной группировки, и время уже пошло не на дни, а на часы. Второе. Считаю, что в наших интересах начать постройку еще двух порталов в защищенных местах: бункер в Симферополе, возле железнодорожного вокзала, и в Перевальном. И там и там есть обширные гаражи, что позволит построить установки приемлемых размеров для отправки бронетанковой и грузовой техники. Я больше склоняюсь к железнодорожному вокзалу: там есть тепловозы с мощными дизелями, которые можно использовать в качестве энергоустановки портала. Если проложить ветку поближе к бункеру, то можно обеспечить подвоз необходимого оборудования по железке, а увеличение грузопотока в ближайшее время я не исключаю.

Светлана не утерпела и задала вопрос:

– А в Перевальном зачем?

– В случае начала вооруженного конфликта, а это нас ожидает в ближайшие полгода, в Перевальном легче всего держать оборону.

Ковальчук согласно кивнул головой.

– Да, в принципе, мы тоже хотели предложить нечто подобное, вот только грузы туда далеко возить.

– Ну вот так и сделаем.

Но Ковальчук не уговорился и решил уточнить:

– Скажи, Командир, а почему бы не сделать портал на машине и не попробовать помотаться и найти точки с самыми лучшими условиями выхода?

– Тоже думал над этим. Только вот при настройке системы нужно жестко фиксировать волновую линзу и при работе установки идут вибрации, что может привести к сбою фокусировки и выбросу энергии в окружающее пространство. Пока только стационарные и жесткие укрепленные установки.

– Понятно. Нечто подобное я и ожидал. Кстати, а кто тогда будет заниматься новыми установками? Сам ты не потянешь. Придется Борисыча из Москвы отзывать.

– Да, тут ты прав. Тогда делаем так. Света, Катя, на вас подобрать замену Борисычу дляправки в Москву. Я займусь настройкой установки. Надо вытягивать наших из Севастополя, тут и у самих дел по горло.

Артемьева как бы между прочим сообщила:

– В качестве замены Борисычу можно послать двух человек. Кого-то из офицерского состава и Воропаева. Парень очень даже неплохо освоился с компьютерной техникой и чуть ли не живет с нашими компьютерщиками.

Дождавшись всеобщего внимания, она продолжила:

– Отправить профессионального компьютерщика было бы неплохо, но сами знаете, какие они языкатые. Точно начнут трепаться и выбалтывать вещи, за которые запросто могут устроить несчастный случай...

Тут подал голос Ковальчук.

– Ну почему же? Есть толковый парнишка, сержант Яковенко, фамилия у него такая. И повоевал, и язык за зубами держит, и в компьютерах очень хорошо разбирается. Наш человек, мы сейчас его частенько привлекаем для настройки наших систем слежения.

– Он на той стороне был?

– Да. Даже с немцами повоевать умудрился немного. Из гранатомета немецкую «троечку» сжег. В общем, надежный парень.

Я внимательно слушал старшего лейтенанта, потом перевел взгляд на Катерину, которая кивнула, подтверждая слова Ковальчука.

– Понятно. Сержанта срочно откомандировываете к нам, в техническую группу, я с ним побеседую, а потом буду принимать окончательное решение. Кстати, а почему ни Марины, ни Оли не вижу? Как там обстоят дела с ранеными, в особенности с Черненко?

Света, как школьница, подняла руку, помахав ладонью, привлекая мое внимание.

– У них операция. Одному из херсонцев стало плохо, слишком сильно его травматической пулей приложили. Началось внутреннее кровотечение, сейчас они с Гришиным срочно делают операцию...

– А Черненко?

– Тяжелый, но пришел в сознание.

– Понятно. Совещание закончено. Если что, я с каждым свяжусь в отдельности.

Когда люди начали выходить из медицинского бокса, я обратился к Ковальчуку:

– Юра, ты своего сержанта пришли побыстрее. У меня для него есть интересное задание.

– Не проблема, Командир. Сегодня же вечером с патрулем привезу.

– Вот и ладушки.

Через час, после плотного обеда, я уже не мог сидеть без дела, поэтому бегло пролистав видеофайлы с записями допросов пленных бойцов ОСНАЗа НКВД, которые пытались атаковать бункер из 41-го года.

По роду работы в службе безопасности банка не раз наблюдал за допросами всяких мошенников и не вполне честных людей, а частенько и сам проводил беседы, поэтому с интересом просматривал эту информацию. В принципе, все было практически как говорил Строгов, но была пара нюансов, которые меня немного напрягли и заставили поволноваться. Нет, дело не в капитане, его-то проверяли не раз и не два, да и вряд ли руководство НКВД могло так тонко просчитать, что Строгов станет одним из нас. Он всего лишь волкодав, боец, а вот поведение двоих пленных меня немного заинтересовало. Уж как-то несколько они выпадали из команды боевиков-профессионалов. Тут нечто иное, скорее всего оперативники, которых специально нам подсунули таким экзотическим способом. Скорее всего, оппоненты рассчитывали на то, что у нас нехватка людей и после определенной проверки зачислим их в отряд. Вряд ли они сами в курсе, но наверняка имеют жесткий приказ на подчинение в определенных условиях. Такие вот кроты. Знают ведь, гады, что мы в состоянии мозга им выпотрошить, вот и сработали народ втемную. Значит, от пленных надо избавляться в любом случае.

Глава 17

С сержантом Игорем Яковенко я познакомился на следующее утро, когда, наплевав на все рекомендации врачей, стал возиться с вышедшей из строя установкой перемещения во времени. Исходя из доклада жены, которая как раз и устроила экстренное выключение, система не сильно пострадала, но меня, как технаря и разработчика, не покидали смутные сомнения о, скажем так, не совсем полной достоверности информации. Поэтому, переодевшись в «подменку», потасканную и много раз стиранную камуфлированную форму, вооружившись тестером и скаткой с инструментами, пробрался через туннель к portalу и занялся проверкой.

Как говорила жена, фокусировка волновой линзы слетела конкретно, а вот силовая часть и система управления контурами не пострадали. Тут она немного покривила душой: силовые предохранители успели выключиться, но импульс был настолько сильным, что ясно было видно оплавившуюся изоляцию. Поэтому когда Вяткин, командующий отрядом охраны бункера, привел сержанта Яковенко, я его самым наглым образом нагрузил заново подключать пакетники и перекладывать часть проводов, которые не вызывали доверия. Пока шла работа, я приглядывался к парню и время от времени задавал вопросы.

Что ж, в данной ситуации Ковальчук не ошибся – парень заслуживает внимания. Худощавый, подтянутый, видимо, занимался спортом, он производил впечатление надежного и спокойного человека. Судя по рассказу, его родители жили в селе Донском, недалеко от Симферополя, отец был автомехаником, а мать домохозяйкой. Отслужив срочную службу, устроился на работу в небольшую компьютерную фирму, где ремонтировал компьютеры, прокладывал сети и системы видеонаблюдения – ну практически мой коллега. Несколько точных ответов подтвердили его квалификацию, что не могло не радовать. Когда началась война, родители покинули Крым, забрав младшего брата, и уехали к дальним родственникам в Днепропетровск. Больше он о них ничего не слышал. Когда татары начали уничтожать славянское население, Игорь, прихватив карабин СКС, который оставил ему отец, вступил в отряд самообороны. После того как гражданская война вылилась в масштабные сражения, вступил в полк внутренних войск, где и воевал до начала ядерных бомбардировок.

Естественно, все это я мотал на ус и в уме уже готовил список вопросов, через которые надо будет прогнать сержанта на детекторе лжи. А пока, изредка переговариваясь, каждый делал свою работу.

Часа через три, убедившись, что в принципе все нормально, и проверив работу нового подчиненного, я отправил Яковенко на камбуз обедать, предупредив о скором собрании техников в кают-компании. А сам направился в медицинский бокс – физический труд не прошел даром и состояние заметно ухудшилось. Но, не забыв про свои обязанности, зашел в палату, где лежал полковник Черненко.

Он выглядел неважно, очень неважно. Волевой и энергичный человек, которого я знал раньше, исчез – передо мной в постели лежал его призрак. Бледное лицо, покрытое щетиной, глубоко запавшие глаза и усталый, мутный взгляд. Недалеко от входа, на стульчике, сидя за столом, положив голову на скрещенные руки, спала невысокая женщина, которая находилась постоянно возле тяжелораненого супруга. Войдя в палату, я резко остановился и, стараясь не шуметь и не разбудить бедную женщину, осторожно подошел к полковнику. Видимо, ему было очень больно, и он глубоко дышал, стараясь не закричать, на лбу выступили капельки пота, но, увидев меня, сразу преобразился, и во взгляде появились какие-то искорки. Он слабым голосом, имитируя веселые нотки, проговорил:

– А, майор, навестил наконец-то старика.

Я тоже вполголоса ответил:

– Да какой вы старик, Михаил Григорьевич? Вам еще молодняк учить да в бой вести.

– В таком виде. Да нет, Сергей, отвоевался я уже.

– Не получится: у меня на вас большие планы. Так что не выдумывайте и поправляйтесь, скоро вас на чистый воздух переведем.

Черненко закашлялся, но оказалось, что это он так смеется.

– Да, уделал ты всех: машину времени построил и в сорок первый стал мотаться, торговлю наладил.

– Да какая торговля. Что плохо лежит, то и хватаем.

– Хватит прибедняться: то, что тебе майора Сталин присвоил да Красную Звезду дал, это же не за красивые глазки. Тут Васильев заходил, порасказывал, что вы там под Фастовом и под Киевом устроили, да про твои похождения под Могилевом. Молодец, Сережа. Все ты правильно сделал, да жаль мне так поздно сказал.

– И что бы было? Вы, Михаил Григорьевич, на людей посмотрите. Как волки стали, за кусок удавить друг друга готовы. Да вы сами бы попробовали все под себя подмять, и кто знает, во что бы это вылилось.

– Ты так про меня плохо думаешь?

– Нет. Но голод, болезни, особенно болезни детей, толкают людей на самые отчаянные поступки. А так я вам не дал возможности натворить глупостей.

Черненко промолчал. Видимо, какие-то планы на мой счет у него были, и он думал, что я в курсе про его проделки. Поэтому, чтобы разрядить обстановку, я перевел разговор на другую тему.

– Как вы отнесетесь к должности военного консультанта в РККА? Будете учить наших предков.

Он невесело улыбнулся.

– Хочешь меня удалить из бункера подальше?

– Не совсем. Вас, в вашем состоянии, обязательно нужно отправлять в чистый мир, иначе никак, да и на выздоровление уйдет не меньше полугода. А за это время тут такая мясорубка начнется, что вряд ли кто-то уцелеет, если не успеет перебраться в мир прошлого.

– Ты тоже так думаешь?

– Уверен. Вы сами видите, что уже началось: нездоровое шевеление вокруг нас, ваши херсонские друзья нарисовались да еще кто-то на заднем плане дрыгается. Ребята приезжих гостей, конечно, повязали, но не без крови. Надо быстро разруливать ситуацию, а то нарвемся на партизанскую войну на наших коммуникациях.

– От меня что-то требуется?

– Да. Скажите, вы знаете такого майора Кириченко?

– Из Херсона?

Я коротко согласно кивнул.

– Командир отряда, который долго крутился вокруг нас. Настроены весьма агрессивно. Поэтому придется Кириченко тащить сюда и предъявлять вас в качестве доказательства. Хотя если это второй Семенов, то ничего это не изменит.

– Можно, конечно, с ним поговорить, но я его не знаю. Скорее всего, это заряженный под определенную задачу исполнитель с периферии.

Черненко промолчал, а потом задал вопрос:

– Сережа, а что с Семеновым случилось?

– Да темная история. Придушили его по-тихому. Да и Ильеса с двумя подельниками за компанию.

– Убирали свидетелей?

– Нет, скорее месть. Убивали его несколько человек, при этом присутствовали и женщины. Я знаю кто: там стояли несколько видеокамер, и те люди никак не подходят на роли чистильщиков. Его приговорили и наказали...

– Ты все спустил на тормозах?

– Не совсем. Тем, кто в этом принимал участие, я прямым текстом сказал, что все знаю и полностью одобряю их действия. Хотя считаю их преждевременными.

– Сильно. Не можешь пресечь безобразие, возглавляешь его. Вполне разумно.

– Не совсем так, полковник. Просто я считаю, что у наших людей должно быть право судить и наказывать. У нас это право забрали вместе со свободой. Если б те же татары знали, что за каждое нападение, разбой, убийство они понесут заслуженную кару, от которой нельзя защититься продажной милицией, прокуратурой, купленными чиновниками, резни славян, произошедшей два года назад, не было бы. Безнаказанность порождает новые преступления...

Я замолчал, собираясь с мыслями.

– Михаил Григорьевич, сейчас рождается новое общество, у которого есть свой путь, уникальный путь. Если проводить аналогию, то можно сравнить с американскими переселенцами, которые, вооружившись револьвером Кольта и ружьем Генри, двигались вперед. На то, что из этого получилось, нельзя, конечно, смотреть без омерзения – общество потребителей, но это только из-за того, что в какой-то момент повернули не в ту сторону, и то в угоду банкирам, которые избрали США как центр своих усилий, перебравшись из Англии... Для нас же главное – понять: чтобы выжить, нужно измениться. И люди меняются, побывав на той стороне. Скорее всего, снова возникшая духовная связь с прошлым, которую у нас украли все эти продажные скоты, поборники демократических ценностей, пробуждает в людях нечто такое, что позволяет вершить поступки планетарного масштаба. Это не желание получить на халяву чистую жрачку и воздух, это тяга к чему-то действительно светлому и большому. Главное, люди начинают реально понимать, что они могут изменить свою жизнь, управлять своей судьбой, а ведь именно этого нас лишили, навязав в качестве конечной цели зеленые бумажки и жесткий ошейник. Сейчас мы вершим историю, не как боги, а как люди, которым свойственно ошибаться и заблуждаться. Куда ведет эта дорога, никто не знает, но в отличие от прошлой жизни, это путь для сильных духом людей, а не широкая прямая трасса, по которой настоятельно направляли на убой толпу обдолбанного быдла для получения сверхприбылей.

Лицо Черненко порозовело, а в глазах, несмотря на боль, засверкал огонь. Были бы у него силы, он, наверно, подскочил бы в кровати.

– Ого, майор, а ты под свою деятельность целую философскую платформу подвел.

– Надо же думать и о душе, и о том, что будет после того, как накормим людей и обеспечим им безопасность.

– Метишь на должность вождя или мессии?

– Боже упаси, еще этого не хватало. Вот чего-чего, а этого всегда терпеть не мог. Мне больше нравится должность серого кардинала.

– А вот и банковский безопасник заговорил. Сережа, ты определись, чего хочешь, а потом веди людей в бой. У тебя в руках великий инструмент коррекции истории, и как мне кажется, ты сам пока не можешь в это до конца поверить и решить, что со всем этим делать.

– Да уж, удивили вы меня, Михаил Григорьевич.

– Что попал в точку?

– Ну не то чтобы в десятку, но в черный круг зарядили весьма основательно.

Я замолчал на несколько секунд, собираясь с мыслями.

– Как-то в одной из книг прочитал, что все, кто спасал свою родину, никогда не начинали свой путь с громогласных заявлений об этом. Они просто делали свое дело, не думая о признании потомков и о памятнике из золота в полный рост. У меня все начиналось с того, что просто стояла проблема спасения моей семьи, потом еще и семьи погибшего друга. А затем все так закрутилось, что мне доверили свои судьбы множество людей, и уже не было другого выхода. Потом я заметил, какой странный эффект производит путешествие в прошлое: люди

меняются, и не могу сказать, что в плохую сторону. Данных и наблюдений не так много, чтоб делать какие-то выводы, но вся моя интуиция и совесть говорит, что иду правильным путем.

– И что ты советуешь предкам?

– Ничего не советую. Смысл? Вы бы поверили советам финансового аналитика, спустившего свой капитал до копейки? Я им передаю информацию и пытаюсь наладить взаимовыгодное сотрудничество, но не более того. Ложиться под Сталина и его компанию не собираюсь. У нас свои проблемы, у них свои, но вот помочь, поучаствовать я и мои соратники не против, особенно если из этого можно будет добыть нужные для нашей жизни трофеи и надавать по голове извечным нашим врагам...

– Вот этого и ждал от тебя – правды. Если б начал рассказывать про то, как ты поведешь своих людей к счастью и подаришь им новый, чистый мир, как будешь бороться за Великую Россию или Великую Украину, то мне бы пришлось принять меры...

Его рука, лежащая под одеялом, чуть двинулась, и я увидел смотрящий мне в голову ствол пистолета.

Я посмотрел на ствол МП и грустно вздохнул.

– И что дальше?

– А ты как думаешь?

– Михаил Григорьевич, ну вроде боевой офицер, а ведете себя, как махровый еврей. Ну что за детский сад?

Он усмехнулся ну прямо как молодой лейтенант.

– Может, озвучишь, что ты для старика приготовил? Это последний маленький экзамен.

– Да. Вы точно идете на поправку. Пока не выздоровеете, будете в СССР сороковых годов инструктором.

– Ладно. Вижу, отделиваешься общими фразами.

– Я сам пока все не решил. Надо провести кое-какие подготовительные мероприятия.

Я глянул на часы, висящие в палате и удивился, сколько потратил времени.

– Извините. Пора идти.

– Удачи. Заходи почаще.

Когда я встал и направился к выходу, он неожиданно меня окликнул:

– Сергей, а ты что совсем не испугался?

Тут я решил его немного пнуть на прощание.

– Нет. Про пистолет, который вам принесла жена, мы знаем. Когда вы были в очередной отключке, а ваша жена проспала чуть дольше от небольшой дозы снотворного, Катя Артемьева вытащила ударник...

Со стороны якобы спящей жены Черненко послышался шум, напоминающий возмущенное сопение. Полковник неожиданно здоровым и энергичным голосом сказал:

– Удачи, майор.

– И вам не хворать...

В кают-компании меня с нетерпением ждали молодые дарования, собранные для постановки задачи. То, что этим будет лично заниматься легендарный майор Оргулов, серьезный вояка и первооткрыватель туннеля в прошлое, их интриговало и заставляло чуть ли не при-танцовывать от нетерпения.

Когда я вошел в помещение, народ уже успел перекусить и заправиться кофе. Бегло пробежавшись взглядом по четырем гражданским специалистам и двум бойцам Яковенко и Воропаеву, с недавних пор закрепленных за технической группой, присел за стол, подтянул к себе блюдо с немецкими трофейными галетами и кивнул Воропаеву.

– Игорь, налей кофе, пожалуйста, а то что-то в сон клонит.

Он, кивнув головой, сделал пару шагов, взял из шкафа чистую фарфоровую чашку и поставил ее к кофейному аппарату и нажал кнопку. Там что-то загудело, зашипело, и в чашку

потекла тонкая, черная струя, распространяя по комнате, и так пропахшей съестным, аромат свежесваренного кофе. Со стороны было интересно наблюдать, как солдат, судьбой которому было предначертано погибнуть в окрестностях Могилева 41-го года, одетый в камуфляж начала двадцать первого века, с эмблемой «НКВД СССР», отпечатанной на струйном принтере, заламинированной и пришитой на рукав, мастерски обращается с современными приборами. Причем все это делается настолько привычно и буднично, что вызвало у меня невольную улыбку. Это не осталось незамеченным, и Воропаев удивленно обернулся и спросил:

– Что-то не так, товарищ майор?

– Да нет. Просто как-то недавно у нас был разговор про футуришок, который может возникнуть у предков...

Игорь был понятливым и пытливым человеком, тем более благодаря своим качествам уже вошел в команду технарей-компьютерщиков, на лету словил тему и уже в ответ ухмыльнулся:

– Да как-то времени не было в шок впадать. Люди-то такие же. И в вашем и в нашем времени есть и сволочи, и хорошие люди. А все остальное просто вещи, к которым быстро можно привыкнуть.

Тут голос подал один из гражданских. Еще до перехода в Севастополь я с каждым из них общался и тщательно изучал личные дела, поэтому сразу определил спорщика. Это был знаменитый в своей среде Александр Александрович Кошелев, для простых людей Сан Саныч или просто Саныч. Как ни удивительно, этого человека я знал еще с довоенных времен. Он был дружен с Борисычем, и мы, когда у нас существовал общий бизнес, частенько пересекались по работе. Поэтому, прекрасно понимая, что за человек сидит передо мной и начинает демагогическую свару, с трудом подавил желание достать из кобуры «Глок-17» и отстрелить ему язык. Это был уникальный человек: насколько он вызывал у нормальных людей возмущение и антипатию безапелляционной манерой навязывать свое субъективное мнение, не выбирая при этом выражения, настолько он считался неплохим специалистом в технике. Это был именно тот случай, когда человека нужно было запереть в комнате, обеспечить ему доступ в Интернет и еду и полностью оградить от общения с окружающими. Еще тогда ходили байки, как он получил по голове от молодой мамыши в супермаркете, когда во всеуслышанье на кассе начал критиковать ее выбор молока для ребенка, обозвав ее глупой клушей из-за того, что она не выбрала торговую марку «Буренка», являющуюся самой «правильной» по мнению Саныча. Он спорил со всеми и по любому поводу. Мобильные аппараты «Нокиа» являлись отстоем, а самыми правильными были «Моторола», о чем он заявлял везде, где только находил свободные уши. Он был грозой для менеджеров по продажам в компьютерных фирмах: это чудо умудрялось, делая покупку на несколько десятков долларов, настроить против себя всех, громко и рассуждая о достоинствах материнских плат, жестких дисков разных производителей. То, что его не начинали бить после этого всего, было не его заслугой, а просто определенно высоким уровнем культуры и терпения продавцов. Известен случай, когда его просто вытолкали чуть ли не пинками из оптовой фирмы, после того как он назвал менеджеров фашистами за то, что у них на складе были только жесткие диски Seagate. Но при всем при этом он считался неплохим профессионалом и часто умудрялся поднимать материнские платы и ноутбуки, от которых отказывались сертифицированные сервисные центры. И что странно, пользуясь такой дурной славой, он смог пережить гражданскую и ядерную войну и выжить в бункере, несмотря на весь свой неуживчивый характер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.